

Бирский филиал
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Башкирский государственный университет»

Историко-краеведческий
альманах
«БИРСКАЯ СТАРИНА»

Малые города Урала:
материалы Региональной научно-практической
конференции, посвященной 350-летию г. Бирска

27-28 мая 2013 г.

БИРСК 2013

УДК 908
ББК 26.891
Б 64

Печатается по решению
Совета социально-гуманитарного
факультета Бирского филиала БашГУ

Б 64 БИРСКАЯ СТАРИНА: Историко-краеведческий альманах, выпуск 4-5. Малые города Урала: материалы Региональной научно-практической конференции, посвященной 350-летию г. Бирска. 27-28 мая 2013 г. /Под общ. ред. канд. ист. наук, доцента Ю.Н. Сергеева. - Бирск: БФ БашГУ, 2013. - 128 с.

ISBN 978-5-86607-436-5

Историко-краеведческий альманах «Бирская старина» призван наследовать лучшие традиции как профессионального исторического, так и любительского краеведения на Южном Урале. В данном ежегоднике помещены научные статьи, источники, хроника научной жизни посвященные истории развития малых городов Урала. Историки, краеведы других направлений получили возможность публиковать в указанном альманахе свои статьи. Обязательной нормой альманаха является присутствие в нем работ по истории г. Бирска и Бирского района.

Альманах будет интересен историкам профессионалам и краоведам-любителям.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю.Н. Сергеев – главный редактор

Р.Р. Хамидуллин - ответственный секретарь

Р.Н. Масалимов

Р.Б. Габдулхаков

Материалы публикуются в авторской редакции

© Коллектив авторов, 2013
© Бирский филиал БашГУ, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

<i>Абдулов Н.Т.</i>	Православное духовенство Уфимской епархии в 1917-1922 гг.	4
<i>Александров А.П.</i>	Страницы истории послевоенного баптизма: дело пресвитера Уфимской общины 1946 года	15
<i>Ахмадуллин В.К.</i>	Состояние образования нерусских народов в Уфимской губернии на рубеже XIX-XX вв.	20
<i>Габдулхаков Р.Б.</i>	Уральские эсеры между двумя революциями	22
<i>Габдулхаков Р.Б.</i>	Социал-демократические организации на Урале накануне и в годы первой мировой войны	37
<i>Денисламов Т.Г.</i>	Развитие г. Бирска в 1950-1980 гг.	44
<i>Зявгарова Г. Н.</i>	Из истории архивного дела МР Бирский район РБ	46
<i>Попкова Л. П.</i>		
<i>Масалимов Р.Н.</i>	Союзы молодежи городов Южного Урала в годы кризисов и революций	50
<i>Масалимов Р.Н.</i>	История утверждения народной власти в Бирске	55
<i>Назмутдинова О. Р.</i>	Откупа доходных статей казны как форма накопления купеческих капиталов (по материалам Бирского уезда Оренбургской губернии)	58
<i>Самситдинов И.З.</i>	Бирск накануне и в годы Великой Отечественной войны	62
<i>Свице Я.С.,</i>	Насельницы Бирского Свято-Троицкого монастыря по материалам переписи 1917 г.	65
<i>Ергин М.Ю.</i>		
<i>Сергеев Ю.Н.</i>	Насельницы Бирского Свято-Троицкого монастыря по данным метрических книг 1882-1915 гг.	79
<i>Сергеев Ю.Н.,</i>	Краткий очерк истории исторического отделения Бирского учительского института (1939-1952 гг.)	82
<i>Хамидуллин Р.Р.</i>		
<i>Ямурзина Л.</i>	Традиционная свадьба восточных мари в контексте теории обрядов перехода	91

ИСТОЧНИКОВЫЙ ДЕПОЗИТАРИЙ

<i>Кирюшин С.В., Чухланцева А.И.</i>	Штатное расписание Бирского учительского института на 1946 г.	101
<i>Назмутдинова О.Р.</i>	Контракты о найме на работу с гильдейскими купцами г. Бирска	103
<i>Сергеев Ю.Н.</i>	Речь ректора БирГПИ К. В. Ахиярова посвященная 40-летию института	104
<i>Хамидуллина И.Н.</i>	Г. Гилев – последний заведующий кафедрой истории БирГПИ	109

МЕТОДИЧЕСКАЯ КОПИЛКА

<i>Алеврас Н.Н.</i>	«Консервативные» историки: научные взгляды и труды М.П. Погодина, Н.Г. Устрялова (фрагмент из лекционного курса)	111
---------------------	--	-----

ХРОНИКА

<i>Хамидуллин Р.Р.</i>	Первый отчет кафедры отечественной и зарубежной истории по научно-исследовательской работе за 2000 г.	124
------------------------	---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

128

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

*Абдулов Н.Т.,
СФ БГУ, г. Стерлитамак*

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО УФИМСКОЙ ЕПАРХИИ В 1917-1922 ГГ.

К началу революционных потрясений 1917 г. Русская Православная Церковь представляла внушительную силу. В империи было 115-125 млн. православных верующих (около 70% населения), 79 тыс. храмов и часовен, около 120 тыс. священников, диаконов и псаломщиков, 130 архиереев, 1253 монастыря и скита с 95 тыс. монашествующих и послушников, 57 духовных семинарий и 4 духовные академии¹. Уфимская епархия, как структурное подразделение Русской Православной Церкви, была организована в октябре 1799 г. К 1913 г. (год наиболее позднего тотального обследования епархии синодального периода) в составе епархии насчитывалось: 526 церквей, 225 часовен, 537 священников, 171 диакон, 387 псаломщиков, 15 монастырей с 2235 монашествующими и послушниками, духовная семинария². Управляющим Уфимской епархией с 22 декабря 1913 г. был епископ Андрей Ухтомский, личность яркая и значительная³.

К февралю 1917 г. авторитет и влияние Церкви как в центре, так и в регионах империи оказались в значительной степени подорванными. Введение в начале XVIII в. синодальной системы с подчинением Церкви бюрократическому аппарату лишила ее самостоятельного голоса в обществе, приравнивало приходского священника к полицейскому чиновнику, который присягал служить властям, сообщал о политических настроениях своей паствы. Это бюрократизировало духовенство, роняло его авторитет, так как Церковь являлась государственной, противники ее возлагали на нее долю ответственности за репрессии самодержавия и все социальные несправедливости, творимые государственным аппаратом. В результате с конца XIX в. в российском обществе, прежде всего, среди интеллигенции наступает заметное охлаждение к ценностям православной веры и к значимости церковной организации среди других общественных институтов. Антиклерикальные настроения начинали проникать и в широкие народные массы. Уже в революцию 1905-07 гг. происходили случаи погрома домов священников, изгнания их и даже убийства⁴.

Внутри самой Церкви созрела своя «революционная ситуация». С 1905 г. основная часть духовенства, в том числе епископата, проявляла недовольство политикой Синода и существовавшей системой в целом. Появились признаки обновления, стремления к церковным реформам, создавались разнообразные приходские братства, религиозно-нравственные кружки и общества, выходили православные журналы, возрождалось проповедничество. Не осталась в стороне от общероссийской линии и Уфимская епархия. Еще в период революции 1905-1907 гг. духовенство Уфимской епархии выдвинуло радикальный проект реформирования Церкви⁵. Подлинный размах процесс возрождения различных сторон жизни епархии получил с прибытием в Уфу епископа Андрея Ухтомского.

Февральская революция в 1917 г. не была неожиданностью для епископа Андрея. О невозможности существования царского режима в том виде, каким он был в начале XX в. епископ писал задолго до 1917 г. «Самодержавие Романовых выродилось сначала в самовластие, а потом в явное

¹ Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь XX в. – М., 1995. – С. 35.

² Полный Православный Богословский Энциклопедический словарь. – М., 1992. Т. II. – С. 2215-2216.

³ Зеленогорский М. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея. – М., 1991. – С. 10.

⁴ Зырянов П. Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг. – М., 1984.

⁵ Хазиева М.А. Реформационный проект 1905 г. православного духовенства Башкортостана // Политическая и социально-экономическая история Южного Урала в XVI-XX вв. – Уфа, 1999. – С. 63-65.

своевластие, превосходившее все вероятие»¹. Непонимание экономических и политических интересов страны, игнорирование духовных запросов русского общества, падение авторитета Двора, по мнению епископа, вызвали бурю революций и гибель режима.

Епископ Андрей, приветствуя Февральскую революцию как акт ликвидации давления на церковную жизнь со стороны самодержавия, призывает к обновлению и возрождению Церкви. Выдвигается главный лозунг деятельности епископа – активизация церковной и общественной работы на фундаменте православного прихода, что должно стать основой строительства новых государственно-церковных отношений².

В ходе развития революционного процесса в стране, епископ все более стремится к работе, направленной на организацию общественной жизни снизу. В основе практической деятельности епископа в 1917 г. лежит труд по организации церковно-общественной жизни в Уфимской епархии. На волне всеобщего обновления, в Уфе принимается ряд документов, ставящих перед собой цель активизировать церковно-общественную жизнь и укрепить сознание нравственно-религиозной значимости православия в народе.

В первую очередь утверждается «Устав Союза Уфимского духовенства по организации приходской жизни», который должен был лечь в основу деятельности местного клира по организации «действительного объединения между собой всех членов Церкви, начиная с прихода»³. Залогом успеха Устав считает такие отношения Церкви и государства, которые соответствовали бы самостоятельности и свободе первой. В восемнадцати статьях Устава определяются задачи деятельности клира и намечаются конкретные мероприятия возрождения церковно-общественной жизни.

25 апреля 1917 г. созывается экстренный съезд духовенства Уфимской епархии. Епископ Андрей выступил на нем с речью и вскоре отправился в Петроград на сессию синода. Доведение дела он поручает своему недавно избранному заместителю – викарному епископу Златоуста – Николаю Ипатову. На съезде был разработан проект «Устава Союза Уфимского духовенства нравственной и материальной взаимопомощи», а 30 апреля 1917 г. был принят проект «Устава православных приходов Уфимской епархии»⁴.

Уфимский проект, включивший в себя три раздела и 20 параграфов, определял задачи прихода, юридический статус, внутреннюю структуру, обязанности и права его членов, объединившихся с целью «наилучшего устройства религиозно-нравственной культурно-просветительной и общественно-экономической жизни»⁵. Проект устанавливал построение приходской жизни, где высшим органом является приходское собрание, членами которого являются причт и прихожане без различия пола и достигших 18 лет. Собрание решает основные проблемы и избирает подотчетный ему приходской совет, члены которого выбирают из своей среды председателя. Выборными являются все должности, занимаемые клиром, который, с точки зрения этической и финансовой, контролируется приходским обществом. Вся деятельность прихода направлена на подъем нравственно-материального и общеобразовательного уровня его членов, что должно стать основой устройства православной Церкви как единого целого.

20 июня с 1917 г. Синод принимает «Временное положение о православном приходе» - кладется начало возрождению самоуправляемого прихода, а также активизации мирян в церкви. Это положение во многом сходно с уфимским проектом Устава православных приходов. Однако постановлением от того же 20. 06. 1917 Временное правительство отнимает у Церкви и национализировать все

¹ Андрей (Ухтомский). Государственная Дума и Св. Синод//Заволжский летописец, 1916. №1. - С. 132.

² Зеленогорский М. Указ. соч. - С. 38-39.

³ Устав Союза Уфимского духовенства...//У.Е.В. 1917. №7-8. - С. 218.

⁴ Зеленогорский М. Указ. соч. - С. 42.

⁵ Проект Устава православных приходов в Уфимской епархии//У.Е.В. 1917. №9-10, приложение 2. - С. 6.

принадлежащие ей общеобразовательные школы – примерно 37 тыс.¹ Церковь протестовала против этого акта. Не остался в стороне от такого протеста и епископ Андрей. Он оценил подобное явление как «цезаропапизм наизнанку»². Месяцем ранее, в мае 1917 г. в беседе с главой Временного правительства епископ Андрей высказывает мнение, что «отделение Церкви от государства не страшно для Церкви, но для государства страшно его собственное отделение от Церкви»³, имея в виду то, что невозможно строить общественную жизнь, игнорируя нравственное воздействие православия.

Октябрьский переворот 1917 г. владыка Андрей первое время трактовал как заговор германского Генерального Штаба. В дальнейшем тон речей его меняется. 11 января 1918 г. на заседании Восточно-русского общества архиереев допустил выступление двух большевиков и пришел к выводу о том, что это заблуждающиеся, но честные русские люди. В речи на этом заседании епископ Андрей выразил уверенность в возможности исправления большевиков и призвал интеллигенцию оказать всевозможную поддержку. Обращаясь к большевикам во время посещения Уфимского Совета рабочих депутатов (13.01.1918 г.), владыка Андрей говорил: «Избегайте всякой ссоры, всякой вражды.... Научитесь понимать друг друга и прощать друг другу несогласие во взглядах»⁴.

Хотя епископ Андрей и отдает дань уважения благородным целям большевиков, власть их для него неприемлема. В статье «О власти императорской и советской», написанной в мае 1918 г. когда многое уже стало ясным, он высказался резко против власти большевиков. Советы, по его мнению, вновь утверждают деспотизм, как форму государственного управления. Эта власть направлена против народа и его Церкви. Епископ обвиняет новую власть в том, что она неспособна установить порядок в стране и сохранить целостность Российского государства⁵.

В течение всего 1918 г. епископ Андрей находился в гуще событий и неоднократно высказывал свое отношение к ним. Наиболее полное выражение его взгляды получили в двух речах, произнесенных летом 1918 г. Первая – это речь, произнесенная на общем собрании Восточно-русского культурно-просветительского общества от 19 августа; вторая – речь, сказанная епископом Андреем перед открытием государственного совещания в Уфе от 26 августа на площади перед кафедральным собором.

Епископ считает 1917 г. закономерным исходом управления Россией самодержавной властью: «... обе революции были достойным плодом достойной власти и поэтому были вполне законны»⁶. Октябрь внушал надежды на обновление, но, по словам епископа, уштурвала революции оказались люди, воспитанные в духе российского деспотизма: «Ленин только использовал тот горячий материал, который представляла из себя наша молодежь, а честь воспитания этих негодников, разрушивших наше отечество, принадлежит нашей приходской школе». Интеллигенция и возглавляемая ей революция продолжали линию противопоставления себя народу и наиболее ярко это проявилось в церковной политике новых властей. «Нерусские люди смешали неосторожно иерархию с Церковью и еще более неосторожно провели «отделение Церкви от государства», сделав наше государство принципиально бездейным». Нужно было только отделить церковную организацию от государственной опеки, а фактически отделили государство от всяких нравственных принципов⁷.

Под «нерусскими людьми» епископ подразумевает не только еврейский элемент, а именно псевдорусскую интеллигенцию. Эта интеллигенция, по мнению епископа Андрея, вначале во главе

¹ Поспеловский Д.В. Указ. соч. - С. 37.

² Зеленогорский М. Указ. соч. - С. 51.

³ Открытое письмо А.Ф. Керенскому//У.Е.В. 1917, №15-16. - С. 433.

⁴ Зеленогорский М. Епископ Андрей в совете рабочих депутатов//Заволжский летописец. 1918. №1. - С. 21.

⁵ Заволжский летописец. 1918. №7. - С. 195-196.

⁶ Там же, 1918. №13. - С. 394.

⁷ Заволжский летописец. 1918. №13. - С. 395.

с А.Ф. Керенским, провозгласило отделение Церкви от народа, а затем, ведомая В.И. Лениным, вдохновило темную массу на разгром Церкви¹.

Высказывания епископа Андрея о государственно-церковных отношениях Советской власти были в духе оценок этих отношений Поместным Собором РПЦ 1917/1918 гг. Так, еще в постановлении Собора от 25.01.1918 г. говорилось следующее: «Изданный СНК декрет об отделении Церкви от государства представляет собой злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против нее гонения»². В Воззвании... Собора от 27.01.1918 г. давалась еще более резкая оценка декрету СНК о свободе совести: «Люди, стоящие у власти и назвавшие себя народными комиссарами, сами чуждые Христианской, а некоторые из них и всякой веры, издали декрет, названный ими о свободе совести, а на самом деле устанавливающий полное насилие над совестью верующих. ...Даже татары больше уважали нашу веру, чем наши теперешние законодатели»³. Неудивительно поэтому и позиция владыки Андрея в гражданской войне.

Исходя из общей антибольшевистской позиции правящего епископа, почти все духовенство Уфимской епархии находилось на позициях антибольшевизма. Эта позиция была подтверждена в постановлениях Уфимского епархиального собрания, проходившего с 31 июля по 18 августа 1918 г. В собрании было заявлено, что Уфимская епархия поддерживает Малый поместный собор из представителей освобожденных от Советской власти епархий под руководством Казанского митрополита Иакова. В материалах епархиального собрания содержатся антибольшевистские выступления священника с. Иглино И. Наволочкина, в которых он рассказывает о грабеже красноармейцами его церкви. В числе увезенных большевиками в качестве заложников были представители руководства уфимских гимназий: А.Ф. Ница, А.М. Каменский и А.А. Зеленцов – активные сотрудники епископа Андрея в деле возрождения православных приходов. А.Ф. Ница был, помимо этого, делегатом от мирян Уфимской епархии на Поместном соборе 1917/1918 гг. Впоследствии все они были расстреляны. Знаковым по отношению к большевикам было решение епархиального собрания отдать здание духовной семинарии в Уфе под белогвардейский госпиталь. В материалах собрания содержатся требования правительству Колчака вернуть имущество Церкви, конфискованное советскими декретами. В целом, собрание выступило с призывом поддержать любые антибольшевистские правительства⁴. Реализуя постановления Епархиального собрания, духовенство Уфимской епархии активно включилось в антибольшевистскую деятельность в составе Союза приходских советов. Он был образован в июле 1918 г. в Уфе, вскоре после бегства большевиков из города. Союз приходских советов принял участие в выборах в Уфимскую городскую Думу в сентябре 1918 г. В воззвании Союза утверждалось, что «люди, свободные от угара партийных страстей, будут поддерживать интересы всех граждан в справедливых требованиях трудовой жизни»⁵. В Думе нового состава Союз приходских советов добился 28% мест, в то время, как кадеты получили 10%, меньшевики – 15%, Мусульманский комитет – 14%, правые эсеры – 9%⁶. Приходы проиграли на двух участках из пяти: на одном – кадетам, на другом – Мусульманскому комитету. Городским головой новый состав Думы избрал лидера приходов Г.М. Курковского. Приходы в лице фракции Уфимской городской Думы поддержали указ Уфимской Директории об упразднении всех областных и национальных прави-

¹ Там же. - С. 396.

² Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 1... - С. 115.

³ Там же. - С. 116.

⁴ Постановления Уфимского епархиального собрания (август 1918 г.). - Уфа, 1918. - С.2, 5, 9, 14.

⁵ ЦГАОО РБ. Ф.1832. Оп. 2. Д.55. Л.1.

⁶ Казанчиев А.Д. Выборы в Уфимскую городскую Думу в сентябре 1918 г. // Политические партии и движения в Башкортостане: история и современность. - Уфа, 1997. - С. 53.

тельств на период Гражданской войны. В то же время, они признали правительство Колчака, сменившее Директорию в результате переворота, «законным и правомочным»¹.

Весной 1919 г. на основе Союза приходских советов образовалась Христианская народная партия. Она стала издавать газету «Великая Россия». В апреле 1919 г. в газете была опубликована программа партии. В области национальной политики ХНП выступала против «национальной нетерпимости, за право на развитие каждого, без исключения, народа». В общественной области – за постепенные реформы, против классовой борьбы. В религиозном разделе выражалось недовольство положением православия на тот момент и провозглашалась «широчайшая терпимость к другим религиям». В социальной области ХНП выступала за «уничтожение злоупотреблений капитализма, как источника эксплуатации бедноты масс» и против классовых привилегий².

По мнению А.Д. Казанчиева, православное духовенство Уфимской епархии, в лице Союза приходских советов, принадлежала к правому флангу антибольшевистского лагеря, однако оно, учитывая позицию своего епископа, вовсе не выступало за восстановление монархии³.

Осенью 1918 г. декретом СНК была учреждена Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией на Восточном фронте. Приказ по ЧК фронта за №9 был очень жесток: «Подвергать расстрелу каждого из духовенства, несмотря на его сан, кто дерзнет выступить словом или делом против Советской власти»⁴. Подобные приказы открыли широкое поле для террора против всех слоев духовенства Уфимской епархии. Однако еще до официального санкционирования антицерковного террора погиб целый ряд священнослужителей Уфимской епархии. Среди них: священник села Елюнин Златоустовского уезда А. Северовостоков, священник села Золотоношки Стерлитамакского уезда Т.А. Петропавловский, священник села Топорнино Уфимского уезда А.Я. Канцеров, священник из г. Бирска М.П. Монбланов, псаломщик с. Кальтовка Уфимского уезда Чепуров⁵. Особенно потряс владыку Андрея расстрел его давней знакомой – игуменьи мензелинского Пророка – Ильинского монастыря Маргариты (Гунаропуло), совершенный в октябре 1918 г.

Участь самого епископа Андрея могла быть трагичной, но в конце 1918 г. он оказался за Уралом, т.к. был избран по решению Омского церковного собора членом Высшего Церковного Управления Урала и Сибири. Однако в стане адмирала Колчака излишне либеральный архиерей пришелся не ко двору. Начались его разногласия и с церковной опорой Колчака – ВЦУ. В дни колчаковской власти, епископ Андрей, формально числясь руководителем духовенства третьей армии, настойчиво пропагандирует идею укрепления церковной жизни. Иллюстрацией может служить выдержка из отчета об итогах Сибирского Поместного Собора, где содержится призыв распространять принятый Поместным Собором 1917-18 гг. приходской Устав и проводить его в жизнь. Режиму Колчака были чужды подобные общественные организации и они были оценены весьма негативно.

Крах белого движения в Сибири застал епископа Андрея в Новониколаевске, где он и был в феврале 1920 г. арестован. Он был обвинен в разжигании классовой ненависти, пособничестве белой армии и антисоветской пропаганде⁶. Это обвинение Советская власть предъявила без какого-либо смущения архиерею, подчиненное духовенство которого репрессировалось практически без суда и следствия. В первой половине 1919 г. погибли игуменьи: Христина (Георгиевский женский

¹ Уфимская жизнь. Уфа, 1918. 15 ноября, 12 декабря.

² Великая Россия. Уфа, 1919. 11 апреля.

³ Казанчиев А.Д. Православные общественно-политические организации в Башкортостане в период Гражданской войны // Культурные и духовные традиции русских Башкортостана: история и современность. - Уфа, 1998. Ч. 2. - С. 50.

⁴ Красный террор. Казань, 1918. №1.

⁵ Зими́на Н.П., Васи́льева И.Л., Баши́ров Э.С. Жертвы Гражданской войны // Культурные и духовные традиции русских Башкортостана: история и современность. - Уфа, 1998. Ч. II. - С. 19-24.

⁶ Зеленогорский М. Указ. соч. - С. 78-79.

монастырь Бирского уезда) и Клавдия (Уфимский Благовещенский женский монастырь); 1 декабря 1919 г. был расстрелян кафедральный протоирей Уфимского собора В. Еварестов¹.

Осенью 1920 г. епископ Андрей и его викарий Николай Златоустовский выступили с заявлением, в котором писали: «Мы не способны ни по характеру нашей церковной деятельности, ни по личным нашим наклонностям ни к какой противоправительственной, ни, тем более, тайной агитации и к существующей власти относимся вполне лояльно, почему и обращаемся с просьбой о нашем освобождении и прекращении наших дел»². Журнал «Революция и Церковь» за 1920 г., откуда была взята эта цитата, сообщает далее, что епископ Андрей подал особое заявление, в котором рассказывает о прежних нападках на Советскую власть за ее декрет об отделении Церкви от государства и заявляет, что, наоборот, он приветствует параграф 13 конституции 1918 г., что он будет стремиться к такой свободе Церкви и что, поэтому, готов содействовать Советской власти в ее работе по отделению Церкви от государства.

На основании заявления после десятимесячного заключения дело епископа было прекращено, он был освобожден из-под стражи и «направлен в Уфу с тем, чтобы он там находился под надзором своих верующих, которые в случае нарушения принятых к себе обязательств, будут отвечать как соучастники»³. На епархиальном съезде 1920 г. он вновь был избран, хотя и заочно, епископом Уфимским. Обстановка в Уфе была напряженной. Власти повели наступление на духовенство, усилили антирелигиозную пропаганду. Все это осуществлялось в русле Программы РКП (б), принятой в марте 1919 г. на VIII съезде партии. В ней ставилась задача тотального наступления на религию, говорилось о грядущем полном отмирании религиозных предрассудков⁴. Развернулось наступление на монастыри, хотя в начале допускалось их существование при условии преобразования в трудовые армии и коммуны. С конца 1918 до 1921 г., по подсчетам М. Шкаровского, было национализировано 722 монастырских комплекса⁵. В феврале 1920 г. была проведена инвентарная опись имущества Уфимского Успенского монастыря. В нем в это время проживало 13 монахов и послушников и 10 мирян. Возглавлял монастырь с 1913 г. архимандрит Трофим (Яковчук). Монастырь был небогат. Приведем выдержку из инвентарной описи: «Подсвечников – 24, икон – 102, в том числе 6 – серебряных, лампад серебряных – 4, 5 ковчегов (1 – серебряный), 4 хоругви, 6 крестов напрестольных (2 – серебряных), 18 покрывал, 67 церковных одежд, 5 Евангелий (1 – серебряное), 6 колоколов, 10 ковров, 4 каменных одноэтажных дома, 1 – двухэтажный...»⁶. Во второй половине 1920 г. монастырь был закрыт. Монастырские земли были национализированы еще в 1918 г.⁷ Уфимский Благовещенский женский монастырь сохранился чуть дольше, т.к. еще летом 1919 г. был преобразован в сельхозартель из 240 сестер⁸. Были закрыты в 1919-20 гг. Петропавловская церковь Уфимского тюремного замка, Крестовая церковь Архиерейского дома, домовые церкви уфимской семинарии и епархиального училища⁹. К осени 1920 г. завершилась национализация основной массы церковного имущества по России. Применительно к Уфимской епархии эту дату следует сдвинуть ко второй половине 1921 г.¹⁰ В ходе национализации было конфисковано 6388 десятин мона-

¹ Зими́на Н.П., Мохов В.В., Васи́льева И.Л. Мученический и исповеднический путь Уфимской епархии (1917-1987) // Культурные и духовные традиции русских Башкортостана. - Уфа, 1998. Ч II. - С. 13.

² Дело беглых архиереев // Революция и церковь. М., 1920. №9-12. - С. 55.

³ Революция и церковь... №9-12. - С. 56.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. - М., 1983. Т. 2. - С. 114.

⁵ Шкаровский М.С. Русская Православная Церковь в 20 веке м.2010 - С. 77.

⁶ ЦГИА РБ. Ф.Р-1252. Оп.1 Д.64. Л.1-3.

⁷ Дорога к храму... - С. 56.

⁸ Там же. - С. 58.

⁹ Дорога к храму... - С. 44-48.

¹⁰ Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в советской России (1917-1921гг.). - М., 1975. - С.86.

стырских земель (в том числе 832 десятины у Уфимского Благовещенского женского монастыря, 821 десятина у Мензелинского Ильинского женского монастыря)¹.

Но подрыв материальной базы и административные гонения не приблизили власти к поставленным целям. Большинство населения БАССР продолжало оставаться верующим. В этот момент в Уфе появляется архиерей, пользующийся всеобщим почитанием и выступает с пропагандой организации церковной жизни. Однако епископу Андрею не была дана возможность развернуть работу в его епархии, т.к. во второй половине февраля 1922 г. он был арестован за произнесение проповеди, в которой призывал крестьян организовываться в крестьянские союзы². Епископ был этапирован в Москву на Лубянку. Однако 8.08.1922 г. дело епископа Андрея было прекращено³. Советская власть попыталась использовать его либеральные взгляды как козырь в будущем расколе РПЦ, «рекомендуя» его так называемому «обновленческому» течению, активно формируемому ГПУ внутри РПЦ.

Таким образом, в годы Февральской и Октябрьской революций и Гражданской войны позиция православного духовенства Уфимской епархии определялась рядом факторов. Во-первых, непродуманная религиозная политика Советов, заключавшаяся в конфискации церковно-монастырского имущества, закрытии церковных учебных заведений и массовых расстрелах священнослужителей и активных прихожан, оттолкнули от большевиков даже тех немногих священнослужителей, которые были настроены лояльно к новой власти. В годы Гражданской войны эти представители лояльного духовенства, в основном, отмалчивались и отсиживались по своим приходам. Данных об их деятельности в этот период не сохранилось. Их «политическое лицо» начинает более или менее рельефно выявляться в событиях голода 1921-1922 гг. Во-вторых, одним из главных моментов, определивших сугубо антибольшевистскую позицию почти всего православного духовенства епархии, была жестко антисоветская позиция лидера – епископа Андрея Ухтомского.

В результате Гражданской войны и засухи 1920-1921 гг. запасы продовольствия в восточных районах были истощены, что привело к небывалому голоду по всей стране, который продолжался с лета 1921 до лета 1922 г. Православная церковь сразу откликнулась на эти события. В августе 1921 г. были созданы Всецерковный и епархиальные комитеты для помощи голодающим. Во всех церквях стали собираться пожертвования. В короткий срок было собрано около 9 млн. руб.⁴ Однако по распоряжению правительства эти комитеты были закрыты, а собранные средства были переданы государственному комитету помощи голодающим (Помгол). 9 декабря Президиум ВЦИК постановил разрешить сборы религиозным управлениям и отдельным религиозным общинам, поручить Помголу войти в сношение с ними о форме сборов, учитывая их желание. И только первого февраля 1922 г. по сообщению заместителя председателя А.И. Винокурова, Помгол выпустил «Положение» с предложением участия православного духовенства. Была достигнута договоренность между церковью и Винокуровым о том, что церкви будут отдавать драгоценности, не имеющие богослужебного употребления.

Сбор средств голодающим проводился в епархиях все это время неофициально. В рапорте представителя патриарха Тихона, протоиерея Н. Цветкова в приемную Председателя ВЦИК указывается, что за 3 месяца, с января по апрель 1922 г. сдано 15 млн. 535 тыс. 395 руб. + 800 дореволюционных рублей и 14400 марок от архиепископа Оломоуцкой епархии в Чехословакии⁵.

¹ Там же. - С. 157-158.

² Правда. 12.07.1922.

³ Правда. 8.08.1922.

⁴ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. - М., 1999. - С. 81.

⁵ Пospelовский Д.В. Русская Православная Церковь... - С. 104.

23 февраля выходит декрет ВЦИК, регламентирующий порядок изъятия церковных ценностей. ВЦИК постановил «предложить местным советам в месячный срок со дня опубликования изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий по описям и договорам все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа»

В ходе изъятия церковных ценностей Церковь подверглась репрессиям. По всей стране прокатилась волна арестов духовенства и мирских деятелей. В Петрограде были осуждены и расстреляны митрополит Вениамин и другие видные церковные деятели. В результате в 1922-23 гг. было физически уничтожено 8100 священников и монахов, произошло 1414 кровавых инцидентов¹.

Уфимские чекисты во второй половине февраля 1922 г. получили приказ провести «тщательную операцию с арестом епископа Андрея, князя Ухтомского». Епископ Андрей был арестован и этапирован на Лубянку в Москву. Так был «обезврежен» один из самых авторитетных архиереев Церкви, который мог бы повлиять на дальнейший ход событий в Уфимской епархии во время изъятия ценностей и церковного раскола.

Сменивший епископа Андрея епископ Борис (Шипулин) в конце марта 1922 г. через местную печать ответил на декрет Советской власти об изъятии ценностей, что «Церковь никогда не отказывала в помощи государству и в настоящий момент все нужное Церковь отдаст на нужды голодающего населения». В середине апреля епископ Борис написал воззвание к верующим мирянам и духовенству с призывом «пойти в этой мере навстречу и отдать все лишнее и ненужное в храмах». Пожеланием епископа Бориса было, чтобы изъятие произошло «миролюбиво и без ущерба для доброты Церкви и без проявления психопатизма»².

В Уфимской епархии компания по изъятию церковных ценностей проводилась достаточно активно. После публикации Декрета в Уфимском Губкоме РКП(б) была создана секретная «Компания по учету церковных ценностей», на местах работали «подкомиссии по изъятию ценностей». 22 марта 1922 г. из Москвы за подписью секретаря ЦК была получена зашифрованная телеграмма под грифом «строго секретно», являющаяся инструкцией для всех губернских комитетов. Процитируем этот документ: «1. Созвать в губерниях секретные руководящие комиссии по изъятию ценностей, в которые должны обязательно входить либо секретарь Губкома, либо заведующий агитпропом, а также комиссар дивизии, бригады или начальник политотдела... 3. Агитации придать характер чуждый всякой борьбы с религией, а целиком направленный на помощь голодающим. Одновременно внести раскол в духовенство, взяв под защиту государственной власти тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия. В нашей агитации мы ссылаемся на то, что значительная часть духовенства открыла борьбу преступного скаредного отношения к ценностям со стороны бесчеловечных и жадных «князей церкви»... В случае обнаружения в качестве организатора преступлений буржуазных купеческих элементов, бывших чиновников и пр., арестовать их заправил... Изъятие лучше всего начать с какой-либо церкви, во главе которой стоит лояльный поп. Если такой нет, с наиболее значительного храма тщательно подготовив все детали (коммунисты д.б. на всех соседних улицах, не допуская скопления, надежная часть, лучше всего ЧОН, должна быть поблизости и пр.). Изъятие ценностей производить в первую очередь в городских церквях, начиная с наиболее богатых. К церквям крестьянских бедных приходов относится с осторожностью и тщательно выяснив всю обстановку. К учету изъятых церковных ценностей при Помголах допустить представителей лояльного духовенства широко оповестив о том, что население будет иметь полную воз-

¹ Поспеловский Д.В. Указ. соч. - С. 105.

² Егоров А.В. Изъятие церковных ценностей и начало обновленческого раскола в Башреспублике и Уфимской губернии в 1922 г. // Религии в Башкортостане: история и современность. - Уфа, 1998. - С. 45.

возможность следить за тем, чтобы ни одна крупица церковного достояния не получила другого назначения, кроме помощи голодающим»¹.

3 апреля Уфимским отделом ГПУ было получено дополнение к телеграмме-инструкции. Предлагалось предоставлять ежедневные сводки о процессах по обвинению духовенства в кражах ценностей, выступлениях против изъятия и в подстрекательстве к этому масс. В частности, в «дополнении» говорилось: «Необходимо точно учесть линию поведения высшего духовенства, подразделив их на лояльных и противных, подробно и точно информировать ГПУ о тех и др., широко освещая причины лояльного поведения церковников»².

7 апреля 1922 г. состоялось заседание президиума Уфимского Губкома. Постановили начать изъятие ценностей с 25 апреля, по окончании великого поста. Однако агитация шла полным ходом. Газеты заполнились призывами о помощи голодающим, взывали к состраданию. Отрабатывались все пункты инструкции о проведении агитации. В частности, в газете «Власть труда» была опубликована заметка «Мы создали, мы возьмем», в которой «князья церкви» выведены как бездушные, сытые, оторванные от жизни миллионов верующих эксплуататоры-паразиты³.

В отдельных регионах страны и в Уфимской губернии изъятие ценностей частично производилось до принятия Декрета и получения инструкций из центра. Откровенно хамское поведение властей вызывало возмущение верующих, провоцировало открытые столкновения. 13 апреля 1922 г. на имя начуфгуботдела ГПУ Галкина пришла телеграмма за подписью зампреда ГПУ Уншлихта следующего содержания: «...При изъятии ценностей члены комиссий на глазах верующих производят бесчинства над священными предметами, чем оскорбляют религиозные чувства верующих. Не допускать подобного. Виновных привлекать к ответственности»⁴.

Губернское ГПУ внесло коррективы в работу комиссий. Тонко отслеживая ситуацию в регионе, ГПУ вносит следующие предложения: «Нами отмечено, что комиссия по изъятию церковных ценностей и местная печать ведут однообразную агиткампанию, наваливаясь исключительно на духовенство православной церкви, что может вызвать недовольство русского населения на другие верующие круги населения... ГПУ предлагает: 1. Повести устную и печатную агиткампанию и против служителей других культов, противившихся изъятию ценностей. 2. При привлечении к ответственности виновных служителей культа одинаково карать всех служителей культов»⁵.

Центральное большевистское руководство не имело точного представления об объемах церковных богатств. Руководствовались имевшимися описями, составленными в основном, до конца XIX в. 15 января 1918 г. был издан декрет о монополии государства на торговлю золотом и платиной, по которому монастыри, церкви и другие культовые учреждения, были обязаны в кратчайший срок представить опись всех находившихся в их распоряжении золотых изделий в секцию благородных металлов ВСНХ. Однако в условиях гражданской войны этого сделано не было. Кроме того, церкви были сильно разграблены в 1917-1918 гг. Необходимо учесть стремление властей ослабить религиозные учреждения экономически. В результате, предполагаемые объемы изъятий были чудовищно завышены Лениным, полагавшим получить в результате кампании сотни миллионов золотых рублей⁶. Однако ход кампании показал необоснованность этих планов.

Изъятие ценностей, проводившихся в Златоустовском уезде, находившемся в церковном подчинении Уфимской епархии, наглядно иллюстрирует происходившее повсеместно. 25 апреля в 6

¹ ЦГИА РБ Ф.Р-394. Оп. 2. Д. 2781. Л. 10.

² Там же. Л. 2.

³ Баширов Э.С. Прикрываясь голодом//Уфимские .Епархиальные .Ведомости. 1997. №4-5. - С. 6.

⁴ ЦГИА РБ Ф.Р-394. Оп. 2. Д. 2781. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Пospelовский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке... - С. 106.

часов вечера члены подкомиссий собрались на инструктаж в уездный исполком. Из протокола инструктажа: «Во всех церквях оставить по одному прибору, хотя бы они были многопридельными. Вещей изымается больше, оставляется меньше».

«Всем подкомиссиям самим разрешается снимать и брать ценности с икон и престола, если священники откажутся это делать. (Кто откажется – занести в протокол). Установить во время изъятия у входа часовых милиционеров. Никаких служб и собраний во время изъятия не допускать. В случае обнаружения пропажи или сокрытия церковных ценностей – факт вносить в протокол и возбуждать дело о расхищении народного достояния. Если в церкви нет малоценных предметов – забирается все, а необходимые заменяются из малоценных предметов бедных церквей. Если количество предметов в церкви по одному, то они тоже изымаются»¹.

Изымались ценности, в основном, по описям, составленным не позднее 1917 г. И только при отсутствии старых описей, можно было воспользоваться вновь составленными. Причиной такого требования явилось то, что старые описи были гораздо полнее.

Любопытен подготовленный комиссией «Список вещей, которые можно изъять из церквей без ущерба отправлению религиозного культа» в г. Уфе:

«... 4. Ивановская церковь: большой сосуд для причащения с полным прибором (дискос, ложка, звезда и две тарелки) серебряный вызолоченный. Большое Евангелие в переплете вызолоченное. Большой серебряный крест, одна серебряная дарохранительница вызолоченная.

Вознесенская церковь: 3 серебряных дарохранительницы.

5. Собор: кресты на престольные серебряные позолоченные, 2 дарохранительницы, 2 Евангелия (1 – в серебряном окладе, изделие 1854 г., другое – моленное в серебряном окладе 1877 г.), 3 сосуда.

6. Покровская церковь: 1 сосуд, 1 дарохранительница, 2 Евангелия, 2 креста на престольных.

7. Церковь Рождества Богородицы: 1 сосуд с прибором.

8. Троицкая церковь: 2 Евангелия, 1 дарохранительница, 1 крест, 1 чашка для причащения.

9. Сергиевская церковь: 3 креста, 1 сосуд.

Кладбищенская Сергиевская: 1 дарохранительница.

10. Новокладбищенская: 1 дарохранительница.

11. Спасская церковь: 1 сосуд большой.

12. Успенская: 1 крест, 1 сосуд, 1 дарохранительница.

13. Женский монастырь: старинное Евангелие, 1 сосуд, 1 дарохранительница.

... Утварь старообрядческой церкви»².

Обращает на себя внимание дотошность, с которой составлялись описи. Отметим, что большинство предметов применяется для богослужебных целей, от передачи которых предостерегал патриарх Тихон. Впрочем, при наличии ценных предметов, власти не озадачивались подобными вопросами. Подлежали изъятию старинные Евангелия, имеющие большую художественную ценность, новопечатные освобождали от дорогих окладов. В бывшем Успенском мужском монастыре конфисковали старинную икону, вышитую жемчугом³. Доходило до курьезов: в Златоустовском уезде в отсутствие епископа Николая описали и экспроприировали его личные плюшевые занавески. Чтобы их забрать, архипастырю пришлось писать прошение в высшие инстанции⁴.

В чем заключался секрет усердия проводивших изъятие? Третий пункт циркуляра НКВД секретарям райкомов от 29.04.1922 г. под грифом «Совершенно секретно» гласил: «постараться безбо-

¹ Златоустовские купола. - Златоуст. 2001. - С. 58.

² ЦГИА РБ Ф.Р-394. Оп. 2. Д. 2781. Л. 6.

³ Там же. Л. 16.

⁴ Златоустовские купола. - Златоуст. 2001. - С. 57.

лезненно изъять наибольшее количество ценностей: «лучше перебрать, чем недобрать».¹ Отсюда и факты причисления евангелий, дароносиц, напрестольных крестов к предметам, «которые не могут существенно затронуть интересы культа». Инструкция давала право написать ходатайство в губернский Помгол в случае незаконного изъятия, но оговаривала, что: «Ходатайства фактического изъятия не приостанавливают». Более того, четвертый пункт инструкции запрещал выкупать предметы обратно даже за «звонкую монету», хлеб и т.д.»²

В целях ускорения изъятия ценностей на места рассылались телеграммы с предупреждениями о личной ответственности. «Настоящее предписание последнее и в случае некомандировки члены подкомиссии будут преданы суду Ревтрибунала», – предупреждались златоустовцы. В результате компании, завершённой 16 июня 1922 г. по Златоустовскому уезду изъято: 16 пудов 34 фунта 72 золотника ценностей (276 кг), дензнаков – 14 рублей 80 копеек, золотом – 5 рублей, риз священнических – 12 комплектов, камней с икон – 48 штук³.

Изъятие ценностей было завершено к 29 июля 1922 г. На этот момент в Уфе было сосредоточено 110 бриллиантов, 7 рубинов, 2 изумруда, 2 сапфира, 35 хризолитов, 2 аметиста, около 4 фунтов жемчуга, около 4 фунтов золота, около 114 пудов серебра⁴.

Отношение священнослужителей и населения к изъятию было неоднозначным. Одни выступали категорически против; другие поддерживали сдачу имеющихся в церкви драгоценностей; третьи, соглашаясь с необходимостью использования церковных ценностей для спасения голодающих, выражали сомнения в их использовании по прямому назначению.

Сомнения эти были небезосновательны. Известно, к примеру, постановление Совета труда и обороны от 12.11.1922 г. об отчислении 5% реализуемых за церковные ценности сумм в РСФСР⁵. Также из средств Помгола оплачивались расходы на «антихонинскую» агитацию⁶.

Доклад выездной комиссии от 15 мая 1922 г. содержит данные о положении дел на местах и о достигнутых результатах в Горно-Заводском и Еремском районах Уфимского уезда. Сообщалось, что работа в комиссии протекала благополучно, население идет навстречу распоряжениям ВЦИК. В Еремском районе у населения, «как более сытого», отношение к изъятию положительное. Священники Геллертов из с. Верхне-Катавка, Шутов из с. Муратовка, Ханжин из с. Аратайка, священник Усть-Катавского завода Касимовский «горячо пошли навстречу указу Центра». Однако в том же Горно-Заводском районе нашлись противники изъятия ценностей. В докладе отмечается, что священник с. Карауловки «своим упорством возбудил сельчан и толпа местных крестьян силой стремилась не допустить комиссаров»⁷. Прихожане Златоустовской церкви постановили добровольно священные вещи не отдавать, а открыть в пользу голодающих пожертвования различными продуктами и деньгами. Понимания властей эти предложения не нашли. Многие из тех, кто препятствовал изъятию церковных ценностей, подверглись репрессиям. Нина Тернавцева «со многими другими» была сослана в ссылку в Пустозерск, где умерла в 1923 г.⁸

В целом, властям удалось избежать кровавых инцидентов и массовых волнений и кампания по изъятию церковных ценностей была проведена в намеченные сроки.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. - С. 58.

⁴ Егоров А.В. Изъятие церковных ценностей и начало обновленческого раскола в Башкортостане и Уфимской губернии в 1922 г. // Религии в Башкортостане: история и современность. - Уфа, 1998. - С. 46.

⁵ Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 1... - С. 180-181.

⁶ Там же. - С. 173.

⁷ ЦГИА РБ Ф.Р-394. Оп. 2. Д. 2781. Л. 4.

⁸ Зимина Н.П., Васильева И.Л., Баширов Э.С. Мученический и исповеднический путь Уфимской епархии (1917-1918) // Культурные и духовные традиции русских Башкортостана: история и современность. Ч. II. 1998. - С. 14.

Октябрьская революция 1917 г. поставила Православную церковь в качественно новые условия. Отделение Церкви от государства и лишение ее финансирования заставило духовенство искать иные формы отношений с новым атеистическим режимом. Православное духовенство Уфимской епархии во главе со своим архиереем епископом Андреем выступило с отрицательной оценкой декрета СНК «Об отделении церкви от государства». В лице Союза приходских советов православное духовенство епархии выступило на правом фланге антибольшевистской оппозиции. В ответ местными органами ВЧК было репрессировано несколько представителей черного и белого духовенства. Сам епископ Андрей до 1920 г. находился в лагере Колчака. В 1919-1921 гг. большевистским правительством была проведена национализация церковно-монастырских земель, изоляция вернувшегося в Уфу епископа Андрея от активной политико-церковной деятельности. Голод 1921-1922 гг. позволил местной партийной власти вмешаться во внутриепархиальные отношения. Наиболее популярные священнослужители во главе с епископом Андреем были арестованы, церковные ценности изъяты. Обозначившийся раскол в среде, прежде всего, приходского духовенства подорвал ряды общеправославного сопротивления.

*Александров А.П.
БФ БашГУ, г. Бирск*

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПОСЛЕВОЕННОГО БАПТИЗМА: ДЕЛО ПРЕСВИТЕРА УФИМСКОЙ ОБЩИНЫ 1946 ГОДА

Всенародные испытания в Великой Отечественной войне, внесли существенные коррективы в сталинскую религиозную политику. В 1943 году после пятнадцатилетнего периода жестоких репрессий Советское правительство в целях мобилизации всех людских ресурсов страны было вынуждено пойти на смягчение политики по отношению к верующим разных конфессий. В октябре 1944 г. был образован Всесоюзный Совет Евангельских Христиан и Баптистов (ВСЕХ и Б). Начинают открываться прежде закрытые молитвенные дома, церкви наполняются верующими. Во многом этот религиозный ренессанс являлся условным. Власть по-прежнему, стремилась держать руку на пульсе церковной жизни, жестко пресекая любые отклонения от заданной правительством линии.

Эти сложности дополнялись еще тем, что эпоха террора вычистила из рядов общин опытных наставников и служителей. Поэтому, в новую историческую эпоху – эпоху Уполномоченных СДРК, хитросплетений антирелигиозных замыслов советских чиновников, церкви было сложнее, чем раньше отстаивать верность Священному Писанию. В некоторых случаях отсутствие компетентных служителей приводило к неожиданным проблемам, как произошло в Уфе в 1946 году.

Со времен ареста П.Н. Качинского в 1936 году, Уфимская община евангельских христиан находилась на нелегальном положении и не имела своего пресвитера. Собрания проводились по домам верующих. В начале мая 1945 года из Сибири в Уфу приехал Усаченко Дмитрий Сергеевич. Назвавшись верующим, он стал посещать собрания. Уже в июне 1945 года его избрали пресвитером общины. Подобная поспешность, скорее всего, была вынужденной. С января 1945 года община перед властью ставила вопрос об открытии молитвенного дома. Для этого нужен был верующий брат, который смог бы на себя взять ответственность быть пресвитером. Для того чтобы детально разобраться в доктринальных взглядах и компетентности кандидата у общины не было ни времени, ни возможности.

Служение Д.С. Усаченко было недолгим, продолжаясь до конца ноября 1946 года. В этот период община, наконец, зарегистрировалась в органах власти и приобрела собственный молитвенный

дом по адресу: Уральский проспект, дом 1. Продолжался количественный рост церкви. Неожиданным образом служение Усаченко было прервано арестом органами безопасности 30 ноября 1946 года. Арестован он был по ст.58, п.10 ч.1 УК РСФСР («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений»). Почти одновременно с ним были арестованы и трое других членов церкви: Пугачев Алексей Васильевич, Михальченко Петр Тихонович, Масленников Федор Миронович.

Основанием для ареста послужило следующее.

Из постановления на арест Усаченко Д.С.: «Усаченко, занимая пост пресвитера Уфимской общины евангельских христиан-баптистов, используя свое положение, под прикрытием распространения баптистского учения, открыто выступает на собраниях общины с антисоветской агитацией и клеветой на Советскую действительность.

Так, в августе 1945 года на собрании общины Усаченко трактовал о скорой гибели мира и появлении антихриста, говорил:

«С появлением Советской власти появилась звезда, которая известила нас о появлении антихриста. Скоро будет конец мира, свет погибнет в конце 1946, или, в крайнем случае, в 1947 году. Нужно молиться Богу, пока двери открыты, а потом будет поздно».

Зимой 1946 года Усаченко по тому же вопросу среди верующих говорил: «Когда родился Христос, на востоке появилась звезда, которая мудрецов привела на поклонение, так и пятиконечная звезда появилась с рождением антихриста. Сейчас 28 лет существует Советская власть и 28 лет с того времени как появился антихрист».

В августе 1945 года Усаченко на собрании общин евангельских христиан-баптистов также свел свою проповедь к антисоветским выпадам, заявив: «Израильский народ ходили с манной и были сыты, а мы получаем по 300 гр. хлеба и молчим. Разве не правда, что мы сидим голодом».

В октябре 1945 г. во время проповеди на собрании общины Усаченко, обратившись к присутствующим, заявил: «Братья и сестры и все присутствующие. Вот вам факт, доказывающий правоту нашего святого дела. Когда руководители Советской власти запрещали народу верить в Бога и исполнять религиозные обряды, то Бог отвернулся от нас и немцы нас били и войска несли большие потери. Благодаря только тому, что в это дело вмешались союзники наши, под их нажимом Советская власть пошла на уступки и открыла церкви. Воины Красной армии уверовали в Бога и разбили врага».

В октябре 1946 года на одном из собраний баптистов Усаченко выступал против донорства и сдачи крови раненым воинам Красной армии, заявив: «Друзья мои, Боже упаси, чтобы кто-нибудь из вас стал продавать кровь свою. Это является большим грехом, потому что кровь дана Богом, а вы знаете, братья и сестры, что Иуда продал кровь Христа – предал Его»¹.

Как видно, несмотря на значительные послабления верующим, власть по-прежнему очень ревностно относилась к любым публично сказанным критическим замечаниям и быстро их пресекала.

Содержание «противозаконных» высказываний требует разъяснения. С одной стороны, в библейски обусловленном мировоззрении баптистов агрессивно атеистическая советская власть и есть проявление духа грядущего антихриста. Как еще им оценивать систематически уничтожающую верующих всех конфессий власть, имея перед собой эсхатологические пророчества Библии о приходе антихриста, суде над греховным миром и втором пришествии Иисуса Христа. В этом смысле, сама по себе христианская церковь уже является антисоветской организацией, следовательно, в

¹ Архив УФСБ по РБ. ВФ 8991 Т.1 Л.3, 3об.

словах пресвитера ничего предосудительного нет. Таким образом, его смело можно называть борцом за истину, как не побоявшегося открыто провозгласить свои убеждения.

Однако с другой стороны, изначально баптисты приняли для себя принцип признавать любую власть «как существующую от Бога». «Мы веруем, что правительства от Бога установлены, что Он облакает их властью для защиты добрых и наказания злых...Мы считаем себя также обязанными по Божьему повелению молиться за правительство, чтобы оно, по Его воле, и под Его милостивой защитой, так употребляло вверенную ему власть, чтобы сохранить мир и правосудие»¹. Несвойственны доктринам баптистской веры утверждения о привязке прихода антихриста с конкретными датами (установление советской власти) или символами (пятиконечная звезда), а также о недопустимости сдачи крови. В устах Усаченко разделяемое и без того всеми баптистами мнение о безбожном характере советской власти, приобрело через описанные сравнения особую остроту, затмевая собой обязанность верующих уважать и молиться за власть. Об этом же говорят бесперспективные проповеднические выпады о голоде, вольные трактовки событий Великой Отечественной войны. Подобные же ноты помимо прочего мы слышим в словах других членов общины, арестованных вместе с ним.

Из постановления о предъявлении обвинения Пугачеву Алексею Васильевичу: «В июле 1946 года Пугачев говорил: «28 лет назад на земле появилась красная звезда, и вместе с ней родился антихрист, который царствует уже 28 лет. Царство антихриста должно продлиться 37 лет и тогда наступит конец этой красной звезде и советской власти – власти антихриста»².

Высказывания пресвитера вызвали неоднозначную реакцию церкви. Из показаний члена Уфимской общины, фамилию которого не называем: «В сентябре или октябре 1946 года на одном из собраний Уфимской общины евангельских – христиан-баптистов выступал с проповедью пресвитер Усаченко Дмитрий Сергеевич. На какую тему была в этот день проповедь и ее содержание я не могу вспомнить. Но я хорошо помню, что в конце проповеди Усаченко вопреки христианскому учению, выступил против доноров, что сдавать кровь советским воинам, или, как он выразился, продавать свою кровь, является большим грехом и призывал братьев и сестер не сдавать свою кровь. В то время как по христианскому учению говорится «нет больше той любви, как положить свою душу за ближнего». И я знаю, что во время отечественной войны благодаря донорству было спасено много советских воинов. Лично я, а также другие присутствующие члены общины, таким выступлением Усаченко были возмущены...»³

Подобное мнение разделяло большинство общины. В конце октября 1946 года (за месяц до ареста) церковью было принято решение послать телеграмму во Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов с просьбой прислать уполномоченного для разбора поведения Усаченко. Скорее всего, такая молниеносная реакция общины на доктринальные отклонения пресвитера связана не только с боязнью быть заподозренными в антисоветской деятельности. Только что закончившаяся Великая Отечественная война оставила живой след в памяти людей.

Другой свидетель по делу говорит об этом так: «Примерно недели через три после выступления Усаченко на одном вечернем собрании среди членов общины был поднят вопрос о неправильном выступлении Усаченко. Все стали возмущаться. Я лично была вынуждена выступить перед присутствующими и сказать: "Если из-за кафедры будут говорить такую несправедливость, то я считаю это лжеучением»⁴.

¹ Исповедание веры и устройство общин баптистов. Цит. по : Савинский С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1867-1917). - СПб., 1999. - С.325.

² Архив УФСБ по РБ. ВФ 8991 Т.1. Л.52.

³ Там же. Л.141.

⁴ Там же. Л. 143.

Как оказалось, обнаружившийся радикализм во взглядах Усаченко не был случайным. В процессе следствия открылись неизвестные ранее подробности биографии Д.С. Усаченко. Первоначально он утверждал, что родился в 1879 году в с. Татарка Видиопольского района Одесской области. С 1900 по 1905 год служил в царской армии в 27 Украинском полку. После демобилизации проживал на родине до августа 1941 года, когда был эвакуирован в г. Алма-Ату. Прожив там некоторое время, перебрался в Джамбул, затем с. Октябрьское Джалал-Абадской обл. Киргизской ССР. Оттуда в начале мая 1945 года приехал в Уфу. В 1909 году, а также перед отъездом в Уфу из с. Октябрьское был пресвитером баптистских общин. Судимостей не имел. Почти все члены семьи (жена, трое сыновей, четыре дочери) в разные годы умерли. Единственный сын находился на военной службе.

Позднее, после следственных проверок, на одном из допросов Дмитрий Сергеевич признался, что родился не в 1879, а в 1891 году в селе Ново-Петровка Херсонского уезда. В 1913 году вместе с родителями переехал в Алтайский край, с. Белозерка Славгородского района, где проживал до 1923 года. Затем в течение 2-х лет проживал на родине, откуда был вынужден снова уехать в Сибирь. В 1930 году по приглашению зятя выехал на жительство в г. Джалал-Абад, где трудился разнорабочим на различных предприятиях. В 1933 году вернулся в Сибирь, где в 1936 году был осужден на один год принудительных работ за неуплату сельхозналога. Во время отбытия наказания жена вышла замуж за другого мужчину, а сам Дмитрий Сергеевич вскоре после освобождения вновь был осужден уже на 5 лет. После освобождения в конце 1940 года, на жительство приехал в г. Алма-Ату. До мая 1945 года шесть раз переезжал с места на место, нигде не задерживаясь надолго. В 1942 году, получая новые документы взамен сгоревших во время пожара, с целью избежать мобилизации приписал себе 12 лет. В мае 1945 года, договорившись с верующей баптисткой, едущей в Уфу, прописаться в ее пропуске на переезд, приехал в Уфу, где спустя месяц был избран пресвитером общины¹.

Как видно из показаний верующих Уфимской церкви, пребывая в Уфе, Усаченко не только не рассказывал своей подлинной биографии, но и несколько приукрашивал свое прошлое. Из показаний свидетеля по делу:

«При первом знакомстве с ним Усаченко зарекомендовал себя человеком, обиженным советской властью. О себе он рассказал, что до революции был крупным помещиком. Имел свои поместья в различных городах Украины, Сибири, Казахстана. С революцией советская власть у него все отобрала, и он лишился своего богатого состояния. С этого времени подвергался различным преследованиям, 13 лет провел в тюрьме «за слово Божие»; был в Соловецких лагерях, откуда пришел весь седой. И когда вернулся из лагерей домой к своей жене, то его семья, увидев его, вся скорострительно скончалась: умерла жена, дочери, сын. После этого он прозрел, стал еще больше верить в Бога. Седина у него пропала, и если раньше он видел плохо, то теперь может читать без очков совершенно свободно»².

В разговоре с другим свидетелем по делу он говорил следующее: «В разговорах о себе Усаченко рассказывал, что он житель села Татарка Одесской области, имел паханую землю и фруктовый сад. Жил очень зажиточно. Отец его был священником, и он сам в течение 15 лет был священником, после чего уверовал в евангелие и избрал баптистскую веру. Будучи пресвитером в Одесской области, в каком году не сказал, был арестован и отбывал наказание в течение 9 лет, но где именно, мне неизвестно. Усаченко говорил об этом нечасто»³.

¹ Там же. Л.15-17.

² Там же. Л. 144.

³ Там же. Л. 150.

По всей видимости, Дмитрий Сергеевич, представив свою биографию Уфимской общине в самом выгодном свете, снискал доверие и популярность, как «опытный, испытанный суровыми испытаниями служитель», и был избран пресвитером общины. Способствовал этому и опыт многочисленных переездов, который выработал в нем умение быстро ориентироваться в новой обстановке. Став пресвитером, он развернул активную деятельность общины. В чем-то имел успех. Однако негативное отношение к советской власти, связанное с впечатлениями прошлых лет (тюремные заключения, развод жены), в какой-то момент вырвалось наружу. Учитывая публичный характер пресвитерской должности, Усаченко мгновенно привлек к себе внимание и попал в оборот репрессивной машины.

Трагичность ситуации заключалась еще и в том, что его радикализм в определенной степени впитали другие члены Уфимской общины. Например, арестованные по этому же делу А.В. Пугачев, П.Т. Михальченко, в начале 30-х гг. состояли в Николаевской общине евангельских христиан Архангельского района. Живя в атмосфере разгрома евангельского христианства Башкирии (на их глазах был репрессирован пресвитер А.К. Разумов, другие служители региона), они смогли избежать репрессий, возможно благодаря более сдержанной позиции тогдашнего руководства общины. В 30-е годы церковь подвергалась еще более жесткому контролю и преследованиям, чем в 40-е гг. Но даже тогда из уст, осуждаемых на смерть и длительные сроки заключения пресвитеров евангельских общин Башкирии, не исходило радикальных заявлений. В середине же 40-х гг. из уст обвиняемых слышались слова, явно противоречащие богословию и принятым на тот момент Вероучениям евангельских христиан-баптистов: о конкретных датах прихода антихриста, о сравнении пятиконечной звезды с Вифлеемской звездой. Период 1945 - 1946 гг. – это время надежды и относительной свободы – не то время, когда революционно агрессивные настроения могли бы быть объективно подогреваемы атмосферой в стране. Церковь только что получила регистрацию, воссоздано общесоюзное объединение церквей (ВСЕХБ). Скорее всего, подобная революционность взглядов арестованных – результат чьего-то субъективного влияния, скорее всего пресвитера, как более авторитетного и «старшего» человека.

Репрессивные органы, в свою очередь, найдя повод зацепиться, использовали его максимально. В январе 1947 года следствие дополнило обвинение пунктом 11 ст. 58 УК РСФСР (организационная деятельность, направленная на свержение, подрыв и т.п. советской власти), подразумевая собрания общины по домам до официального открытия дома молитвы, а также поездки в другие города¹. Этот пункт обвинения впоследствии был снят, но в процессе следствия под арестом несколько месяцев провели еще четыре члена Уфимской общины евангельских христиан-баптистов (Н.Н. Луферов, А.П. Подзорова, М.Н. Фролова, М.В. Вахрушева)².

Итоги судебного процесса:

- Д.С. Усаченко, Ф.М. Масленников приговорены к лишению свободы на 10 лет;
- А.В. Пугачев, П.Т. Михальченко приговорены по ст. 58 п. 10 УК РСФСР к лишению свободы на 8 лет³.

Таким образом, можем видеть, что период относительного религиозного возрождения середины 40-х гг. в евангельско-баптистском объединении Башкирии неожиданным образом был омрачен громким судебным процессом, спровоцированным недальновидной политикой приезжего пресвитера Уфимской общины Д.С. Усаченко. Под следствие попали восемь членов общины, четыре из которых получили реальные сроки заключения.

¹ Там же. Л. 32.

² Там же. Т.2. Л. 457.

³ Там же. Л. 527.

*Ахмадуллин В.К.
НФ БашГУ, г. Нефтекамск*

СОСТОЯНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ НЕРУССКИХ НАРОДОВ В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

Вторая половина XIX в. была в истории российского педагогического образования временем радикальных перемен. Был дан старт открытию учительских школ для нерусских народов России, в целом, и народов Южного Урала, в частности. Целью подобных школ была подготовка из народностей Урала учителей, способных внедрить в свою этническую среду российские государственные начала, прежде всего, русский язык и православную веру. К середине 1880-х гг. на Южном Урале были открыты три учительские школы: татаро-башкирская – в 1872 г. в Уфе (в 1877 г. переведена в Оренбург), марийская – в 1882 г. в Бирске и казахская – в Орске (в 1889 г. переведена в Оренбург)¹.

В инородческих учительских школах был установлен четырехлетний срок обучения. Специальную и практическую подготовку они давали на уровне русских учительских семинарий, первая из которых была открыта в селе Благовещенском под Уфой в 1876 г. Преподавание общеобразовательных дисциплин велось слабее, чем в учительских семинариях. Учебный план учительских школ не предусматривал систематического изучения истории, географии, естествознания, математики. Основное внимание должно было обращаться на возможно более полное овладение воспитанниками русского языка. Родной язык учащихся в учительских школах не изучался и не применялся при обучении другим предметам. Все преподавание велось только на русском языке.

Тем не менее, создание сети русскоязычных учебных заведений в Уфимской губернии было значительным событием в культурной жизни края. Благодаря им за последнюю четверть XIX в. начальные школы получили свыше 300 квалифицированных учителей, в том числе из Уфимско-Оренбургской татаро-башкирской школы – 88, Бирской марийской – 146, Орско-Оренбургской казахской – 93 педагога².

В «инородческих» школах проводилось крещение воспитанников, что вызывало недовольство, как учащихся, так и их родителей. В 1889 г. под предлогом «невыполнения» возложенной задачи «способствовать распространению между татарами-мусульманами образования в русском духе и сблизать их с русской народностью» была закрыта Оренбургская татаро-башкирская учительская школа.

В первое десятилетие XX в. русскоязычное педагогическое образование получило свое дальнейшее развитие. В 1909 г. в Уфе открылся учительский институт. В 1914 г. в Белебее появилась учительская семинария. В начале XX в., кроме того, при 9 начальных училищах края были организованы двух- или трехгодичные педагогические курсы.

Учительский институт и городское училище при нем для подготовки учителей начальных школ было открыто в 1909 г. В XIX в. педагогические кадры в Уфимской губернии готовили учительские семинарии в Благовещенске (1876) и Бирске (1882), педагогические классы Уфимского и Белебеевского училищ, а также уфимская Мариинская женская гимназия³.

В проекте «Об открытии в Уфе педагогического института» городская управа предлагала организовать высшее педагогическое заведение по подготовке преподавателей русского языка, исто-

¹ Сергеев Ю.Н. Очерки предистории Бирской социально-педагогической академии (1914-1952). – Бирск, 2009. – С.11.

² Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. – М., 1994. – С.132-133.

³ Синенко С. Учительский институт. Блог писателя Сергея Синенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://posredi.ru/enc_U_Uthitel'skiy_institut.html (дата обращения 27.02.2013).

рии, естествоведения и географии, математики, физики, физической географии и иностранных языков.

Уфимское Дворянское собрание предоставило для этих целей трехэтажное кирпичное здание дворянского пансиона-приюта на ул. Телеграфной (ныне Цюрупы, 9). Из 130 человек, подавших заявление о приеме в 1909 г., было зачислено 26. В 1917 г. прием на первый курс составил 121 человек. В 1916 г. для выпускниц женских гимназий при институте были организованы ускоренные одноступенчатые курсы. Институт имел богатую библиотеку, учебные кабинеты по различным направлениям обучения.

За первые 10 лет существования институт подготовил лишь 180 учителей, школы Уфимской губернии продолжали испытывать нужду в квалифицированных кадрах. Отсутствовали национальные педагогические кадры – в 1914 г. среди учителей средних учебных заведений Уфимской губернии не было ни одного преподавателя из башкир или татар, среди учителей начальных школ доля татар составляла 9,2%, доля башкир – 3,6%.

В 1918 г. в Учительском институте были организованы разнообразные курсы, в том числе для воспитанников медресе «Хусаиния» из Оренбурга, уфимских медресе «Галия» и «Усмания» и других, которые зачислялись на обучение без вступительных экзаменов.

Начавшаяся Гражданская война на время приостановила развитие института. В 1919 г. на базе Учительского института открылся Институт народного образования им. К.А. Тимирязева.

Тем не менее, проблема подготовки учителей для начальных школ не была решена. К 1917 г. в Уфимской губернии около половины народных учителей не имели даже общего среднего образования. Особенно острый недостаток в квалифицированных кадрах испытывали школы нерусских народов. В них треть учителей занималась обучением, не зная родного языка учащихся. С конца XIX в. Уфимское губернское земство 13 раз обращалось в Министерство просвещения с ходатайством об учреждении татаро-башкирской учительской школы, но неизменно получало отказ. Только в 1916 г. было получено разрешение на учреждение в Уфе трехгодичных педагогических курсов для подготовки учителей из башкир и татар.

Город Бирск, как один из центров национального русскоязычного педагогического образования в Уфимской губернии стал развиваться еще с 60-х гг. XIX в. До 30-х гг. XIX в. он не имел средних учебных заведений. В октябре 1862 г. При Бирском уездном училище был открыт педагогический класс.

В 1860-1870-х гг. ускорилось развитие средней школы. Открываются прогимназии в Мензелинске и Стерлитамаке, в 1862 г. в Уфе было учреждено женское епархиальное училище, а женские училища II разряда в Бирске и Мензелинске получили статус прогимназий. К началу 1880-х г. в Уфимской и Оренбургской губерниях существовало пять мужских и девять женских средних учебных заведений, где обучалось 1007 чел. муж. и 1426 жен. пола. Демократизировался устав учащихся, удельный вес дворян и чиновников упал с 73,8% в 1868г. до 43,4% в 1880г. в мужских гимназиях, а женских – с 80 до 59,6%. Их места заняли выходцы из средних слоёв¹.

К концу 1914 г. Бирское земство добилось у Министерства народного просвещения разрешить открыть при Бирском высшем начальном училище курсы для подготовки учителей для татарских и башкирских начальных школ Бирского уезда². Эти курсы были открыты вскоре после начала Мировой войны 1914-1918 гг., в здании женской ремесленной школы. Курсы просуществовали до 1916

¹ Фархшатов М.Н. Указ. соч. - С.116, 120, 121.

² Сергеев Ю.Н. Указ. Соч. – С. 21.

г., когда Бирское земство «нашло возможным их преобразовать в татаро-башкирскую учительскую семинарию, поместив ее в дом Сапельникова на Троицкой улице»¹.

По мнению историка-краеведа Ю.В. Ергина, Бирская учительская семинария была открыта в 1915-1916 гг. Тогда же появилась учительская семинария в Стерлитамаке и Уфимские татаро-башкирские педагогические трехгодичные курсы. Семинария просуществовала до конца 1918 г., когда была эвакуирована отступающими отрядами А. Колчака в Сибирь.

Такое было состояние образования, в области подготовки учителей.

*Габдулхаков Р.Б.
БФ БашГУ, г. Бирск*

УРАЛЬСКИЕ ЭСЕРЫ МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ

Исследователи истории российских политических партий, в том числе и на Урале говорят о резком снижении численности и политической активности эсеров между двумя буржуазно-демократическими революциями². Да, действительно, репрессии со стороны власти, начавшаяся первая мировая война значительно обескровили все политические партии, в том числе и партию социалистов-революционеров. Но работа по восстановлению и укреплению своих организаций велась, и на Урале. Новые архивные данные указывают на то, что помимо организационной работы эсеры Урала осуществляли нелегальную борьбу с властью, но особенно активно их политическая деятельность проявлялась в массовых легальных организациях.

Накануне первой мировой войны сильные эсеровские организации действовали на крупнейших заводах Урала: на Мотовилихинском, Ижевском, Воткинском. Существовали эсеровские организации и группы в Уфе, Перми, Нижнем Тагиле, Лысьве и многих других городах и рабочих поселках Урала.

Одной из самых сильных и сравнительно многочисленных на Урале накануне войны была эсеровская организация на Мотовилихинском заводе Пермской губернии³.

В первой половине 1914 г. Мотовилихинская организация социалистов-революционеров насчитывала более 50 рабочих. Рабочие каждого цеха были объединены в кружки, во главе каждого из которых стояли наиболее сознательные рабочие. Организация имела свой гектограф, печать «Уральской организации Партии социалистов-революционеров» и свой Устав.

В п.1 Устава подчеркивалось: «Членом Уральской организации считается всякий принимающий программу Партии, подчиняющийся ее постановлениям и участвующий в одной из местных организаций»⁴. Определение п.1 Устава совпадало с формулировкой п.1 Устава ПСР, принятого на I съезде партии в 1906 г. В уставе мотовилихинских эсеров перечислялись обязанности руководящего комитета, технической комиссии и членов партии.

Руководящим органом, по Уставу Уральской организации, определялось общее собрание членов организации, на котором вырабатывалась программа действий, улаживались возникающие недоразумения как между различными организациями, так и между отдельными ее членами. На общем собрании тайным голосованием выбирался руководящий комитет в составе 3 человек. В его обя-

¹ Сергеев Ю.Н. Там же. – С.22.

² См.: Капцугович И. С. История политической гибели эсеров на Урале. - Пермь, 1975; Нарский И. В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г. . 1-2. - Челябинск, 1995; История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Т. II. - Уфа, 2007.

³ ГАПО. Ф.161. Оп.2. Д.167. Л. 99, 112; ГАРФ. Ф.ДП,00. 1913. Д.9. Ч.56. Л.Б, Л.19, 41.

⁴ ГАРФ. Ф.ДП,00. 1914. Д.9. Ч.56. Л.Б. Л.9-9 об.

занности входило: а) проведение в жизнь постановлений, как местной организации, так и других партийных организаций (областной, ЦК, Совета Партии и общего партийного съезда), б) организация финансовой и технической комиссии; в) организация кружков, массовок и т.д.

Техническая комиссия занималась печатанием и распространением прокламаций, брошюр, хранением и рассылкой литературы. В Уставе указывалось, что каждый член организации ПСР не только платит членские взносы, но и обязан «распространять партийную литературу, вести устную пропаганду, ознакомлять окружающих с программой и тактикой Партии, призывать к активной борьбе под ее знаменем, деятельно проводить в жизнь все партийные постановления, организовывать кружки, заводить новые связи и т.д.»¹.

В отличие от общепартийного Устава, Устав Уральской организации ПСР был более демократичен. В случае разногласий, на общем собрании меньшинство имело право апеллировать к окружному и областному комитетам. Хотя это право оговаривалось тем, что «до рассмотрения последними спорного вопроса постановление большинства обязательно для всех членов организации»².

Эсеровские организации до войны существовали на Ижевском и Воткинском заводах Вятской губернии. На Ижевском заводе она сложилась к 1913 г. В нее входили рабочие П.Н. Хохлов, М.Н. Данилов, П.С. Лекомцев, М.И. Дрокин и др. Во главе ижевской организации ПСР стоял В.И. Прошутин, имеющий связи с Сибирью и С.-Петербургом³.

16 апреля 1914 г. на собрании рабочих Ижевского завода, где обсуждался вопрос о праздновании 1 мая, эсером С.Х. Федосеевым были розданы 135 программ от имени партии социалистов-революционеров. Они начинались словами «Кружок Ижевских рабочих самозащиты» и в них были изложены экономические требования кружка, такие как; о повышении заработной платы, о 8-часовом рабочем дне, об отмене штрафов и т.д.⁴. Подготовленная кружком программа не содержала политических призывов.

К 1913 г. сложилась группа социалистов-революционеров на Воткинском заводе. В нее входили И. Левин, члены профсоюза М. Шадрин, Соколов, М. Замараев и др.⁵

Эта группа имела связь с Сарапульским эсером А.В. Ксенократовым, который являлся негласным редактором издающейся в Сарапуле левой газеты «Кама».⁶

Осенью 1912 г. эсером А.И. Бовыкиным в Перми была образована группа социалистов-революционеров, которая, по его словам, насчитывала до 20 человек. Группа эта функционировала в форме кружка самообразования, но она не ограничивалась только этим и ставила цель «кроме самообразования, путем легальной работы привлечь, возможно, большее число участников, приобрести взносами материальные средства и создать партийную типографию»⁷.

В отличие от названных эсеровских организаций членами Уфимской организации были учащиеся Землемерного училища, Учительского института и Духовной семинарии. Она сложилась к 1914 г. и во главе нее стоял руководящий коллектив, в состав которого входили: 1) Г.П. Никаноров, 2) Н.А. Шмелев - ученик Землемерного училища, 3) В.В. Красноперов - воспитанник Духовной семинарии и некий «Семен». Библиотекарем был избран И.А. Толстов-Николаев, кассиром Л.П. Данилова и организатором Н.А. Шмелев, который являлся руководителем организации⁸.

¹ ГАРФ. Ф.ДП,00. 1914. Д.9. Ч.56. Л.Б. Л.12-12 об.

² ГАРФ. Ф.ДП,00. 1914. Д.9. Ч.56. Л.Б. Л.12-12 об.

³ ГАРФ. Ф.ДП,00. 1913. Д.9. Ч.56. Л.2 - 2 об.; ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1457,б., Л.73

⁴ ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1457б. Л. 74

⁵ ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1356. Л.9

⁶ ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1503. Л.4-4об.

⁷ ГАПО. Ф.161. Оп.2. Д.167. Л.156-157

⁸ ГАРФ. Ф.ДП,00. 1914. Д.9. Ч.86. Л.В. Л.1-2, 6.

Каждый член организации должен был отчислять в партийную кассу 2% получаемого содержания. Библиотека пополнялась за счет книг, имеющих у каждого члена, а затем предполагалось пополнить ее путем выписки из Москвы и Петербурга. В организацию также входили А.С.Моисеев, С.Т. Шешегов - служащий Губернской Земской Управы, Г.Г.Птицын - ученик Землемерного училища, П.И. Островский, Я.Е. Севастьянов и др.¹

Уфимская организация социалистов-революционеров имела свой Устав, из-за которого осенью 1914 г. произошел раскол. Вернее, из-за параграфа Устава, по которому местный коллектив должен был подчиняться всем директивам ЦК. Против этого пункта "восстал" Яков Севастьянов, вероятно посчитавший, что не все директивы ЦК являются правильными и выполнимыми на местах и что такая постановка ведет к ограничению самостоятельности. Я.Севастьянова поддержали В.Красноперов, Иван Толстов (Николаев), Лидия Данилова и др. Они вышли из состава организации, в которой остались Н.Шмелев, П.Никаноров, К.Сперанский, не поддержавшие своих товарищей².

О существовании эсеровской организации в Нижнем Тагиле до войны говорит тот факт, что во время обыска 8 февраля 1914 г. на квартире горнозаводского техника Н.К.Алексеева были найдены: 4 талонные книжки для сбора денег на Н.Тагильскую окружную организацию партии социалистов-революционеров, постановление Кушвинской группы социалистов-революционеров, революционная переписка, отчет по кассе Кушвинской организации партии социалистов-революционеров³. Нижний Тагил был центром окружной организации социалистов-революционеров, которая объединяла несколько групп и, в частности, Кушвинскую группу эсеров.

Охранка сообщала в марте 1913 г. о том, что на Лысьвенском заводе Пермской губернии «до настоящего времени сохранилась партия социалистов-революционеров, которая имеет ответвления в прилегающих к заводу селам»⁴.

Подтверждает существование на Лысьвенском заводе организации социалистов-революционеров справка помощника начальника Пермской губернской охранки по Пермскому уезду. Она датирована апрелем 1913 г. и в ней говорится о том, что В.Н.Катаев - мастер Лысьвенского завода, является членом Лысьвенской организации партии социалистов-революционеров и принимал участие в печатании и распространении гектографированной газеты «Лысьвянин»⁵.

Империалистическая война на время ослабила деятельность эсеров. Многие партийные организации были разгромлены или ослаблены в результате арестов и призывов в армию. Но вскоре волна патриотизма, разогреваемая правительством, начала спадать и рабочие, крестьяне стали проявлять все усиливающееся недовольство поражениями армии и ухудшающимся положением с продовольствием.

Работа по восстановлению партийных организаций началась уральскими эсерами уже осенью 1914 г. В сентябре-октябре 1914 г. В.М.Астапов - «известный социалист-революционер», работающий машинистом на прессовальне в Мензелинском уезде Уфимской губернии, часто приезжал в Воткинский завод. На заводе В.М.Астапов вел пропаганду о необходимости создания организации эсеров. Воткинские эсеры и эсеры в Ижевске сожалели, «что среди них в настоящее время нет видных деятелей, причем большую, по их мнению, поддержку революции может оказать ополчение, в среде которого много партийных офицеров и нижних чинов»⁶.

¹ ЦГИА РБ. Ф.187. Оп.1. д.533. Т.1. Л.23, 25, 44, 45, 52-54, 63-64.

² ГАРФ. Ф.ДП,00. 1914. Д.9. Ч.86. Л.Б. Л.13-13об.

³ ЦДНИСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 285. Л. 23

⁴ ГАРФ. Ф.ДП,00. 1913. Д.9. Ч.56. Л.4, 7

⁵ ГАПО. Ф. 229. Оп. 2. Д. 12. Л. 4-4 об.

⁶ ЦГИА РБ. Ф. 187. Оп. 1. Д. 497, Л.113

В.М.Астапов в Воткинске говорил о том, что в Вятке социалисты-революционеры организовались и уже начали свою работу¹. Действительно, вятские эсеры, восстановив свою организацию, искали связи с центром, и эта связь была установлена. В ноябре 1914 г. в Вятке был задержан охранкой конверт из Москвы, адресованный в редакцию «Вятская речь». В конверте были две прокламации: 1) «Программа партии социалистов-революционеров» с пометкой внизу «Издание Харьковской организации Партии социалистов-революционеров. Октябрь 1914 г.» (Программа была утверждена Съездом партии в январе 1906 г.) и 2) Прокламация с названием «На очереди» с эпиграфом «Побежден лишь тот, кто признает себя побежденным» и с пометкой «Московская группа социалистов-революционеров. Октябрь 1914 г.» В прокламации говорилось о том, что «пришел час работать над воссозданием партии социалистов-революционеров, которая использует подъем духа для ниспровержения существующего в России государственного строя, подняв после освобождения от натиска германцев знамя революции с лозунгом «Земля и воля»².

На учете у царской охранки в январе 1917 г. было 46 эсеров, работающих на Воткинском заводе. На Ижевском заводе работало в это время 57 человек, принадлежащих к партии социалистов-революционеров и находящихся под надзором охранки. В самом уездном центре Сарапуле, именно в этот уезд входили данные заводы, проживало 20 эсеров. Таким образом, только в одном Сарапульском уезде Вятской губернии накануне Февральской революции на учете охранки находилось 125 эсеров³.

Существование на Ижевском заводе во время войны эсеровской организации подтверждается воспоминаниями члена социал-демократической организации, действующей в это время на заводе, И. Родигина. Он писал о том, что на Ижевском заводе «несколько позднее социал-демократов, но тоже в 1915 г. сформировалась группа социалистов-революционеров». В нее входили, главным образом, молодые ребята, среди которых выделялись Алексеев, А.П. Грачев, Плетнев, К.Н. Стробыкин и др. К началу 1917 г. эсеровская организация насчитывала до 30 человек и «так же как с.-д. объединяла от самых правых, до самых крайне левых максималистов по убеждениям»⁴.

В 1915 г. наряду с большевистскими организациями восстанавливаются эсеровские организации в Екатеринбурге и в Перми⁵.

В докладной записке Пермского губернатора, в которой в 1915 г. обосновывалась необходимость образования отдельной Екатеринбургской губернии, отмечалось, что в Екатеринбурге «имеются с.-д. и особенно с.-р. Организации», которые ведут «иногда в своей газете «Уральская жизнь» полемику против буржуазных деятелей «Зауральского края», иногда подготавливая нелегальные выступления»⁶.

1916 г. восстанавливается эсеровская группа на Лысьвенском заводе⁷.

Кроме Перми, Екатеринбург, Лысьвы, Вятки, Ижевска, Воткинска, эсеровские организации и группы существовали во время войны и в ряде других мест.

По воспоминаниям В. Каптерова, с 1907 по 1917 гг.: «в Шадринске свивает себе прочное гнездо эсеровщина, которая вплоть до 18 года подчиняет своему влиянию рабочих Шадринска и создает сеть своих организаций по всему Шадринскому уезду»⁸.

¹ ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1503. Л.36, 43

² ГАРФ. Ф.ДП,00. 1914. Д.9. Ч.17. Л. А. Л.1.

³ ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1688. Л.22-27

⁴ ЦДНИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 35. Л. 133

⁵ ГАРФ. Ф. ДП, 00. 1915. Д. 167. Ч. 56. Л. 4 об.

⁶ ГАРФ. Ф.ДП,00. 1915. Д.20. Ч.56. Л.2об.

⁷ ЦДНИСО. Ф.41. Оп.1. Д.43. Л.122об.

⁸ ЦДНИСО. Ф.41. Оп.2. Д.169. Л. 8-9

Во время войны эсеровская организация действовала на Златоустовском заводе Уфимской губернии. Она состояла «в громадном большинстве из рабочих, имевшая руководящую верхушку также из рабочей среды, имела значительное влияние на рабочую среду, в противовес С.Д.Р.П., руководящие начала которой были сосредоточены в интеллигенции. Этим, пожалуй, можно объяснить рост и влияние П.С.-Р., в 1915, 1916 и 1917 годах»¹.

Такое заключение было сделано партийной комиссией ВКП(б) в 1923 г., расследовавшей деятельность Златоустовской организации ПСР, и оно яркое свидетельство признания самими большевиками того влияния, которое оказывали эсеры на рабочих, в частности, на рабочих Златоустовских заводов, численность которых в годы войны составляла около 17 тыс. человек.

Из подполья эсеровская организация в Златоусте в феврале 1917 года вышла «как крупная организационная сила». Она провела выборы в первый Совет рабочих депутатов, взяла в свои руки организацию профессионального союза металлистов, приобрела типографию, провела своих людей в институт старост и в рабочий комитет. В короткое время после Февральской революции Златоустовская организация стала насчитывать в своих рядах до 3000 человек².

О том, что эсеровская организация в Златоусте была достаточно сильной и состояла «почти исключительно из рабочих», свидетельствует в своих воспоминаниях большевик Ф.Г.Коржаков: «Февральская революция меня застала в Златоустовском заводе. СДРП не было, а была организация эсеровская, и нужно сказать довольно сильная»³.

Таким образом, наиболее активные и сплоченные эсеровские организации до и в годы первой мировой войны существовали на Мотовилихинском заводе, на заводах в Воткинске, Ижевске, Златоусте. Группы социалистов-революционеров имелись на Лысьвенском заводе, в Нижнем Тагиле и др. Состав этих организаций был преимущественно рабочим. Отдельные группы и одиночки-эсеры имелись во многих городах и поселках, на заводах и в деревнях Урала.

В то же время эсеры, исходя из своих программных положений, стремились вовлечь в свои ряды не только рабочих, но и трудовое крестьянство и революционно-социалистическую интеллигенцию. Организации социалистов-революционеров в Уфе, Перми, Екатеринбурге, Вятке состояли из учащих учебных заведений, служащих земств и кооперативов, учителей, крестьян.

Наличие организаций, хотя и небольших по численности позволяло эсерам вести революционную работу в массах, сочетая легальные и нелегальные формы борьбы с существующим строем. За эсерами незаслуженно закрепилась слава революционеров, бомбистов, террористов. Да действительно накануне и в годы революции 1905-1907 гг. данная тактика была определяющей. Но в межреволюционный период политическая активность уральских социалистов-революционеров, проявлялась не столько в сфере их традиционных методов борьбы (индивидуальный террор, стачки и забастовки, экспроприации и др.), сколько в стремлении использовать легальные методы овладения умами людей через профсоюзы, кооперативы, легальные газеты и журналы и др.

Социалисты-революционеры признавали огромную роль массовых организаций в подготовке революции. «Крестьянские и пролетарские трудовые ассоциации: рабочие синдикаты, кооперации, земледельческие общины (братства), артели и т.п.», по имени эсеров, должны были способствовать созданию «в порах буржуазного строя ячеек или эмбрионов нового общества»⁴. Поэтому всем членам партии социалистов-революционеров вменялось в обязанность «организовываться для борьбы не только в рядах партийных организаций, но и профессионально», а для этого «прони-

¹ ЦДНИЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 178. Л. 5

² ЦДНИЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 178. Л. 5-5об.

³ ЦДНИЧО. Ф. 526. Оп. 2. Д. 288. Л. 10 об.

⁴ Памятная книжка социалиста-революционера. Вып.1. – Париж, 1911. – С.39.

кать» в легальные общества и использовать их в своих целях, «вступать в существующие уже кооперативы и вытеснять из них элементы, враждебные трудовому крестьянству и пролетариату»¹.

Четко в этом отношении выразился идеолог партии В.М. Чернов: «Мы полагаем, что все члены П.С.Р. должны по принципиальным мотивам, во что бы ни стало принадлежать профессиональному рабочему союзу той отрасли производства, в которой они работают»². Эсеры на всем этапе буржуазно-демократической революции отстаивали лозунги «нейтральности» и «автономии» массовых организаций пролетариата. Так, в 1912 г. «Знамя труда» писала о том, что эсеры должны «отвергнуть раз и навсегда ферулу партийных подпольных групп над органами классовой самостоятельности пролетариата, признать социально-революционную ценность за этой самостоятельностью». Вслед за этим указывалось: «Но нельзя быть социалистом, быть революционером и не поддерживать со всей энергией существующих профессиональных организаций»³.

По мнению В.М. Чернова, «организация рабочего класса должна быть многогранной - политической, профессиональной, кооперативной, что автономия, равноправие, координация действий должны быть регулируемыми началами для взаимоотношений этих различных граней, различных форм рабочего движения»⁴. На Лондонской конференции социалистов стран Антанты, которая состоялась в феврале 1915 г., «каждый из отдельных видов, - отмечал Чернов, - массовой организации - политической, синдикальной и кооперативной - были признаны необходимым условием социальной эмансипации рабочего класса. Для каждой из них полная эмансипация была признана необходимым условием здорового и всестороннего развития»⁵.

«Беспартийность» и «нейтральность», по мнению эсеров, должна была состоять не в том, что члены различных политических партий не должны входить в эти организации. Наоборот, эсеры ставили задачу создавать в профсоюзах и кооперативах партийные «компактные ядра», сохраняющие «свое духовное единство и определенность». Но в своей деятельности эти партийные организации должны были подчиняться указаниям профсоюза: «В сфере чисто профессиональной члены партийных групп подчиняются директивам профессионального союза, в который они входят, и главной своей целью наряду с пропагандой партийной программой ставят сохранение единства профессионального движения и повседневную практическую работу в союзах»⁶.

Другое дело, что на практике эсеры стремились поставить и профсоюзы, и кооперативы под свой партийный контроль. Лозунг «автономии» эсеры понимали таким образом, что и партийные, и профессиональные, и кооперативные организации по отношению к друг другу равноправны. «Социалисты-революционеры, - подчеркивал В.М. Чернов, - считают автономию политической партии рабочего класса и профессионального союза необходимым условием их жизненности. Таким же условием жизненности считают они координацию их действий, устанавливаемую путем соглашений»⁷.

Равноправие не означало, по мнению эсеров, что партия и профсоюзы должны провести между собой грань, по которой партия должна заниматься только политикой, а профсоюзы - экономикой. «У профессиональных союзов, - писал В.М. Чернов, также мало изъять «политику», оставив их при одной «экономике», как мало можно у политической партии отнять право интересоваться «экономикой»⁸. Разница в действиях между партией и профсоюзами в том, что первая опирается на тео-

¹ Там же. - С.20,37, 43.

² Чернов В.М. Основные вопросы пролетарского движения. - Пг., 1918. -С.55.

³ Знамя труда. 1912. № 45; ЦДНИСО. Ф.41. Оп.1. Д.49. Л.33об.-34.

⁴ Чернов В.М. Основные вопросы пролетарского движения. - Пг., 1918. Вып.2. С.235.

⁵ Там же. - С. 238.

⁶ Памятная книжка социалиста - революционера. - С.21.

⁷ Чернов В.М. Собрание сочинений. Основные вопросы пролетарского движения. -Пг., 1918.-С. 52 .

⁸ Там же.

рию, на программу, а вторая опирается на голую политику. «Партия воплощает конечную цель класса, профессиональные союзы воплощают конкретное движение класса и осознание из уроков жизни этой конечной цели»¹. Профессиональная организация должна была, по мнению эсеров, прежде всего служить: а) для непосредственного улучшения положения рабочего класса путем взаимопомощи и непосредственной экономической борьбы (стачки, бойкот, лебель) против эксплуатации промышленным капиталом; б) для боевого сплочения вне партий и политических направлений самых широких масс, способных дружно выступать на защиту интересов всего рабочего класса во всех серьезных общественно-политических конфликтах; в) для образования внутри современного строя организованных трудовых ячеек². Профессиональная организация должна была стремиться охватить всех рабочих, вне зависимости от их партийной принадлежности.

Эсеры на Урале проявляли большую активность в претворении в жизнь теоретических установок своих центральных органов. Социалисты-революционеры вели борьбу за овладение профсоюзами, кооперативами и другими легальными организациями трудящихся. Так, на одном из собрания эсеровской организации в Екатеринбурге в конце 1915 г. «было признано необходимым приступить к восстановлению связей» с профсоюзными организациями, больничными кассами и другими легальными учреждениями³. Екатеринбургские эсеры на первое место поставили профсоюзы.

Нередко на Урале, на одном и том же заводе, в одном и том же городе действовали большевистские и эсеровские профсоюзы. Так, например, на Мотовилихинском заводе организация социалистов-революционеров в составе 50 человек из числа рабочих образовало профсоюз с привлечением в него всех членов группы, стараясь при этом завербовать в него и других рабочих. Этот профсоюз ставил цель - материально поддерживать рабочих в различных случаях, а главное, в случае забастовки. Члены союза платили взносы, которые распределялись: на просветительские нужды; в помощь партийным товарищам и в забастовочный фонд⁴.

К концу 1913 г. «руководящая роль» в Воткинском профсоюзе рабочих по металлу стала переходить в руки социалистов-революционеров. Секретарем союза стал эсер А.И. Лаптев, а членами активные социалисты-революционеры П.И. Потанин, В.И. Чураков, С.А. Алексеев, М.Я. Казаков, А.К. Мальков и др. 16 марта 1914 г. состоялось общее собрание членов Воткинского профсоюза по металлу. На собрании присутствовали исключительно социалисты-революционеры, которые и избрали в Правление своих единомышленников⁵.

Численность профсоюза быстро росла. Если в 1913 г. было 30 человек, то в начале 1914 г. уже 150⁶.

В феврале 1915 г. в Екатеринбурге было разрешено учредить профессиональное «Общество торговых и торгово-промышленных служащих»: Учредителями этого профсоюза были активные деятели эсеровской организации И.С. Кожихов и И.Н. Муксунов⁷.

Этот эсеровский профсоюз отдельной брошюрой выпустил устав, в котором определялись функции общего собрания, правления, ревизионной комиссии, а также излагались цели и задачи общества. Общество ставило цель не только «согласование экономических интересов, улучшение условий труда членов общества, служащих торговых и торгово-промышленных предприятий г. Екатеринбурга», но и «содействие умственному и духовному развитию своих членов». Поэтому общее собрание выбирало библиотечную, лекционную и другие комиссии, которые должны были

¹ Там же. - С.53.

² Памятная книжка социалиста-революционера. - С.31.

³ ГАРФ.Ф.ДП,00. 1915. Д.167. Ч.56. Л.4об.

⁴ ГАРФ. Ф.ДП,00. 1914. Д.9. Ч.56. Л.Б. Л.6об, 21.

⁵ ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1494. Л.16-16об.-17.

⁶ ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1410, л.5.

⁷ ГАПО. Ф.162. Оп.3. Д.53. Л.9,10, 10об., 12.

устраивать «библиотеки, читальни, экскурсии на выставки и музеи, профессиональные лекции, чтения и курсы»¹.

Профсоюз быстро набирал силу и уже в апреле 1915 г. в него входило 167 человек².

Екатеринбургское «Общество торговых и торгово-промышленных служащих» через эсера И.С. Кожихова имело тесные связи с Всероссийским Бюро труда, находящимся в Москве. И.С. Кожихов, в качестве инструктора Бюро труда, в начале 1916 г. ездил в Екатеринбург и Тюмень для анализа положения местных рабочих организаций и с целью избрания делегатов на съезд представителей рабочих организаций³.

Начальник Пермского губернского жандармского управления в марте 1916 г. сообщал в Департамент полиции о том, что «главный интерес местных партийных деятелей в данный момент сосредоточен на предстоящем 31 марта в городе Москве съезде представителей различных демократического характера рабочих организаций всей России, больничных касс, бюро труда, где таковые существуют, и профессиональных обществ, который устраивается Всероссийским Бюро труда при Всероссийском Земском и Городском союзе отдела по устройству беженцев в городе Москве на легальных основаниях». Главная цель этого съезда, по мнению охранки, - «сплотить рабочие организации в лице их представителей, дабы легче было использовать народные массы в революционных целях и кроме того произвести учет народным силам»⁴.

В годы первой мировой империалистической войны особенно быстрое развитие получили кооперативы. В России в 1916 г. насчитывалось 23,5 тыс. потребительских обществ, куда входило 6815 тыс. человек, это в четыре-пять раз больше, чем в 1915 г. В начале 1917 г. потребительская кооперация охватывала уже более 11,5 млн. человек⁵.

Всего же кооперативных, потребительских, кредитных, сельскохозяйственных обществ к 1917 г. насчитывалось около 63 тыс., объединявших свыше 24 млн. человек⁶.

Всплеск кооперативного дела был следствием исключительных условий военного времени и усиливающихся трудностей с продовольствием. «Год тому назад, - отмечала охранка в 1916 г., - когда стал ощущаться недостаток продуктов первой необходимости, начали в значительном количестве появляться кооперативные лавочки и ныне их весьма значительное количество»⁷.

Кооперативы стали способом борьбы с дороговизной, которая вызывала огромное недовольство населения. Дороговизна стала еще одним катализатором, наряду с военными поражениями на фронте, которая приближала свержение самодержавия.

Бурное развитие кооперативов наблюдалось и на Урале. В Оренбургской губернии с начала 1907 по 1911 гг. возникло всего лишь пять потребительских обществ, между тем с 1911 по 1916 гг. 62, т.е. в 12 раз больше. Общее число членов по 69 потребительским обществам Оренбургской губернии составило 8095 человек⁸.

Всего количество потребительских и сельскохозяйственных обществ, кредитных и ссудо-сберегательных товариществ достигло в Оренбургской губернии в годы войны более 400⁹. К концу 1915 г. в Вятской губернии насчитывалось 600 кооперативов (из них 450 кредитных товариществ),

¹ ГАПО. Ф.162. Оп.3. Д.53. Л.13; Уральская жизнь. 1915. - № 221.

² Уральская жизнь. 1915. - № 95.

³ ГАРФ. Ф.ДП,00. 1916. Д.17. Ч.56. Л.Б. Л.1об.

⁴ Там же. Л.1-1об.

⁵ Морозов Л.Ф. От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. - М., 1969. - С.69.

⁶ Кабанов В.В. Октябрьская революция и кооперация. 1917 - март 1919 г. - М., 1973. - С.59.

⁷ ГАРФ. Ф.ДП,00 1916. Д.16. Ч.57. Л.2.

⁸ ЦДНПО. Ф.7924. Оп.1. Д.85. Л.6.

⁹ Оренбургское слово. 1916.№246; ЦДНПО. Ф.6002. Оп.1. Д.18, Л.41.

численностью до 12 тыс. человек ¹. В Пермской губернии общее число кооперативных обществ достигло 538².

Такой бурный рост кооперативных организаций не прошел мимо внимания эсеров Урала, которые стремились использовать кооперативы, так же как и профсоюзы, для революционной работы в массах.

В Сосновской волости Сарапульского уезда Вятской губернии большим авторитетом среди крестьян пользовался социалист-революционер, учитель Е.А. Красильников. Весной 1914 г. он стал во главе Сосновского кредитного товарищества и Сосновского сельскохозяйственного общества и «чувствуя себя совершенно независимым от администрации, повел еще более свободно социал-революционную пропаганду»³.

Эсеры на Урале стремились овладеть не только сельскими кооперативами. На Мотовилихинском заводе действовал кооператив, в котором определяющую роль играли эсеры. В апреле 1914 г. на одном из собраний Мотовилихинского сельскохозяйственного общества председателем собрания был эсер Леонид Затейщиков⁴.

Члены руководящего комитета Златоустовской организации П.С.-Р. в годы войны являлись членами кооператива «Пчела», который непосредственно обслуживал рабочих Златоустовских заводов численностью до 17 тыс. человек. Эсеры использовали технический аппарат кооператива и денежные средства, «которые исключительно были направлены на народническую популярную литературу», распространяемую среди рабочих. Под прикрытием общества «Пчела» социалисты-революционеры устраивали чтения, беседы, собрания, на которых кроме разрешенных охранкой тем «велась пропаганда идей социализма»⁵.

В августе 1915 г. на базе товарищества кооперативов Пермской губернии был образован Уральский союз потребительских обществ, в котором в члены правления были избраны эсеры И.Н. Муксунов и Ф.А. Блохин⁶. Уральский союз потребительских обществ к 1916 г. превратился в одно из крупнейших кооперативных объединений России, объединив 309 кооперативов численностью более 500 тыс. человек ⁷.

Видный эсер И.Н. Муксунов, являясь также инструктором этого союза, имел право разъезжать по городам и деревням Урала по кооперативным делам, и это давало ему прекрасную возможность для налаживания и поддержания партийных связей с другими эсеровскими организациями.

Говоря о страховой кампании, нужно отметить, что эсеры, в том числе эсеры на Урале, неоднозначно отнеслись к больничным кассам. Если эсеры Екатеринбурга говорили о необходимости налаживания связей с больничными кассами, то бойкотировали выборы в больничные кассы эсеры в Лысьве⁸. Такая ситуация была следствием того, что на этапе выборов в больничные кассы эсеры отрицательно к ним отнеслись. Но затем, когда больничные кассы начали действовать, эсеры увидели в них хорошее легальное прикрытия для революционной деятельности и в ряде мест начали проталкивать туда своих людей.

В изученных архивных документах мало сведений об участии эсеров в больничных кассах. Но все же отдельные случаи были. К примеру, в 1916 г. эсер М.С. Хромушкин работал в больничной кас-

¹ ГАРФ. Ф.ДП,00. 1915. Д.167. Ч.17. Л.3.

² ГАРФ. Ф.ДП,00. 1915. Д.167. Ч.56. Л.206.

³ ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1503. Л.10.

⁴ ГАРФ. Ф.ДП,00. 1914. Д.9. Л.56. Л.Б. Л.21.

⁵ ЦДНИЧО. Ф.596. Оп.1. Д.178. Л.2, 5.

⁶ Уральская жизнь. 1915. - № 184.

⁷ Уральская жизнь. 1916. - № 232, 237

⁸ Рычкова Г.П. Лысьва. Пермь, 1963. - С.76.

се в Уфе¹. Социалисты-революционеры так же, как и большевики, использовали любую легальную возможность для своей революционной деятельности. Так, например, эсер Н.И. Кондорский был членом Сарапульского общества трезвости, в котором он проявлял «свою преступную деятельность»².

Эсеры также большое внимание уделяли сбору денег и распространению легальных газетных изданий. По подсчетам В.И. Ленина, за 4,5 месяца 1914 г. по сравнению с 1913 г. сумма взносов на газеты у большевиков увеличилась на 0,4%, у эсеров с 8,5% до 12,8%, т.е. на 4,3%³. Это был большой процент, показывающий усиливающийся интерес трудящихся к эсеровской прессе. Из сводки цифровых данных о денежных сборах для поддержки легальной левонароднической (с.р.) печати в России за апрель-май 1914 г., составленной Н.К. Крупской, видно, что с 29 марта по 9 мая на нужды печати собрано было эсерами 3122 руб. 49 коп. При этом большая часть денег поступила от рабочих групп⁴.

Перед войной уральские эсеры занимались сбором денег, выпиской и распространением выходящей в Петербурге газеты «Трудовой голос». К примеру, этим занимались эсеры на Мотовилихинском заводе⁵. Летом 1914 г. эсер Ф.И.Соколов на Воткинском заводе собирал деньги для выписки из Петербурга газеты «Живая мысль труда»⁶. Златоустовские социалисты-революционеры пытались наладить получение центрального органа ПСР «Знамя труда». В мае-июне 1913 г. охранка в Златоусте дважды перехватывала № 50 этой газеты. Оба раза она высылалась на имя Н.Костерина⁷. В годы империалистической войны сбор денег и выписка легальной литературы был крайне затруднен. Поэтому деятельность эсеров в этом направлении на Урале в годы войны по документам не прослеживается:

Эсеры отправляли не только деньги в поддержку своих легальных органов, но и посылали корреспонденции с описанием существующих порядков на местах. К примеру, в 1913 г. охранка перехватила письмо эсера А.Н. Чумищева в «Трудовой голос». В письме говорилось о том, как воспитывают «учителей для народа» на Пермских педагогических курсах. Один из преподавателей «показывает будущим учителям, что заниматься с детьми “народа нужно как с рабами и невольниками». Письмо заканчивалось призывом «так жить нельзя»⁸.

На Урале эсеры, активно сотрудничали в местных газетных изданиях. Так, эсер Н.И. Кондорский состоял корреспондентом, издававшейся в Вятке газеты «Вятская речь» и писал под псевдонимом «Запятая» и «Никита Запятая». В статьях от 5 марта 1913 г. «Письма из Сибири. Опека над казачеством», за подписью «Запятая» и от 19 марта «Письма из Сибири. Казачье житье», за подписью «Никита Запятая» Кондорский описывал трудную жизнь казаков. Он отмечал, что «тьма, невежество и пьянство властно царят над дремотой жизнью станицы»⁹.

В Сарапуле видный социалист-революционер Ф.В. Астраханцев принимал деятельное участие в издании Сарапульской газеты «Кама». За его статью «300-летие Дома Романовых» редактор был оштрафован на 500 рублей¹⁰. Негласным редактором газеты «Кама» являлся проживающий в Сара-

¹ ЦГИА РБ. Ф.187. Оп.1. Д.589. Л.292.

² ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1356. Л.7.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т.25. -С.252.

⁴ РГАСПИ. Ф.17. Оп.1. Д.1430, л.1.

⁵ ГАРФ. Ф.ДП,00. 1913, Д.9. Ч.56. Л.Б. Л.18-19, 41.

⁶ ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.14576. Л.49-49об.-50.

⁷ ГАРФ. Ф.ДП,00. 1913, Д.9. Ч.86. Л.А. Л.5-6.

⁸ ГАРФ. Ф.ДП,00. 1913. Д.9. Ч.56. Л.Б. Л.30-32.

⁹ Вятская речь.1913.-№62 .

¹⁰ ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1356. Л.9.

пуле социалист-революционер, присяжный поверенный Московской Судебной Палаты А.В. Ксенократов¹.

В Шадринске в годы войны газета «Исеть» «приняла чисто революционное направление». Секретарь газеты Н.В. Здобнов стоял на народнических позициях. Газету выписывали более 2 тыс. человек, большинство из которых были крестьяне, среди которых газета вела «усиленную пропаганду революционных идей»². В Екатеринбурге сотрудником газеты «Уральская жизнь» был эсер С.К. Тарабукин, входящий в руководящий коллектив Екатеринбургской организации эсеров³.

С. Тарабукин активно сотрудничал также в газетах «Зауральский край» и «Исеть», в которых печатался под псевдонимом С. Тарин. Необходимо отметить, что его статьи по экономическим или политическим вопросам отличались большим профессионализмом и в них он критиковал существующие полицейские порядки, пропагандировал эсеровское учение. К примеру, в статье «Зубатовщина (Из истории полицейского «социализма» в России)» он назвал зубатовщину одним из «уродливых явлений нашего полицейского строя», направленным на то, чтобы «опутать рабочее движение сетью полицейских мероприятий и через это обезвредить его»⁴.

В статье «Где трудно дышится», подводя итоги закона «о насильственном разрушении общины», опираясь на данные печати и официальные отчеты крестьянского банка, С. Тарабукин пришел к выводу, что правительственная политика землеустройства серьезного удара общине не наносит и та передвижка, которая теперь происходит в области земельных отношений деревни, является даже желательной потому, что «уходят на хутора «индивидуальные хищники». В общине же, по его мнению, остаются «здоровые и сильные элементы крестьянства, которые в будущем создадут настоящее мужицкое царство, сильное духом и мощное экономически»⁵. С. Тарин в этой статье встал на защиту одного из основных положений эсеровской программы - о крестьянской общине как зародыше социализма.

Таким образом, эсеры на Урале, руководствуясь решениями своих центральных органов партии и местных организаций, между двумя революциями вели активную деятельность в легальных организациях трудящихся. Они использовали любую легальную возможность для налаживания и укрепления связи с массами и под прикрытием легальных учреждений проводили собрания, читали лекции, распространяли легальную и нелегальную литературу, т.е. вели широкомасштабную пропагандистскую, агитационную и организаторскую работу. Особенно деятельность эсеров в легальных организациях усилилась в годы первой мировой империалистической войны, когда нелегальная работа в массах была крайне затруднена условиями военного времени.

Уральские социалисты-революционеры активно использовали всплеск кооперативного движения, наступивший в годы войны, из-за усиливающихся трудностей с продовольствием. Сильным было влияние этой партии в кооперативах Оренбурга, Уфы, Екатеринбургa, на Лысьвенском, Ижевском и Верхне-Туринском заводах, а также на Мотовилихинском и Златоустовском заводах, в Соновке и др.

Легальная и нелегальная работа эсеров осложнилась в годы первой мировой войны, но законы военного времени не смогли полностью остановить деятельность социалистических партий по формированию общедемократического фронта борьбы с самодержавием, по вовлечению народных масс в революционное движение.

¹ ГАРФ. Ф.ДП,00. 1914. Д.9. Ч.17. Л.Б. Л.5, 7.

² ГАРФ. Ф.ДП,00. 1915. Д.167. ч.56. Л.3об.

³ ГАРФ. Ф.ДП,00. 1915. Д.9. Ч.56. Л.Б. Л.7, 14.

⁴ Зауральский край. 1913. - № 47.

⁵ Исеть, 1914. - № 6.

Среди социалистов - революционеров, так же как и среди социал-демократов не было единства в вопросах войны и мира. На совещании в августе 1914 г. в Швейцарии, в котором принимали участие М.А. Натансон, В.М. Чернов, И.И. Бунаков, Н.Д. Авксентьев и др., определились также три точки зрения. Здесь оборонцы взяли вверх, поэтому в принятой резолюции победа Антанты объявлялась прогрессивным фактором европейского развития¹. Социал-патриотическую позицию заняли Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаков, Б.В. Савинков, И.А. Рубанович и др. В своем письме в редакцию газеты «Мысль» Б. Савинков и Б. Моисеенко отмечали: «Мы не можем не желать всей душой победы России, ибо мы русские, и нашей Родине угрожает опасность. Мы не можем не желать всей душой победы Франции, Англии, и Бельгии, ибо мы как социалисты-революционеры - прежде всего республиканцы и демократы»².

Во главе центристского течения стоял теоретик эсеровской партии В.Н. Чернов. Он не был сторонником лозунга «защиты отечества», наоборот, он критиковал оборонцев, подчеркивая: «Мы русские, и потому мы не имеем право закрывать глаза на то, что русский царизм не может не приложить всех усилий, чтобы победой Тройственного согласия возможно меньше были затронуты в Европе монархическое и олигархическое начало»³. Критикуя оборонцев, он не защищал и пораженцев: «Если победы нашего правительства суть поражения нашей демократии и нашего социализма, то ведь победы чужого правительства суть поражения чужой демократии и чужого социализма»⁴.

В.М.Чернов пытался встать между сторонниками «пораженчества» и «антипораженчества», считая, что эти две крайности не способны прекратить междоусобную бойню. Он был сторонником течения, представители которого не желали ни одной из борющихся сторон ни удачи, ни поражения в войне. Это была платформа, на основе которой эсеры пытались произвести «возможно действительное объединение социал-интернационалистов всех стран, с целью создания новой международной силы - третьей силы рабочего класса»⁵. Эта «третья сила» должна была, по мнению Чернова, «ликвидировать войну без унижения какой-либо из сторон, без репрессий, без аннексий, без контрибуции». Такой «третьей силой» являлось, по мнению Чернова, международное рабочее движение, которое необходимо было возродить, организовать и сплотить⁶. С решением этой задачи В.М.Чернов выдвигал следующую – «превращение переживаемого цивилизованным миром военного кризиса в кризис революционный», и «превращение внешнего военного кризиса в кризис внутренний, революционный»⁷.

Революционно-интернационалистическое течение возглавлял М.А. Натансон. Во время войны представители этого течения выпустили в России свыше ста прокламаций с лозунгами: «Долой войну!», «Да здравствует революционная борьба!», «За землю и волю»⁸. Антивоенные выступления имели место уже в первые месяцы войны в 7 эсеровских организациях - Петроградской, Московской, Иркутской, Киевской, Черниговской, Ростовской, Харьковской. Эти организации выпустили 14 антивоенных листовок. В 1915 г. число организаций, где были противостоящие «оборончеству» тенденции, возросло до 11, а количество листовок увеличилось до 37. В 1916 г. число листовок возросло до 42⁹. М.А. Натансон в 1915 г. на международной социалистической конференции в Циммер-

¹ Непролетарские партии России. Урок истории. - М., 1984, - С.200.

² Гарденин Ю. Чужими путями. Сб. статей. Издание газеты "Жизнь". - Женева, 1916. - С.11.

³ Гарденин Ю. Чужими путями. Сб. статей. - С.12.

⁴ Гарденин Ю. Истинные и мнимые поражения. - Женева, 1915. - С.9-10.

⁵ Там же. - С.17.

⁶ Гарденин Ю. Война и "третья сила". - Женева, 1915. - С.18.

⁷ Там же. - С.28, 34.

⁸ Первая мировая война. 1914-1918. - М., 1968. - С.324,328.

⁹ Там же.

вальде вошел в созданную В.И. Лениным группу. В 1916 г. на Кинтальском международном конгрессе М.А. Натансон поддержал «циммервальдскую левую» во главе с Лениным¹.

Разногласия по вопросам войны в стане эсеров отразились на Лондонской конференции социалистов стран Антанты в феврале 1915 г., где выступила с двумя декларациями делегация социалистов-революционеров. Левое и центристское крыло партии представили М.А. Натансон (М. Бобров) и В.М. Чернов (Ю. Гарденин), которые в своей декларации отстаивали «лозунг мира без территориальных захватов, без расчленения и унижения побежденной стороны, без контрибуций и т.п. мстительных репрессий»². От имени другой «половины делегации» выступили А. Кубов и И.А. Рубанович, которые подчеркивали: «Участие России является необходимым условием и для победы союзников над Германией, а эта победа в свою очередь будет содействовать росту русской демократии»³.

Отношение самих большевиков ко всей партии социалистов-революционеров было в основном как к партии социал-шовинистской. Г. Зиновьев в № 1 журнала «Коммунист» за 1916 г. подчеркивал, что партия социалистов-революционеров «обеими ногами стоит на почве франко-русского шовинизма», и что «народничество, как целое, стало на путь шовинизма»⁴. При этом, по мнению Г. Зиновьева, много от эсеров нельзя было ожидать, так как они представляют собой буржуазную демократию, «в момент, когда даже большинство официальных с.д. партий скатились к социал-шовинизму, было бы поистине чудом, если бы и буржуазная демократия не заплатила дань времен»⁵. В ответ на эти и другие обвинения со стороны большевиков, В.М.Чернов отвечал, что если взять, к примеру, два легальных народнических органа «Русское братство» - орган ортодоксального народничества и «Современник» - орган критического народничества, то оба эти органа «в общем держат курс против шовинизма». По данным В.М.Чернова, в России «не нашлось ни одной действующей местной группы, которая бы выступила в духе наших «патриотов»⁶.

Эсеровские и меньшевистские сторонники «оборончества» стремились к объединению. Осенью 1915 г. меньшевики и эсеры выпустили Манифест «К сознательному трудящемуся населению России». Он был принят на состоявшемся 5-10 сентября 1915 г. в Лозанне совещании меньшевиков и эсеров, на котором председательствовал эсер Авксентьев⁷. Этим манифестом было объявлено об образовании политического блока, идейным руководителем которого стал Г.В. Плеханов и в который со стороны социалистов-революционеров вошли Н. Авксентьев, И. Бунаков, Б. Воронов. В Манифесте подчеркивалось: «Всякое революционное вспышко-пускательство в тылу армии, борющейся с неприятелем, по своему значению равнялось бы измене, так как было бы услугой внешнему врагу»⁸.

На Урале среди местных социалистов-революционеров не было единства в вопросах о войне, но не все эсеры занимали позиции социал-шовинизма. Конечно же, нет сомнения в том, что среди уральских эсеров было не мало патриотов. Более правильной представляется позиция К.В. Гусева, считающего, что «оборончество явно преобладало в Поволжье, на Урале, в Сибири» в начале войны⁹. Экономические и политические трудности, возрастающие с развитием войны, способствовали

¹ Темкин Я.Г. Циммервальд-Кинталь. - М., 1967. - С.100.

² РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.2. Л.9об.

³ РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.2. Л.11об.

⁴ См.: Гарденин Ю. Чужими путями. - Женева, 1916. - С.89.

⁵ Там же.

⁶ Там же. - С.92-93.

⁷ Непролетарские партии. России. - М., 1984. - С.202.

⁸ Гарденин Ю. Чужими путями. Сб. статей. - Женева, 1916. - С.49, 52.

⁹ Гусев В.К. Партия эсеров от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. - М., 1975. - С.86.

революционизированию народных масс и отходу части эсеров и меньшевиков от позиций социал-шовинизма.

Протесты против войны звучали в стане уральских эсеров уже в самом ее начале. По воспоминаниям большевика Г.Л. Власова, «мы при отправке солдат на фронт по постановлению комитета Содовской организации развернули агитацию и пропаганду против войны, чем сильно оскорбили некоторых идейных противников меньшевиков и эсеров, но не всех, половина из них была против войны»¹. В августе 1914 г. в Перми вышла подписанная социал-демократами и эсерами листовка, призывающая к протесту против войны².

Не только в Перми, но и в Уфе часть эсеров выступили против войны. С началом войны руководитель эсеровской группы в Уфе Шмелев настаивал на необходимости организационного собрания, а затем и выпуска прокламаций с протестом против войны. Когда «большинство членов коллектива высказались отрицательно, ссылаясь на то, что такая прокламация не может встретить сочувствие со стороны местных рабочих, Шмелев предложил выпустить прокламацию с призывом готовиться к новой войне с правительством после окончания русско-германской войны». Прокламация такого содержания в конце октября была составлена Шмелевым и переписана, но ввиду отсутствия технических средств издать ее не удалось³.

Ижевские социалисты-революционеры В.И. Прошутин и А. Анисимов в августе 1914 г. «пытались подстрекать» рабочих завода к забастовке и выдвинуть требование повышения заработной платы. Эсеры не выдвигали политические требования типа «Долой войну!», но в условиях начавшейся бойни агитация в поддержку экономической забастовки объективно являлась своего рода протестом против мирового побоища⁴.

В начале 1915 г. студенческая группа социалистов-революционеров г. Екатеринбурга выпустила прокламацию, в которой осуждались арест и высылка депутатов большевиков Государственной Думы. В ней эсеры поддерживали политику большевиков-депутатов, проводимую ими в отношении участия России в войне: «Среди общего опьянения военным угаром в дни торжествующего царизма... народные представители пытались сказать свое трезвое слово»⁵. Тем самым екатеринбургские эсеры выразили солидарность действиям большевиков-депутатов по отношению к войне. Не зря екатеринбургские эсеры подчеркивали, «студенчество должно сказать, что они были не одни»⁶.

Кроме эсеров, поддерживающих политику большевиков по отношению к войне, на Урале действовали эсеры, занимающие патриотические позиции. 31 июля 1914 г. близ села Макарья Вятского уезда было найдено воззвание «О войне (Листок для солдат и трудящихся)», за подписью «Социалисты-революционеры» и пометкой «Вятка 1914 г.». В нем «граждане» призывались подниматься на «защиту родины». Но не только на защиту родины призывались трудящиеся, а также и «на завоевание своих прав». Вятские эсеры считали, что и в случае поражения, и в случае победы в войне «правительство не позаботится удовлетворить справедливые требования народа, Свобода трудящихся дело их самих. Сила же трудового народа в единении»⁷. В этой прокламации эсеровское понимание причин начавшейся войны не расходилось с большевистскими. Социалисты-революционеры считали, что война «нужна заводчикам, получающим заказы на военное оружие и

¹ ЦДНИСО. Ф.41. Оп.2. Д.166. Л.26.

² Листовки пермских большевиков. - Пермь, 1958. - С.455.

³ ГАРФ. Ф.ДП,00. 1915. Д.9. Л. 21-22, 86.

⁴ ГАРФ. Ф.ДП,00. 1914. Д.9. Ч.17. Л.Б. Л.44об.

⁵ ЦДНИСО. Ф.41. Оп.1. Д.43. Л.46.

⁶ Там же

⁷ ГАРФ. Ф.ДП,00. 1914. Д.9. Ч.17. Л.В. Л.12-12об.; ГАКО, Ф.714. Оп.1. Д.1491. Л.2, 9-10, 21.

снаряды, денежным тузам, дающим правительствам деньги взаймы за хорошие проценты», а также «Нужна правительствам ..., чувствующим неминуемую гибель от надвигающейся революции»¹.

Таким образом, эсеры Вятки видели причины войны в стремлении господствующих классов нажиться на ней и, что не менее важно, предотвратить новую революцию, дыхание которой накануне войны было весьма ощутимым.

На социал-патриотических позициях стояли в основном эсеры Екатеринбургa. С ними по вопросу о войне пришлось столкнуться большевику Л.И. Вайнеру на совещании Екатеринбургских эсеров в сентябре 1915 г. На этом совещании Л.И. Вайнер подверг эсеров-патриотов критике и изложил программу большевиков². Он в своем подробном докладе доказывал, что «лишь полное поражение русской армии является единственным средством, могущим настолько обессилить русский царизм, что будет уже нетрудно вызвать необходимые для России свободы»³. Но переубедить эсеров Л.И. Вайнеру не удалось. Обсудив резолюции Московского июльского совещания народников, состоявшегося в 1915 г., декларации международного Лондонского съезда социалистов, екатеринбургские эсеры присоединились к декларации, подписанной Рубановичем и Кубаном, в которой говорилось о необходимости вести «войну до полного поражения Германии».

Не только в Екатеринбургe, но и в Кунгуре была предпринята большевиками попытка «поставить на путь истины» эсеров, т.е. убедить их в том, что занимаемая ими патриотическая позиция не отражает стремлений большинства народных масс к прекращению войны и к свержению самодержавия. В марте 1916 г. на заседании кружка «эсеровских техников» большевик Семовских сделал доклад о войне и о текущем моменте. Члены кружка отнеслись к докладчику отрицательно. Велись также большевиками неоднократные переговоры с руководителем кружка, но и они не дали результатов. Эсеровский кружок упорно отстаивал идеи «защиты отечества»⁴.

Таким образом, среди социалистов-революционеров, в том числе уральских, в вопросах войны и мира не было единства. Среди тех и других были сторонники «защиты отечества» и противники войны. Война еще более обострила разногласия внутри социалистических партий и отношение к ней стало главным вопросом в межпартийных и внутренних дискуссиях, в определении новых тактических установок.

Между двумя революциями прошли проверку организационные, идейно-теоретические и тактические установки всех политических партий, в том числе и партии социалистов-революционеров. Наступившая после революции 1905-1907 гг. жесточайшая реакция привела к значительному идейному и организационному ослаблению эсеровской партии, к образованию внутри нее различных течений и групп. Установки на крестьянскую общину как зародыш социализма, на террор как главное средство борьбы с самодержавием не принесли им успеха. Это вело к потере влияния эсеровской партии среди трудящихся масс, что не могло не беспокоить самих социалистов-революционеров.

С другой стороны, усиление революционной активности народных масс и, в первую очередь, пролетариата вынуждали эсеров пересмотреть свою точку зрения на роль рабочего класса в предстоящей буржуазно-демократической революции. Такая переоценка привела к тому, что на Урале накануне и в годы первой мировой войны, были созданы довольно активные организации эсеров на таких крупнейших заводах как Мотовилихинский, Ижевский, Воткинский, Златоустовский и др.

В общей массе социальный состав эсеровских организаций был более пестрым, чем у социал-демократов. Организации и группы эсеров в Уфе, Перми, Екатеринбургe, Вятке состояли в основном

¹ ГАРФ. Ф.ДП,00. Оп.244. Д.9. Ч.17. Л.В. Л.12-12об.

² Там же. 1915. Д.9. Ч.56. Л.Б. Л.22об.

³ Там же. Д.167. Ч.56. Л.4-4об

⁴ Семовских Н. История Кунгурской организации РКП(б)// Крот. 1923. № 4. - С.2.

из учащихся, служащих, врачей, учителей и т.п. это было следствием того, что эсеровская партия стремилась сразу опереться на пролетариат, трудовое крестьянство и трудовую интеллигенцию, которых они объединяли понятием «трудовой класс». К Февральской революции на Урале существовало около десятка эсеровских организаций и групп, в которых насчитывалось около 500 человек. Число сочувствующих партии, было неизмеримо больше.

Социальная революция невозможна без поддержки народных масс, без активного участия в ней трудящихся. Опыт революции 1905-1907 гг. убедительно показал, что именно недостаточная организованность и сплоченность демократических сил, особенно пролетариата и крестьянства, слабая связь между ними в проведении революционных действий, недостаточная работа в армии явились одними из главных причин того, что не были решены основные ее задачи. Извлекая уроки из опыта революции 1905-1907 гг. эсеры Урала накануне и в годы первой мировой войны, которая для России обернулась впоследствии Февральской и Октябрьской революциями, развернули активную и разностороннюю деятельность среди рабочих, крестьян, солдат, средних слоев города и деревни. Особую активность проявили эсеры Урала в легальных организациях.

*Габдулхаков Р.Б.
БФ БашГУ, г. Бирск*

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА УРАЛЕ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

О состоянии социал-демократических организаций на Урале, непосредственно накануне войны, хорошее представление дают письма члена Государственной Думы большевика В.К. Муранова, посланного ЦК в данный регион для анализа состояния партийных дел и подготовки съезда РСДРП. В мае-июне 1914 г. М.К. Муранов был в Симе, в Мирьяне, в Екатеринбурге, в Уфе, Перми, и на других заводах Урала, где он оказывал помощь в налаживании революционной деятельности. В.И. Ленин дал высокую оценку М.К. Муранову: «Отчет о нелегальной работе Муранова и записки Петровского останутся надолго образцом *той* работы депутатов, которую мы должны были усердно скрывать и в значение которой будут теперь внимательнее и внимательнее вдумываться все сознательные рабочие России»¹.

Наиболее сильные и многочисленные большевистские организации до войны на Урале существовали в Екатеринбурге, Мотовилихе, Перми, в Миньяре, в Чусовой. В Уфе, Челябинске, Оренбурге организации РСДРП были объединенными. Большевики действовали совместно с меньшевиками. Социал-демократические группы имелись на Воткинском, Ижевском, Златоустовском, Лысьвенском заводах, а также в Нижнем Тагиле, в Надеждинске, в Кунгуре, Алапаевске, Сысерти и др.

Самой сплоченной на Урале была организация РСДРП в Екатеринбурге. Под ее руководством проходила страховая компания, создавались кружки, устраивались массовки, распространялась легальная литература. Большевики установили связь с Лысьвой, где имелась организация РСДРП еще с 1906 г. с выборным руководящим коллективом из 5 человек, а также с Пермью, Челябинском и др. Имелась библиотека из старых брошюр, около 300 экземпляров. Екатеринбургцы хорошо знали о состоянии партийных дел на Урале. Именно от Екатеринбургской организации РСДРП пришло в октябре 1913 г. письмо в ЦК РСДРП, в котором говорилось о необходимости налаживания прочных связей с центром и раскрывалось состояние социал-демократических организаций на Урале. Партийная работа в г. Екатеринбурге велась на Верх-Исетском заводе, на механическом

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т.26. - С.172.

заводе Ятеса. На этих заводах были партийные группы по 50 человек. Также на фабрике Макаровых, где было до 70 организованных рабочих и др. заводах. Всего осенью 1913 г. в социал-демократическую организацию г. Екатеринбургa входило более 220 человек¹.

Одна из многочисленных организаций РСДРП действовала на Мотовилихинском заводе Пермской губернии. Если раньше она существовала в рамках Пермской организации РСДРП, то весной 1913 г. стала самостоятельной организацией и превратилась в «одну из наиболее солидных из сейчас существующих». В Мотовилихинскую организацию РСДРП входило более чем 200 рабочих. Существовала на заводе довольно сильная ликвидаторская группа. В ее руках находилось общество потребителей и правление профессионального союза².

Социал-демократическая организация в г. Перми восстановилась осенью 1912 г. Был создан социал-демократами общегородской руководящий партийный комитет, куда входили представители районных групп: а) городской, б) загородной, в) заимковой и г) железнодорожной. Членами ее был разработан проект Устава, была собрана партийная библиотека. Устав для г. Перми и Мотовилихи имел «реальное значение», а для других районов предлагался «как образец, желательная форма»³. Пермские большевики имели связи с большевистскими организациями и группами г. Кунгура, с заводами Лысьвенским, Чуровским и др.

Помимо Екатеринбургa, Мотовилихи, Перми довольно сплоченная большевистская организация существовала до войны на Миньярском заводе. Она была восстановлена еще в 1911 г. и входило в нее более 60 человек. Она была разделена на цеховые организации по 3 человека. Во главе организации стояла руководящая коллегия из 5 человек, которая пользовалась огромным авторитетом и влиянием. Ни один не только заводской, но и общественный вопрос не решался без ее участия. Миньярская организация приветствовала действия ЦК по созыву съезда и обещала «со своей стороны полное содействие»⁴. Это была крепкая большевистская организация. Война нанесла урон этой организации. Но она не остановила своей работы и продолжила ее вплоть до февральской революции⁵.

До войны на Чусовском заводе Пермской губернии существовала с.-д. организация большевистского направления численностью до 200 человек. Она имела денежные средства, часть которых отчисляла в кассу Пермской организации, свой гектограф, на котором был отпечатан Устав. Поддерживалась связь с редакцией журнала «Вопросы страхования», куда в частности обращались с запросом о том, чтобы рекомендовать на место секретаря больничной кассы «последовательного марксиста». В руководящий коллектив Чусовской организации входили рабочие А.И. Лаптев, Н. Никольский, П.Т. Тукмачев, В. Сивков⁶.

Социал-демократические организации в Уфе, Оренбурге, Челябинске объединяли и большевиков и меньшевиков. Последние в г. Уфе имели поддержку среди железнодорожников, а большевики опирались на поддержку рабочих промышленных предприятий города. Организацию возглавлял руководящий коллектив, в котором вначале преобладали большевики. Но член Государственной Думы меньшевик Хаустов «убедил наших, - писал М.К. Муранов, - произвести реорганизацию и избрать с обеих сторон поровну. Получилась каша»⁷. Реорганизация руководящего коллектива «на началах представительства от групп» привела к расколу. В группу большевиков во главе с Н.П. Брюхановым входили А.А. Юрьев, Д.А. Цюрупа, А.П. Кучкин, С.Ф.

¹ Исторический архив. 1957. № 1. - С.12-13.

² Там же. - С.14-15.

³ Там же.

⁴ Там же. - С.34-35.

⁵ ЦГАОО РБ, ф.1832, оп.3, д.202, л.1.

⁶ ГАРФ, ф. ДП,00, оп.244, д.5, ч.56, л.Б, л.2-6.

⁷ Исторический архив. 1957. № 1. - С.35.

Гарденин, М. Нестеров, К. Готовцева, С. Коротков и др.¹. Уфимские меньшевики в июле 1914 г. послали приветствие Международному социалистическому Бюро за его попытку объединить РСДРП².

Большевики в Уфе рассматривали вопрос об организации губернского руководящего центра. Миньярские большевики поддерживали эту инициативу уфимцев и собрание Миньярской организации РСДРП постановило: «Признавая создание областной организации неотложной задачей, организация просит уфимских товарищей устроить дело устройства организаций и созыва совещания»³. В Златоустовской и Челябинской Организациях РСДРП насчитывалось примерно по 60 человек рабочих⁴.

Небольшие социал-демократические группы существовали на Воткинском и Ижевском заводах Вяткой губернии. Ижевские и воткинские социал-демократы имели свои руководящие коллективы⁵. Социал-демократическая группа на Воткинском заводе возникла еще в 1912 г. Ее активными деятелями являлись рабочие А. Мокин, А.О. Истомина, В. Вахрушев, П. Чебуков и др. Группа имела свой актив⁶.

Таким образом, высокая оценка ЦК РСДРП положению партийных дел на Урале накануне войны подтверждается приведенными фактами. Состав Уральских организаций РСДРП был в основном рабочим. Численность этих организаций, в результате перенесенных репрессий, особенно после поражения революции 1905-1907 гг. значительно сократилась. Если в начале 1907 г. в социал-демократических организациях Урала было 11 тыс. человек, то накануне войны примерно 900 человек⁷.

Начавшаяся мировая империалистическая война нанесла серьезный удар по партийным организациям большевиков. Аресты и призывы в армию привели к разгрому и ослаблению многих комитетов. В.И. Ленин в сентябре 1914 г. писал: «Наша партия, Российская с.-д. рабочая партия, понесла уже и понесет еще громадные жертвы в связи с войной. Вся наша легальная рабочая печать уничтожена. Большинство союзов закрыты, множество товарищей арестовано и сослано»⁸.

Постепенно оправившись от репрессий, большевики восстанавливали и укрепляли свои организации. Деятельность по восстановлению местных социал-демократических организаций, в том числе и на Урале, в основном закончилась к лету 1915 г. К этому времени начали действовать социал-демократические организации Мотовилихи, Златоуста, Чусовского, Челябинска, Ижевска⁹. Большое революционизирующее влияние на местную партийную публику оказало прибытие в годы войны на уральские заводы квалифицированных рабочих из Петрограда, Москвы, Прибалтики и других промышленных центров. Среди них немало было представителей социалистических партий, в том числе большевиков и социалистов-революционеров, высланных на Урал за революционную деятельность. Они способствовали скорейшему восстановлению и укреплению местных организаций. Среди них немало было убежденных людей, прошедших суровую закалку подпольной работы в массах. Они несли с собой традиции, навыки и испытанные методы борьбы с самодержавием. В отличие от уральских рабочих приехавшие рабочие не были связаны с землей, что развязывало им руки в столкновениях с заводчиками.

¹ ЦГАОО РБ, ф.1832, оп.2, д.1, л.57; Там же, д.19, л.3.

² Там же, д.4, л.32.

³ ЦГАОО РБ, ф.1832, оп.2, д.4, л.29-30.

⁴ Очерки истории коммунистических организаций Урала. - Т.1 - С.190.

⁵ ГАКО, ф.714, оп.1, д.1492, л.24.

⁶ ГАКО, ф.714, оп.1, д.1410, л.5, 15; ЦДНИКО, ф.45, оп.1, д.39, л.458.

⁷ История Урала в период капитализма. М., 1990. - С.343, 351.

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т.26. - С.19.

⁹ История Урала в период капитализма. М., 1990. - С.363.

Быстро оправившись от репрессий, большевистская организация в г. Екатеринбурге превратилась в наиболее сильную и сплоченную на Урале. По данным охранки группа большевиков «играет в городе Екатеринбурге главную роль, и стремиться развить на Урале широкую и планомерную деятельность». Особенно сильны были позиции большевиков на Верх-Исетском заводе. В Екатеринбургскую организацию входили большевики И.М. Малышев и Л.И. Вайнер, которые были руководителями, А.Я. Фехтер, И.Ф. Агапов, Д.М. Болотов, С.В. Мрачковский, С.Ф. Баранов, О.Н. Мрачковская, Л.С. Сосновский и другие. К этой организации в годы войны присоединилась группа латышей: Озолин, Эгле, Дукач, Стендер, Зидер и другие. В мае-июле 1916 г. екатеринбургские большевики провели ряд собраний, на которых присутствовало до 35 человек. На собраниях обсуждались вопросы, «связанные с войной, а также: о взимании членских взносов, о необходимости строгой планомерной работы по созданию ячеек и необходимых связей, о погромах на почве дороговизны и образовании помощи для бежавших из ссылки»¹. Огромную роль в Екатеринбургской организации играл большевик Н.Н. Крестинский, высланный на Урал за свою революционную деятельность. Прикрываясь адвокатской практикой, он бывал в промышленных центрах Урала, где встречался с рабочими и помогал местным большевикам налаживать партийную работу².

Летом 1916 г. приехал в Екатеринбург, на Верх-Исетский завод студент Петроградского политехнического института, член Петроградского комитета РСДРП(б), агент Бюро ЦК Н.Г. Толмачев. Он способствовал объединению партийных групп, находящихся в Екатеринбурге, в единую городскую организацию и установление связей с ЦК. Екатеринбургская организация РСДРП(б) по существу была большевистским центром на Урале. Она имела связи с Невьянском, Пермью, Мотовилихой, Лысьвой, Нытвовой, Верхней Турой, Надеждинским, Кунгуром, Челябинском, Ижевском, Нижним Тагилом и др.³.

Особенностью было то, что членом Екатеринбургской организации РСДРП был социалист-революционер В.И. Дорофеев⁴. Этот факт может быть растолкован таким образом, что Дорофеев разочаровался в эсеровских идеях и потому перешел к большевикам. Но дело здесь, думается, в другом. Большевики и эсеры боролись против общего врага - царской монархии. Врага сильного и могущественного и победить его можно было только объединив свои усилия.

В ноябре 1916 г. в Екатеринбурге состоялось совещание членов РСДРП. Кроме членов Екатеринбургской организации на совещании присутствовали от Кунгура - Н.Н. Крестинский, от Верхней Туры - Зарин, от Ижевска - Г.М. Жданов, от Невьянска - Н.Е. Ляхин и др.⁵. На совещание для обсуждения были вынесены два основных вопроса: 1) Об отношении к войне; 2) Организационный. По первому вопросу была принята резолюция однородная с резолюциями, принятыми на конференциях в Циммервальде и Кинтале. По второму вопросу решили создать организацию, состоящую из заводских организаций на местах, объединенных под общим руководством в г. Екатеринбурге. Решено было также «стремиться к образованию общегубернской организации». На этом совещании был избран временный комитет, в состав которого вошел Малышев⁶. В январе 1917 г. Екатеринбургская городская организация РСДРП(б) насчитывала 50 человек⁷.

В Перми существовала в годы войны большевистская организация, об этом сообщал Н.И. Бухарин в письме Г.Е. Зиновьеву⁸. По воспоминаниям А.А. Калашникова, летом 1916 г. в Перми удалось

¹ ГАРФ, ф.ДП,00, оп.246, д.5, ч.56, л.Б, л.30об.

² Возвращенные имена. Кн.1. - М., 1989. - С.303.

³ Очерки истории коммунистических организаций Урала. - Т.1. - С.219.

⁴ ГАРФ, ф.ДП,00, оп.245, д.5, ч.56, л.Б, л.67-68, 119.

⁵ История Урала в период капитализма. - М., 1990, - С.365-366.

⁶ ГАРФ, ф.ДП,00, оп.246, д.5, ч.56, л.Б, л.43-44 об.

⁷ ГАРФ, ф.ДП,00, оп.247, д.5, ч.56, л.3.

⁸ РЦХИДНИ, ф.17, оп.1, д.1783, л.2 об.-3.

образовать городской комитет, который руководил большевиками-рабочими завода Лесснера и железнодорожными мастерскими. В организацию входило до 30 человек. В пермский городской комитет входили два железнодорожника М. Горшков и К. Пономарев, от завода Лесснера - И. Гараев и сам А.А. Калашников, от завода Каменских - А. Косвинцев. Под руководством комитета была проведена успешная забастовка в сентябре 1916 г. на заводе Лесснера. Комитет имел связь со всеми заводами в городе¹. На Лысьвенском заводе в годы войны фактически существовали три большевистские группы, которые организационно не были связаны друг с другом, но имели «единую партийную тактику по всем политическим вопросам». Одну группу возглавляли большевики Иванченко и Андронов, в другую входили Белоусов, Студитов-Парфенов, Савченко-Титов, В. Сухобрус, П. Баташев и др. Третья группа была в составе С.Новоселова, Даниленко-Борисова, Страутмана, Янсона-Яунзена и др. Организационно объединились эти группы только после Февральской революции². В 1915 г. в Ижевском казенном оружейном заводе, в связи с прибытием туда рабочих Путиловского завода и Обуховского, сложилась группа социал-демократов числом до 20 человек³. Руководителями этой группы являлись: 1) В.А. Дрокин, 2) Ф.Н. Зубков, 3) Е.М. Жданов, 4) Е.В. Варачева⁴. В 1916 г. организация большевиков на Ижевском заводе насчитывала уже около 50 человек рабочих, которые платили ежемесячные взносы. Члены этой организации группировались в местном Потребительском обществе⁵. В декабре 1916 г. на квартире рабочего Рогалева было совещание ядра Ижевской организации, на котором присутствовало 12 человек⁶. На этом совещании выступил большевик Е.М. Жданов. В своем выступлении он сообщал о том, что один из уполномоченных ездил в Екатеринбург на съезд. На съезд съехалось до 30 членов от РСДРП, посланных от завода Новотагильского, Пермского, Мотовилихинского, Златоустовского и др. Была принята резолюция, в которой говорилось о необходимости «уйти как можно больше в подполье». Делегатами съезда была поддержана резолюция циммервальдцев и было решено «возможно при помощи устной пропаганды агитировать против займа и вообще против войны»⁷. Среди ижевских социал-демократов не было единства. Е.В. Варачева стояла на позициях меньшевиков и стремилась сплотить вокруг себя своих сторонников. Другой руководитель, Лаптев (Председатель Ижевского Общества Потребителей), агитировал к объединению «на началах большевизма»⁸.

На Симском заводе действовала подпольная группа РСДРП, которая возникла еще до войны в период страховой компании. Она поддерживала связи с большевистской организацией на Миньярском заводе. Один из активных деятелей Симской организации, А.С. Чеверев, из рабочей молодежи организовывал любительский кружок, для чего снял в аренду частное помещение и начал превращать его в театр, который был затем закрыт полицией, потому что на репетициях обсуждались политические вопросы⁹. В Оренбургской губернии в 1915 г. подпольные группы РСДРП восстанавливаются в самом Оренбурге, Тирляне, Белорецке. Под руководством С.Дерябиной и Д.Колюшенко возродилась партийная организация в Челябинске. В Оренбурге и Челябинске и годы войны продолжали действовать объединенные с меньшевиками организации¹⁰. В 1915 г. В Оренбург приехал П.А. Кобозев, ставший во главе местных большевиков. Он в главных железнодорожных мастерских

¹ ЦДНИПО, ф.90, оп.2, д.5-К, л.6.

² Рычкова Г.П. Лысьва. 2-е изд. - Пермь, 1963. - С.114-118; Студитов-Парфенов. От стачек к Октябрю. - М., 1935. - С.36-37.

³ ЦДНИКО, ф.45, оп.1 д.98, л.12.

⁴ ЦДНИКО, ф.45, оп.1, д.39, л.45б; ГАКО, ф.714, оп.1, д.1689, л.9-9об. - 10.

⁵ ГАКО, ф.714, оп.1, д.1689, л.37.

⁶ ГАКО, ф.714, оп.1, д.1689, л.48-48об. - 49.

⁷ ГАРФ, ф.ДП,00, оп.246, д.5, ч.17, л.Б, л.1-2, 2об.,5.

⁸ ГАРФ, ф.ДП,00, оп.246, д.5, ч.17, л.Б, л.12.

⁹ ЦГАОО РБ, ф.1832, оп.3, д.87в, л.76, 77-77об; Там же, оп.2, д.4, л.31.

¹⁰ ЦДНИО, ф.6002, оп.1, д.18, л.40.

«начал строить организацию под разными видами: под видом квартальных старост, столовых»¹. Во главе оренбургских меньшевиков стоял Семенов-Булкин².

В Оренбурге, по воспоминаниям Ф. Могилы, кроме сплоченной организации РСДРП, которая группировалась в 1 Потребительском обществе, в 1916 г. сложилась группа социал-демократов на металло-заводе № 1 человек в 10³. Всего в городе, по воспоминаниям большевиков И.Д. Мартынова, А.И. Данилова, к Февральской революции большевиков было 50-60 человек, а вместе с другими социал-демократами около 100 человек⁴.

Уфимская организация РСДРП в годы войны также действовала на началах «содружества». Как и до войны, уфимские большевики работали вместе с меньшевиками. «Тогда был принят такого рода прием, - вспоминал Эльцин, - организуемся вместе, постепенно всех рабочих перетягиваем на свою сторону, и фактически мы заняли все командные высоты, касса наша, типография наша, организация явок наша и т.д.»⁵. Уфимские большевики считали, что с меньшевиками, которые пользовались авторитетом среди железнодорожных рабочих, необходимо действовать сообща. Один из руководителей уфимской организации РСДРП Н.П. Брюханов вспоминал, что идти на разрыв со «значительным числом рабочих, казалось несвоевременным»⁶. Активными деятелями Уфимской организации в годы войны были В.П. Арцыбушев, которого звали «уральский Маркс», Н.П. Брюханов, Л.Т. Тарасова, М. Нестеров, К. Готовцев и др.

Весной 1916 г. в Уфу из Казани приехали студенты Шнуровский, Олькенецкий, Рабинович. Приехавшие устраивали массовки, с целью произвести выборы от разных предприятий г. Уфы, железнодорожных мастерских, лесопильного завода, предприятий Шамова, Гутмана в городской руководящий коллектив и связаться с с.-д. организациями Перми, Оренбурга, Казани и Самары. На массовках читались «Манифест» интернациональной конференции в Циммервальде и воззвание⁷.

Накануне и в годы мировой войны большевики неоднократно обсуждали вопрос о необходимости устройства партийного съезда и вели работу на местах по созыву областных конференций и по созданию областных центров, которые бы координировали действия местных организаций и через которые осуществлялась бы связь с ЦК. Вопрос о созыве партийного съезда был решен на Краковском заседании ЦК РСДРП в апреле 1914 г. На этом совещании был разработан организационный план подготовки съезда. По этому плану при Русской коллегии ЦК создавалась организационная комиссия, а на местах с помощью доверенных лиц ЦК образовывались областные организационные комиссии, в том числе и на Урале. Их задачей была организация областных конференций, совещаний, сбор денежных средств в фонд съезда, установка норм выборов на съезд и другие задачи. На заседании были определены сроки созыва съезда - июль - август 1914 г.⁸. Роль общепартийного центра в России до своего ареста выполняли большевики - депутаты Государственной Думы. Затем эти функции перешли к Русскому бюро ЦК. В письме от 12(25) ноября 1915 г. А.Г. Шляпников сообщал В.И. Ленину и Г.Е. Зиновьеву в Заграничное Бюро ЦК об образовании в Петербурге «Группы содействия Бюро ЦК», которое состояло из 7 человек⁹. В Русское бюро ЦК накануне Февральской

¹ ЦДНИОО, ф.6002, оп.1, д.18, л.40; ЦДНИОО, ф.7924, оп.1, д.26, л.6-7, 7об.

² ЦДНИОО, ф.7924, оп.1, д.20а, л.5.

³ Пролетарская революция в Оренбурге. Вып.1. Оренбург, 1927. - С.2. ЦДНИОО, ф.7924, оп.1, д.26, л.4об.

⁴ ЦДНИОО, ф.6002, оп.1, д.220, л.29; ЦДНИОО, ф.7924, оп.1, д.145, л.5об.

⁵ ЦГАОО РБ, ф.1832, оп.3, д.128, л.8, 21; Там же, д.261, л.11-12.

⁶ ЦГАОО РБ, ф.1832, оп.3, д.128, л.25-26.

⁷ ЦГИА РБ, ф.187, оп.1, д.553, л.315; ЦГАОО РБ, ф.1832, оп.3, д.123, л.6-8.

⁸ КПСС в резолюциях... 9 изд. М., 1983. - Т.1, - С.454-457.

⁹ РЦХИДНИ, ф.2, оп.5, д.618, л.1.

революции входили А.Г. Шляпников, который был «лидером» и «ключевой фигурой», П.А. Залуцкий, В.М. Молотов¹.

Война на время прервала работу по созыву съезда. Но уже летом 1915 г. Петроградский комитет РСДРП отправил на Урал требование прислать своего представителя на «партийный съезд». Два представителя от Петроградской организации в июне и в июле 1915 г. посетили Пермь, Екатеринбург, Мотовилиху с целью «поставить на Урале работу и подготовить местных социал-демократов к партийному съезду»². Социал-демократы Перми и Екатеринбурга отрицательно отнеслись к идее съезда в данный момент. По их мнению, съезду «должны предшествовать областные и районные совещания для выяснения отношения местных с.-д. к войне, к политическому моменту и задачам социал-демократической работы...». Но все же, такое Уральское Совещание «было признано желательным» в Екатеринбурге, «на котором должны были быть приглашены хорошо известные с.-д. деятели г. Перми, Екатеринбурга, Оренбургской губернии и Уфимской губернии, и если возможно, то и Вятской губернии». Это совещание призвано было выносить «резюмированные, не обязательного характера, а скорее осведомительного, что при отсутствии местных организаций и выборного представительства не может быть и речи о директивах»³.

Совещание состоялось 23 сентября 1915 г. в Екатеринбурге. Участвовали представители Екатеринбурга, Перми, Челябинска. На нем стало известно, что в Уфимской губернии образовалась с.-д. организация, именуемая себя «Уральская группа социал-демократов». Было решено, что «до выяснения лиц этой группы и программы ее деятельности, созыв совещания или создание другой какой-либо объединяющей организации нужно считать недействительными»⁴. Совещание обсудило следующие вопросы: тактические задачи пролетариата в демократической революции, об отношении к IV Государственной Думе, о военно-промышленных комитетах, об отношении к войне и др.⁵.

Накануне совещания 23 сентября 1915 г. в Екатеринбурге состоялось собрание под руководством Н.Н. Крестинского, на котором присутствовали от Верх-Исетского завода, механической фабрики и ткацкой фабрики. В своем выступлении на этом совещании Крестинский говорил о том, что в г. Перми организуется Уральский социал-демократический комитет по распоряжению ЦК РСДРП, так как у пермских большевиков имеется достаточные для этого средства, каковых нет у Екатеринбургской группы⁶. Он также отметил наличие партийных связей с Петроградом, Москвой, Тулой, Пермью, Омском, Тюменью, Камышловым и Сибирью⁷.

Деятельность большевиков Урала по созыву областной конференции усилилась в начале 1917 г. Секретарь Верх-Исетской больницы кассы И.М. Малышев, сотрудник «Уральской жизни», литератор Л.С. Сосновский и С.Ф. Баранов стремились «освежить» связь с Уфой, Златоустом, Миньяром и другими заводами и городами Урала, с целью выработать порядок дня на совместной конференции и определить сроки созыва. Было решено созвать Уральскую областную конференцию в начале февраля. Была определена следующая повестка конференции: 1) О значении последних мирных предложений Германией; 2) О масштабе деятельности большевистских организаций; 3) Организационные и прочие вопросы⁸. В областной конференции должны были принять участие представители Уфы, Челябинска, Перми, Кунгура⁹. Попытка созвать областной съезд в Екатеринбурге в янва-

¹ Иоффе Т.З. Февральская революция. Крушение царизма. // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11. - С.54.

² ГАРФ, ф.ДП,00, оп.245, д.5, ч.56, л.Б, л.122.

³ ГАРФ, ф.ДП,00, оп.245, д.5, ч.56, л.Б, л.80-81: Там же, д.167, ч.56, л.5-5об.-6.

⁴ ГАРФ, ф.ДП,00, оп.246, д.5, ч.56, л.Б, л.46-об.

⁵ ЦДНИОО, ф.6002, оп.1, д.18, л.38; Социал-демократ. 1916. № 1. - С.79-82.

⁶ ГАРФ, ф.ДП,00, оп.245, д.5, ч.56, л.Б, л.67-68.

⁷ ЦДНИСО, ф.41, оп.2, д.287, л.196.

⁸ ГАРФ, ф.247, д.5, ч.56, л.4-6, 9об.

⁹ ГАРФ, ф.ДП,00, оп.247, д.5, ч.56, л.В, л.1.

ре 1917 г. не увенчалась успехом, так как были арестованы 15 января активные деятели большевистской организации: И.М. Малышев, С.Ф. Баранов, Е.И. Кочкин, А.К. Лепа и др.¹

Таким образом, исследованный материал позволяет сделать вывод о том, что большевики Урала, согласно установкам ЦК РСДРП, видели свою главную опору в нелегальных организациях, создаваемых на заводах и фабриках. Сильные большевистские организации накануне и в годы мировой войны действовали на Верх-Исетском заводе, на Мотовилихинском, Миньярском, Симском, Лысьвенском заводах. Большевистские группы имелись на Воткинском, Невьянском, Златоустовском заводах, в Кушве, Верхней Туре, Кыштыме, Нижнем Тагиле и др.² К началу 1917 г. на Урале действовало более 20 партийных организаций и групп, в которых насчитывалось примерно 500 членов РСДРП³.

Деятельность низовых партийных организаций РСДРП координировалась городскими комитетами, которые были образованы в таких крупных центрах как Екатеринбург, Пермь, Уфа, Оренбург. Роль областного центра на Урале фактически выполняла Екатеринбургская организация РСДРП(б), которая поддерживала партийные связи со многими другими организациями и группами. Она в 1916 г. установила связь с Русским бюро ЦК РСДРП(б) в Петрограде, и с этого момента деятельность заводских и городских комитетов на Урале осуществлялась под руководством большевистского центра, что несомненно сказалось на их политической и тактической ориентации. Русское бюро имело связи не только с Уралом, но и с многими другими большевистскими организациями, действующими в России, что позволило одному из руководителей бюро, А.Г. Шляпникову, в начале февраля 1917 г. подчеркнуть: «По сравнению с тем, как обстоят дела у других - у нас блестяще. Можно сказать, что Всероссийская организация есть только у нас»⁴.

Особенностью социал-демократических организаций на Урале было то, что на основе общей цели - подготовка политической армии для борьбы с самодержавием, в ряде городов, таких как Уфа, Оренбург, Челябинск, в основном на Южном Урале, большевики действовали совместно с меньшевиками. Но разногласия между ними оставались, и они выливались в острые дискуссии по программным и уставным вопросам, по проблемам войны и мира, отношению к легальным и нелегальным формам борьбы и др.

Денисламов Т.Г.

г. Уфа

РАЗВИТИЕ Г. БИРСКА В 1950-1980 ГГ.

В отечественной исторической науке уже давно определился интерес к истории городов. И хотя значение городоведческой проблематики имеет давнее признание, однако до сих пор многие аспекты истории городов, как России в целом, так и Республики Башкортостан в частности, остаются изученными явно недостаточно. Обращение к истории городов позволит глубже осмыслить проблемы современности.

В данном исследовании рассматривается социально-экономическое развитие г. Бирска 1950-1980 гг. Основой для раскрытия темы послужили документы, хранящиеся в Центральном историческом архиве Республики Башкортостан, в фондах Президиума Верховного Совета Башкирской

¹ ЦДНИСО, ф.41, оп.2, д.90, л.6.

² ЦДНИЧО, ф.596, оп.1, д.88, л.2-3; Там же, ф.620, оп.1, д.1, л.3.

³ История КПСС в 6 томах. Т.2. - М., 1967. - С.653.

⁴ Вопросы истории КПСС. 1965. № 9. - С.81; РЦХИДНИ, ф.17, оп.1, д.1927, л.1.

АССР, Бирского городского исполкома, а также Башкирского республиканского управления статистики.

По численности населения города Бирск относится к малым городам. Один из старейших городов Республики Башкортостан. Численность населения города на 1 января 1959 г. составляла 24837 человек¹. В 1967 г. численность граждан достигла 32000². К 1962 г. общая площадь городских земель составляло 6747 гектаров. К городу подведена была высоковольтная линия электропередач от сети «Башкирэнерго».

Торговлей в городе занималось Горторг Министерства торговли Башкирской АССР, ОРС треста БВНР, магазины Спорткультурторга, Книготорга, Аптекоуправления и ресторан «Бирск». Общий объем товарооборота составляло 10,5 млн. руб. в том числе 1450 тыс. руб. по общественному питанию³.

Бытовое обслуживание населения осуществляли \ комбинат бытового обслуживания, фабрика художественных изделий, промкомбинат. Комбинат бытового обслуживания занимался выполнением услуг по индивидуальному пошиву и ремонту одежды, обуви, трикотажа, металлоизделий. Кроме того в ведении Комбината находились все парикмахерские и фотомастерские. Фабрика художественных изделий обслуживала население по ремонту мебели, а промкомбинат ремонтом метало-посуды. Горкомхоз занимался управлением работой бань и прачечных. Общий объем услуг только по Комбинату бытового обслуживания составлял 440 тыс. руб.

В ведении коммунального хозяйства г. Бирска находилась гостиница на 102 места, бани с пропускной способностью 85 тыс. посещений в год, прачечная с пропускной способностью 57 тонн сухого белья в год. газовый участок с реализацией газа 135 тонн в год сжиженного газа бытового назначения.

Электросеть реализовывала электроэнергию 4,5 млн. кВт/ч в год.

Протяженность городского водопровода составляло 12 км. с общим объемом воды 350 куб. м. в сутки.

Жилой фонд г. Бирска характеризовался следующими данными: всего жилых домов 3974 в них жилой площади 127040 кв. м., ведомственной 305 с жилплощадью 30407 кв.м. и домов личной собственности 3445 с жилплощадью 73163 кв.м.

Город был полностью радиофицирован, работали две конторы связи: Управление связи Министерства связи РСФСР и контора связи Башнефти. Всего абонентов телефонной связи насчитывалось 880 точек, из них по райконторе 600 точек и по конторе Башнефти 280 точек⁴.

Рассмотрим социально-культурные и медицинские учреждения. Город располагал широкой сетью учреждений здравоохранения: горбольница, туберкулезный диспансер, кожно-венерический диспансер, родильный дом, дом ребенка, пять детских яслей. В системе работало 82 врача и 253 средних медработников. Общее количество коек в лечебных учреждениях составляло 480 единиц.

Город Бирск имел большое количество различных учебных заведений. Это Бирский педагогический институт на 1000 студентов. Средних учебных заведений было несколько: медицинское, фармацевтическое, кооперативное училища, автошкола. Всего обучалось в средних учебных заведениях 1200 студентов. В 14 общеобразовательных школах города получали знания 6418 детей. В городе функционировало 11 детских садов, рассчитанные на 983 места. Население Бирска обслуживали 8 клубов, 2 кинотеатра на 650 мест, 4 библиотеки.

Промышленность города была представлена 23 предприятиями. В том числе государственный трест «Башвостокнефтеразведка» со своими предприятиями: Куйтубинская контора бурения,

¹ ЦИА РБ. Ф. Р-472. Оп. 9. Д. 3560. Л. 4.

² ЦИА РБ. Ф. Р-472. Оп. 9. Д. 6837. Л. 8.

³ ЦИА РБ. Ф. 394. Оп. 14. Д. 487. Л. 7-18.

⁴ ЦИА РБ. Ф. 394. Оп. 14. Д. 487. Л. 7-18.

Бирская геолого-поисковая, строительно-монтажная, транспортные конторы занимались разведкой нефтяных и газовых месторождений с общим объемом работ 17 млн. руб. в год. Швейная фабрика Башсовнархоза специализировалась на производстве мужского белья с годовым объемом 340 тыс. руб. Овощесушильный завод производил крахмал, кондитерские изделия, муку, пиво на сумму 2 млн. руб. Работал хлебокомбинат. Фабрика художественных изделий Управления бытового обслуживания населения при Совете Министров Башкирской АССР являлась вторым предприятием в Союзе занимавшимся производством художественных изделий из дерева капо-корня на сумму 245 тыс. руб. Активно работали ликеро-водочный завод, мясокомбинат и др. предприятия. Строительством и выполнением капитального ремонта в городе занимались СУ-5, СУ-7 треста №21, строительно-монтажная контора треста «Башвостокнефтеразведка»¹.

Основной проблемой развития города в послевоенные годы, была острая нехватка жилья. Темпы жилищного строительства были крайне малы и не могли удовлетворить имеющихся потребностей. Средне фактическая норма имеющейся жилой площади на одного человека, в Бирске на тот момент составляла – 4,5 кв. м. Проблема усугублялась тем, что подавляющее большинство домов городского жилищного фонда были деревянными, они разрушались и становились непригодными для проживания. Слабые темпы строительства были обусловлены отсутствием мощной единой хорошо оснащенной строительной организации, которая могла бы обеспечить фронт работ постоянно растущего строительства. На тот момент в городе не было широко разветвленной канализационной сети и полноценного, обеспечивающего городские нужды водопровода, в силу чего строительство многоэтажных домов было затруднительным. Жилищно-коммунальное хозяйство не имело необходимого специализированного автохозяйства и дорожных механизмов, в силу чего ремонт жилого фонда и дорожно-мостовое строительство в городе велись крайне медленно. В 1963 г. юбилей города совпал и с таким важным событием, когда город стал городом республиканского подчинения².

К 1986 г. общая площадь городских земель в пределах городской черты составляла 3296 га. Город Бирск по объему производимой продукции среди городов республики в начале 1980 г. занимал 16 место, на его долю приходилось 0,4 процента общего объема промышленного производства³. Численность городского населения в 1987 г. составила 33100 человек⁴.

Таким образом, в указанный период в городе происходит поступательное социально-экономическое развитие. По своему социально-экономическому и культурно-просветительному значению, Бирск занимал особое лидирующее положение и благодаря этому стал одним из центров развития северной территории Башкирской АССР.

Зявгарова Г. Н.

Попкова Л. П.

Архивный отдел администрации г. Бирска

ИЗ ИСТОРИИ АРХИВНОГО ДЕЛА МР БИРСКИЙ РАЙОН РБ

Накопление Архивного фонда Республики Башкортостан началось в конце XIX - начале XX веков. Сбором, систематизацией и организацией хранения архивных документов в республике с конца XIX века занимались губернские и уездные учреждения, Оренбургская и Уфимская ученые ар-

¹ ЦИА РБ. Ф. 1109 Оп. 1. Д. 83 С. 3-5.

² Белоглазов В.С. Бирск: история и современность (история города с 1663 по 2009 год). - Бирск, 2009. - С. 72-75.

³ ЦИА РБ. Р-472. Оп. 11. Д. 2326. Л. 2.

⁴ ЦИА РБ. Ф. Р-1684. Оп. 2. Д. 252. Л. 92-93.

живные комиссии, музеи, Уфимское епархиальное управление, Оренбургское магометанское духовное собрание, губернское и уездные дворянские собрания и другие организации.

Специализированное учреждение по хранению и систематизации документов - Уфимский губернский архив образован 11 августа 1919 года как отделение Госархива РСФСР. Этот день принято считать датой начала формирования архивной службы Республики Башкортостан. Через год еще одно архивное учреждение создано в Стерлитамаке. Сведения о кантонном архиве Бирска отсутствуют.

В последующие годы архивное дело в республике продолжает развиваться. В 1925 году создаются архивы при кантонных исполкомах, в 1930-м - районные и городские государственные архивы. С 1922 года архивным делом в республике руководило Центральное архивное управление при Башкирском центральном исполнительном комитете. В последующие годы эти функции выполняли отделы и управления по делам архивов. С 1930 по 1961 годы архивы были в ведении НКВД.

Сведения об образовании архива Бирского района, первом работнике архива в отделе не сохранились. Одним из первых заведующих архивом районного исполнительного комитета был назначен Литвинов (инициалы отсутствуют). После его увольнения архивом заведовали Бритвина Лидия, Субботина (инициалы не указаны), инженер РИКа Частоступова (по совместительству), Дувакин, Бейман, Николаева Евгения Николаевна. С 1935 по 1945 годы архивариусы менялись ежегодно, а иногда и по несколько раз в год. В 1947 году райархивариусом принята Пухмарева Александра Ивановна, которая проработала до 1951 г. Затем на работу в архив принимались Бочкарева А.А., Гайнутдинова М.А., Арсланова Р.Ш., Киселева Л.А., Лыкосова Т.Н. 8 февраля 1960 года на должность заведующей райгосархивом переведена экономист райплана Угольников Александр Николаевич, которая проработала до 1973 года (до объединения архивов).

В 1963 году образован архив г.Бирска, его возглавила Никитина Тамара Федоровна, которая проработала здесь до 1980 года. В 1971 году в списке №1 состояло 25 учреждений и организаций. В штате состоял 1 работник, протяженность стеллажных полок - 24 м. На хранении в архиве находилось 1410 документов за 1922-1968 годы, загруженность - 70%. В 1972 году, после передачи в ЦГА 121 единицы хранения, в архиве на хранении осталось 1050 дел постоянного хранения и 257 дел по личному составу.

В 1973 году решением №7 от 30.03.1973 года «О создании единого городского государственного архива исполкома Бирского горсовета» городской и районный архив объединили. В результате протяженность стеллажных полок возросла до 62 м., загруженность - до 85%. За этот год на хранение принято 870 единиц, в ЦГА передано 75 дел. Штат архива увеличился до 2 человек - введена должность специалиста, которую заняла Угольникова А.Н. и проработала здесь до 1987 года. В 1974 году в списке источников комплектования состояло 67 организаций.

Первый архив располагался на ул. Коммунистической, в кирпичном помещении между зданием современной пожарной части и Управления образования. Помещение не отапливалось, стеллажи были деревянные. Самыми востребованными документами были справки о подтверждении стажа работы и начисления заработной платы преподавателей педучилища.

Затем архив г.Бирска располагался на ул.Интернациональной, д.25. Площадь архива составляла 27 кв.м., дела, переданные на хранение, занимали 2 стеллажа.

В 1978 году в архиве впервые установлена охранно-пожарная сигнализация.

С 10 апреля 1980 года по 22 сентября 2004 года заведующей архивным отделом работала Людмила Парфильевна Попкова. Количество фондов к этому времени возросло до 72, единиц хранения - до 7332 (с 1922 по 1975 г.). В 1982 году Госпожнадзор вынес заключение о несоответствии здания правилам противопожарного состояния и в 1983 году архив переехал в нынешнее здание по

ул.Мира, 137 А на 4 этаж, где занимал 2 помещения общей площадью 58 кв.м. Деревянные стеллажи полностью заменены на металлические.

Впервые в 1986 году в фондах архива появились фотодокументы, а в 1987 году принят один фонд личного происхождения. В этом же году архиву предоставлены новые помещения на 4 этаже: появился рабочий кабинет и 2 архивохранилища. Протяженность стеллажей достигла 240 м., приобретены термометр и психрометр. Общий объем дел в архиве достиг 9995.

С 1987 по 1993 год старшим инспектором горгосархива работала Шишкина Вера Васильевна.

В 1990 году Решением сессии Бирского городского Совета народных депутатов №1 от 16 марта 1990 года «Об образовании отделов и управлений исполнительного комитета и утверждение их руководителей» образуется архивный отдел исполкома Бирского городского Совета народных депутатов. На основании распоряжения главы администрации №54 от 10 апреля 1992 года создается архивный отдел администрации города Бирска.

В 1993 году Администрацией Бирского района принято постановление об образовании архивного отдела администрации Бирского района Республики Башкортостан который располагался по ул.Нелидова, д.4. С 1994 года- специалистом, с 1996 года по 1998 год- заведующей архивным отделом работала Сайфутдинова Светлана Рифовна. В декабре 1997 года специалистом отдела принята Саитова Танзиля Рафиковна.

В 1996 году архив городской администрации переведен на 2 этаж здания по ул. Мира, предоставлены новые помещения.

С объединением администрации города Бирска и администрации Бирского района, в соответствии с Указом Президента Республики Башкортостан УП №62 от 12 февраля 1998 года «Об образовании администрации г.Бирска и Бирского района» и решением Бирского городского Совета Республики Башкортостан №1 от 15 февраля 1998 года образуется архивный отдел администрации г.Бирска и Бирского района. К этому времени архив имел площадь 113 кв.м., 18200 единиц хранения. С объединением администраций в архиве введена штатная единица главного специалиста.

В соответствии с решением сессии Бирского городского Совета №32 от 19 февраля 2004 года архивный отдел администрации г.Бирска и Бирского района преобразуется в архивный отдел администрации Бирского района и г.Бирска.

В 2006 году в связи с реализацией Закона Республики Башкортостан «О местном самоуправлении в Республике Башкортостан» от 18 марта 2005 года №162-а архивный отдел администрации Бирского района и г.Бирска ликвидируется, создается архивный отдел администрации муниципального района Бирский район Республики Башкортостан.

Во исполнение Постановления Кабинета Министров Республики Башкортостан от 31 декабря 1999 года №410 распоряжением главы администрации №990 от 1 июля 1999 года утверждена «Программа развития архивного дела в г.Бирске и Бирском районе на 2000-2005 годы». В рамках реализации Программы большое внимание было уделено укреплению материально- технической базы архивного отдела, созданию оптимальных условий и режима хранения документов. Было выделено дополнительное помещение для архивохранилища, произведен косметический ремонт в архивохранилище и рабочем кабинете, приобретены металлические стеллажи, коробки, оргтехника- компьютер и ксерокс. В соответствии с требованиями в архивохранилищах установлена охранно- пожарная сигнализация, огнетушители. Для окон приобретены светонепроницаемые шторы. Температурно- влажностный режим хранения документов контролируется измерительными приборами- термометром и психрометром. Общий объем дел в 2005 году составил 23631 единицу. За период работы Программы закартонировано со 155 до 1850 дел. Количество исполненных запросов возросло более чем в 4 раза. С 2002 года началось формирование базы данных «Архивный фонд».

С 2004 по 2009 год отделом руководила Кагарманова Флюра Рифовна. В этот период количество дел, находящихся на хранении, возросло с 22133 до 36800 единиц, площадь хранилищ увеличилась с 148 до 260 кв.м.

За время реализации данной Программы развития архивного дела в г.Бирске и Бирском районе на 2006- 2010 годы» площадь архивохранилищ увеличилась до 246,7 кв.м., количество закартонированных дел- до 5250, фондов- до 139, единиц хранения- до 32500 дел.

В настоящее время архивный отдел работает над реализацией Долгосрочной муниципальной целевой программы «Развитие архивного дела в муниципальном районе Бирский район Республики Башкортостан на 2013-2018 годы».

На сегодняшний день установлена четвертая версия программного обеспечения «Архивный фонд». Увеличилось количество запросов от населения- в 2012 году их исполнено 3125. Источников комплектования архива- 56. Укреплена и материально- техническая база архивного отдела. Отдел подключен к сети Интернет, рабочие компьютеры объединены в локальную сеть. После проведения ремонта помещений появился читальный зал, для осуществления электронного документооборота с Управлением пенсионного фонда установлены программный комплекс VipNet и многофункциональное сканирующее и печатающее устройство. Протяженность металлических стеллажей доведена до 632 м., количество дел в архиве на 01.01.2013 г. составило 38955, из них закартонировано 11573 ед.хр. Площадь архивохранилищ составляет 246,7 кв.м. Архивный отдел оснащен современной охранно- пожарной сигнализацией. В архивном фонде содержится 17 фондов личного происхождения. Архивный отдел располагает коллекцией личных дел ветеранов Великой Отечественной войны, воинов- интернационалистов, коллекцией документов по истории города и района, коллекцией фотодокументов по истории Бирского района и г.Бирска

Архивным отделом ведется работа с ответственными за ведение архива организаций- источников комплектования: оказывается методическая и практическая помощь по ведению архивного дела, в формировании дел, составлении описей и подготовке их к передаче на хранение в архив. В результате методической работы и проводимых архивным отделом плановых проверок улучшилось состояние делопроизводства в ведомственных архивах: все организации имеют нормативно-методические документы (инструкции по делопроизводству, экспертные комиссии, ответственных за архив, утвержденные положения об архиве и экспертной комиссии).

Студенты исторического факультета Бирского филиала ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», НОУ СПО «Бирский кооперативный техникум» по специальности «Документационное обеспечение управления и архивоведение» приходят на экскурсию в архив и проходят практику по программе «Архивоведение».

В настоящее время стабильную работу архивного отдела муниципального района Бирский район Республики Башкортостан обеспечивают 3 сотрудника. Ведется работа по заполнению программного комплекса «Архивный фонд», работа над запросами граждан, выдача документов постоянного хранения во временное пользование, предоставление документов исследователям в читальный зал. Силами сотрудников архива, студентов проводится реставрация документов. Кроме того, продолжается прием документов ликвидированных организаций, личных фондов граждан, материалов по истории семей граждан, проведению праздников «Шежере байрамы», фото-, видео-, электронных документов для коллекций по истории муниципального района Бирский район Республики Башкортостан.

Р.Н. Масалимов
БФ БашГУ, г. Бирск

СОЮЗЫ МОЛОДЕЖИ ГОРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА В ГОДЫ КРИЗИСОВ И РЕВОЛЮЦИЙ

По данным первой советской переписи населения 1920 г., на Южном Урале (в административном отношении этот субрегион включал Башкирскую АССР («Малую Башкирию»), Уфимскую, Челябинскую, Оренбургскую губернии, а также Актюбинскую и Кустанайскую губернии, позже отошедшие к Казахской (Киргизской) АССР) проживало около 6 миллионов человек¹. Национальный состав был таков: русские составляли 50% всего населения Южного Урала, башкиры – почти 20%, казахи – 9,5%, украинцы – 7%, татары – 6,6%, мари – 1,5%, чувашаи – 1,4%, мордва – 1,3%, немцы – 0,9%, белорусы – 0,75%, удмурты – 0,4%, латыши – 0,2%, поляки – 0,2% и др.² На Южном Урале только 10,3% населения проживало в городах, 89,7% – в сельской местности³.

Юношество и молодежь составляли значительную часть населения субрегиона. Тысячи юношей и девушек в возрасте до 18 лет работали на заводах и в фабриках. Среди них сотни молодых рабочих татарской, чувашской, башкирской, марийской, удмуртской, казахской и др. национальностей.

Подавляющая часть нерусской молодежи была сосредоточена в сельской местности, что и определило социальный состав юношеского движения у коренных нерусских народов края – основную массу его составляла крестьянская молодежь. При сравнительно небольшом удельном весе рабочего юношества среди молодежи сосредоточивалось оно в больших и малых городах и заводских поселках региона (Оренбурге, Уфе, Белорецке, Бирске, Орске, Троицке, Челябинске, и т.д.). В городах была сосредоточена и весьма малочисленная, но самая активная часть крестьянской молодежи – учащиеся разных учебных заведений.

Зарождение и становление молодежного движения на Южном Урале происходили в условиях и на основе невиданного доселе подъема в культуре и просвещения в посткрепостнической, модернизирующейся России. Развитие капитализма дало резкий толчок росту и обновлению общественной мысли и культуры народов края, прежде всего смене идейно-нравственной парадигмы. Великие реформы 1860-х гг. в России привели к уничтожению особого униженного статуса «иностранцев». Отмена лашманской повинности и статуса государственных крестьян, кантонной системы, ликвидация особого статуса мусульманских городских общин обозначали переход нерусских народов в сферу действия общероссийского законодательства. Так, в Казани и Каргале (Оренбургская губерния) были ликвидированы татарские ратуши. Каргала (иначе Сеитовский посад) потеряла свою роль экономического центра. Со строительством железных дорог, соединяющих европейскую Россию с Сибирью и Средней Азией, Уфа и Оренбург превратились в самостоятельные центры, где к концу 1880-х гг. появились медресе полного цикла. Оренбург и Уфа превращаются в центры национальных элит и культуры, за ними тянутся малые города региона (Бирск, Орск, Троицк, Челябинск).

О месте города Оренбурга в начале XX в. местная пресса писала: «Кажется, приближается время, когда наш город можно будет поздравить с преобразованием его в культурный и торгово-промышленный центр не последней важности. Непрерывный рост товарообмена между нашими Средне-Азиатскими владениями и Европой год от года увеличивается, причем счастливое положение Оренбурга, – как промежуточного транзитного пункта между двумя частями света, – в ближай-

¹ Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 года // Труды ЦСУ. Том I. Вып. 3. – М., 1921. – С. 7-8.

² Подсчитано автором. – См.: Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918-1923. Труды ЦСУ. Том. XVIII. – М., 1924. – С. 30-34, 36.

³ Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 года. – С. 7-8. – Регион Урал, взятый в целом, имел городского населения 15%, сельского – 85%.

шем будущем обещается стать еще выгоднее, в смысле оживления культурной жизни нашего края»¹. Нельзя не привести и следующую оценку места соседней, Уфимской, губернии: «Уфа. Губернское земское собрание постановило выяснить роль Уфимской губернии в общерусском товарообмене с Германией и осветить недостатки существующего торгового договора с Германией с точки зрения местных интересов, а также выработать желательные изменения в новом торговом договоре.

Эти изменения должны быть произведены сообразно интересам местного сельского хозяйства и промышленности»².

Весьма примечательно свидетельство очевидца о жизни Бирска в конце XIX в.: «В конце XIX столетия в Бирске проживало около 10 тыс. человек, преимущественно русских.

Пристань. Закупка и сплав зерна, пушнины, леса. Промышленное производство ограничивалось размолотом зерна, распилкой леса, обработкой гречихи, изготовлением кирпича. В маленьком провинциальном городке – обилие магазинов. Можно было приобрести самые разнообразные товары высокого качества в неограниченном количестве и в любое время года. Наличие большого количества товаров порождало конкуренцию, которая сводилась к стремлению побеждать соперников удешевлением производимых и продаваемых товаров»³.

Абсолютное большинство нерусских народов Поволжья и Урала, особенно сельское население, находилось на территориях, где были введены земское и городское самоуправления. Это способствовало делу этнической консолидации и формированию идеологии политического национализма. Развитие промышленности предоставляло возможность для занятости на предприятиях, принадлежащих представителям любой национальности. Появление свободных профессий и государственных национальных школ способствовало формированию национальной интеллигенции. Право свободного перемещения и развитие международной финансовой системы создавали возможности для зарубежных поездок. Создание государственной системы образования и национальных учительских школ породило феномен светской интеллигенции, ещё не как элитной группы, но как общественных деятелей на местах.

Идейной основой организации молодого поколения, нравственного воспитания и просвещения молодёжи и юношества являлись идеи и практическая деятельность таких деятелей и просветителей, как И.Н. Ульянов, И.Я. Яковлев, Ш. Марджани, К. Насыри, М. Уметбаев, М. Акмулла, Р. Фахретдинов, П.П. Глезденёв, М. Байшев и др. Взглядам этих мыслителей были присущи прогрессизм, позитивизм, здравый смысл, осознание необходимости светского образования, свободного от религиозного фанатизма и начётничества. Это были предвестники общественного прогресса и радикальных перемен, более того, неизбежных социальных бурь.

Если у христианских народов края основными являлись светские учебные заведения, а не церковно-приходские, как это было до известных реформ 1860-х, то у татар и башкир сохранялась традиционная система конфессионального образования вплоть до полной победы большевиков и утверждения новой социальной системы в 1920-х гг. Просвещение мусульманских детей и молодёжи осуществлялось в виде религиозного обучения в мектебе и медресе. В результате реформ были отменены ограничения при поступлении в учебные заведения, однако мусульмане не могли получать государственные стипендии. Поэтому, за исключением немногочисленных земских стипендий, образование могли получать только дети состоятельных родителей. Мусульманская старометодная (кадимистская) система образования не имела ничего общего даже с начальным русским образова-

¹ Оренбургская жизнь. – 1913. – 10 декабря. – № 1. – С. 2.

² Оренбургская жизнь. – 1913. – 10 декабря. – № 1. – С. 3.

³ Бирск: Путеводитель по историческим и памятным местам. – Бирск, 2011. – С. 107.

нием. Сама привлекательность русского образования была ограничена малочисленностью мусульман на государственной службе и невозможностью преподавания в средней и высшей школе. Незначительные масштабы собственно татаро-башкирской фабричной промышленности не давали спроса на инженерно-технический персонал. Даже в начале XX в. преимущественным оставалось классическое образование для детей дворян, интеллигенции и части духовенства и коммерческое — для детей буржуазии. Немногочисленные мусульманские интеллигенты принадлежали, как правило, к двум профессиям — врача и юриста¹.

Появившиеся накануне и в годы первой революции в России политические партии повели активную борьбу за влияние на молодёжь. В целом расстановка в молодёжном движении определялись наличием трёх основных направлений в общественно-политической жизни империи: консервативного, или помещичье-монархического; либерально-демократического, или буржуазного; радикально-демократического, или революционного. Правда, на восточных окраинах России общественно-политическая жизнь была более монолитной, но и там наметилась кое-какая социально-классовая дифференциация. В отличие от европейской России, где социалистические идеи родились и распространились в условиях серьёзных социальных изменений в обществе под влиянием развития капитализма, в национальных районах первое знакомство с марксизмом состоялось в начале XX века лишь на интеллектуальном уровне, во время учёбы или работы в русских городах или в результате личных контактов с русскими и другими марксистами. Национальные политические партии на Востоке России были представлены буржуазно-консервативными группами татар (главная из них – мусульманская буржуазно-демократическая партия «Иттифак»), партия татарских эсеров в Уфе, социал-демократическими группами тех же татар и башкир в Оренбурге (Х. Ямашев и газета «Урал»), азербайджанцев, а также тогдашних «гастарбайтеров» России - турок и персов.

В авангарде молодёжного движения все же была учащаяся молодёжь. Первоначально, то есть в 1880-1890-е гг., молодёжное движение в стране представляло собой движение учащихся и студентов. Можно выделить три относительно самостоятельных направления: 1) академическое (1894-1904 гг.); 2) нелегальное (1905-1907 гг.); 3) подражательное (увлечение общим потоком освободительного движения и подражание взрослым партиям). Вслед за центром организации учащихся, стремившихся сплотиться в союзы, появились в Казани, Оренбурге, Самаре, Уфе, Троицке и других городах Урала (так называемые «кружки самообразования»). Появились первые кружки учащейся мусульманской молодёжи в Казани, Мензелинске, Оренбурге, Стерлитамаке, Троицке.

После поражения первой революции в 1905-1907 гг., в годы так называемой реакции (1907-1914 гг.), позиции монархическо-черносотенных партий в среде вузовской молодёжи значительно укрепились, повысилось их влияние на академическое студенческое движение. В марте 1912 г. в Петербурге был проведён Всероссийский академический съезд, в котором приняли участие представители 19 студенческих организаций, находящихся под влиянием монархистов. И всё же, несмотря на это, опрос, проведённый в 1910 г. среди студентов Петербурга и Москвы, показал, что 20-25% опрошенных симпатизировали кадетам и более 25% - социал-демократам².

Национальный состав студенческого движения не поддаётся точному определению из-за отсутствия данных, но в целом оно было почти однородным – великорусским (включая русифицированных представителей нацменьшинств). Представителей нерусских народов среди студентов было крайне мало. Другое дело – организации учащихся средних учебных заведений всех типов. Сту-

¹ Масалимов Р.Н. Культурно-просветительная работа союзов молодёжи в Поволжье и на Урале (конец XIX – первая четверть XX в.) // Бирская старина. – 2009. – № 2. – С. 97.

² Масалимов Р.Н. Национальные союзы молодёжи России (1917-1929 гг.). - Бирск, 1996. - С. 12.

денческий съезд ещё в 1893 г. отдельным пунктом своего постановления выделил работу среди гимназистов и учащихся других учебных заведений в целях создания кружков «саморазвития». Первые такие кружки в крупных городах России возникли уже к началу XX в. К тому времени уже в Польше, Финляндии, на Украине, в Среднем Поволжье появились национальные объединения и кружки учащейся и учащей молодёжи. Так в Польше появились «Освят», «Союз польской молодёжи», в Москве – «Еврейский товарищеский союз», в Казани – кружки учащихся-мусульман. В мусульманских регионах России – в Поволжье и на Урале, на Кавказе и в Средней Азии зарождается движение шакирдов и талибов (учащихся медресе и др. учебных заведений). Интересные наблюдения оставил в своих воспоминаниях Ахмет-Заки Валидов, прибывший в 1908 г. в Казань для учёбы. Он пишет, что в Казани существовала «молодёжная организация, стремящаяся провести преобразования в школах. ...Реформаторы выпускали газету под названием «Ислах». Я с ними встречался, но нашёл их деятельность бесплановой, самих их нерешительными, большинство идей беспочвенными»¹.

Попутно отметим, что история башкирского молодёжного движения изучена хуже, чем татарского, марийского, чувашского и др. С самого начала советской историографии молодёжного движения и ВЛКСМ в Башкирии сложилось стереотипное утверждение, исходящее от воспоминаний участников событий тех лет и первых комсомольцев, что до Октябрьской революции среди башкирской молодёжи не было какого-либо организованного движения². В принципе до Февральской революции нигде в России организованного движения молодёжи не было, для этого просто не было условий (взрослые партии и то создавались и действовали нелегально или полулегально). Тем не менее, как выше видно, различные квазисоюзы и разнообразные кружки молодёжи и юношества действовали на свой страх и риск. Примечательно, что 16-летний учащийся учительской семинарии Мирсаид Султангалиев организовал 1908 г. кружок татарской и башкирской молодёжи, а в 1912-1913 гг. возглавлял «Боевую татарскую организацию социалистов», куда входили татарские и башкирские учащиеся и молодые учителя. Как позже вспоминал М.Х. Султангалиев, он, З. Валиев, учитель-башкир Г. Кидрачёв и др. развернули активную работу среди мусульманской молодёжи и взрослых в уездах Уфимской губернии³.

Весной-летом 1917 г. появились первые настоящие союзы татарской, башкирской, марийской, чувашской молодёжи, самыми известными из которых были союз татарской молодёжи «Берек» («Единение») (Казань), «Общество мусульманской молодёжи» (Оренбург), «Союз учащихся-мусульман» в Уфе, Троицке и в ряде посёлков и селений, марийский «Союз учащихся» в Царёвококшайске и др.⁴ В Казани и Уфе появились центры, координирующие движение шакирдов и талибов – учащиеся мусульманских учебных заведений. Наиболее значительной организацией учащейся татарской молодёжи в Казани, пожалуй, и во всём волжском регионе был союз молодёжи «Берек» («Единение»), провозглашённый в начале марта 1917 г., окончательно оформленный как всетатарский союз молодёжи 17 (30) июня 1917 г. Другим весьма влиятельным союзом молодёжи в крае являлся союз башкирской молодёжи «Тулкын» («Волна»), созданный 18 (31) декабря 1917 г. в ходе работы III Всебашкирского (Учредительного) курултая в Оренбурге⁵. В 1917-1918 гг. работу среди

¹ Тоған В.З. Воспоминания: Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. – Кн. 1. - Уфа, 1994. - С. 77.

² XV лет ВЛКСМ: Сборник статей и воспоминаний о комсомоле Башкирии. - Уфа, 1933. - С. 77; Материалы к истории татарского комсомола. - Казань, 1927. - С. 70 (на татар. яз., арабская графика); и др.

³ Султангалиев М.Х. Статьи, выступления, документы. Казань, 1992. С. 404-411.

⁴ Материалы к истории татарского комсомола. - С. 6; Саяпов Т.Ш. Ленинский комсомол Башкирии. - Уфа, 1978. - С. 20-21; Очерки истории Марийской организации ВЛКСМ. - Йошкар-Ола, 1984. - С. 10.

⁵ Хайдаршина И.А. Союз башкирской молодежи «Тулкын» (1917-1919 гг.) // Проблемы отечественной и всеобщей истории. – Бирск, 2013. – С. 38.

марийской, мордовской, удмуртской и чувашской молодёжи вела межнациональная организация «Союз мелких народностей Поволжья», а также «Центральный союз Мари» («Марий Ушем»), «Чувашское национальное общество», «Общество Удмурт», созданные на соответствующих национальных съездах летом-осенью 1917 г.¹ К сожалению, историки не располагают документальными источниками о конкретной ситуации с первыми молодёжными объединениями этих национальностей. Имеются лишь косвенные свидетельства о собраниях и встречах молодёжи, о кружках культурно-просветительского характера. Конечно, имелись колоссальные объективные трудности на пути объединения юношества и молодёжи края в условиях радикальных изменений и начавшейся Гражданской войны. В литературе отмечалось, что, например, для марийской молодёжи жизненно необходим был единый центр руководства и координации. Ибо организационная деятельность осуществлялась из трёх отдалённых от мест центров – Вятки, Казани, Бирска, что затрудняло оперативное развёртывание идейно-политической и культурно-просветительской работы среди национальной молодёжи².

Можно привести другие примеры из многочисленных акций союзов молодежи, кружков учащихся в городах Южного Урала. Так, ученицы Бирской женской гимназии организовали помощь городской почте. «Дело в том, что по недостатку на почте рабочих рук образуются значительные залежи неразобранной и нерасосланной корреспонденции. Вот и гимназистки и предложили свою помощь», - сообщала местная газета³. Почтовая служба города была довольна почином молодых гражданок и их стремлением принести своим трудом пользу общему делу.

Хороший пример возобновления культурно-просветительской деятельности среди юношества. «9, 11 и 12 апреля в народной аудитории состоялись публичные чтения, первое на тему «Партии и свободы», второе – «Гражданские свободы» и третье - «Критика самодержавия». К сожалению, публики они привлекли немного, большинство учащейся молодёжи, которая к тому же больше передвигалась с места на место, чем слушала, и этим, конечно, очень мешала остальной публики»⁴. Интересно, на этой же странице (С. 3-4) перепечатана статья из газеты «Кама» под названием «Что такое свобода?». Как видим, новые власти в этот период достаточно активно пропагандировали среди молодёжи идеи свободы, специально оговаривая, чтобы неискушенная публика свободу не принял как вседозволенность.

23 апреля 1917 г. в Бирске организуется «отделение Уфимского общества распространения идей гражданственности среди мусульман». В члены комитета избрано 26 человек⁵.

Летом 1917 г. в г. Верхнеуральске Оренбургской губернии оформляется «Союз учащихся», состоявшего из учащихся реального училища и женской гимназии, которая осень начала вести активную культурно-просветительскую работу. Вот как описывает местная газета его деятельность. «Перед выборами в Учредительное Собрание в местную Земскую управу явились представители «многоумных» ленинцев и заявили, что при одном из начальных училищ есть склады оружия. Для проверки столь сенсационного заявления Управа предложила начальнику милиции произвести обыск. Во исполнение предписания Управы милиция отправилась к «очагу контрреволюции», окружила школу и нашла... 61 ружье; но эти ружья, по беспристрастном обследовании, оказались деревянными, предназначенными для «потешных» школьников»⁶.

¹ I общее Собрание представителей мелких народностей Поволжья (Съезд мелких народностей) // Съезды народа Мари. 1917-2004 гг. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 5-27.

² Очерки истории Марийской организации ВЛКСМ. - С. 16.

³ Бирская народная газета. 1917. - 14 апреля. - № 4. - С. 3.

⁴ Бирская народная газета. 1917. - 16 апреля. - № 6. - С. 3.

⁵ Бирская народная газета. 1917. - 31 мая. - № 40. - С. 3.

⁶ Верхнеуральский край. 1917. - 3 декабря. - № 5. - С. 4.

Таким образом, источники свидетельствуют, что молодежные союзы, объединения, кружки в городах Южного Урала активно действовали в условиях кризисов, революционных преобразований, начавшей Гражданской войны.

Р.Н. Масалимов
БФ БашГУ, г. Бирск

ИСТОРИЯ УТВЕРЖДЕНИЯ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ В БИРСКЕ

(По страницам «Бирской народной газеты», апрель-июнь 1917 г.)

После свержения самодержавия в России в феврале, в Бирске с 10 (23) апреля 1917 г. начала выходить «Бирская народная газета»¹. Это была первая общенародная общественно-политическая газета в истории нашего края, и на её страницах отразилась вся драматическая картина нашего города и уезда в период от Февраля к Октябрю.

Первый номер вышел в понедельник 10 апреля, когда благодатную бирскую землю начало греть яркое весеннее солнце, когда природа пробуждалась в унисон с бурлящим обществом. На первой странице редакторы (Н.И. Лобанов, Б.А. Соболевский, С.Я. Флоринский) поместили пространное обращение к народу. Впервые прозвучали страстные демократические призывы, совершенно незнакомые и непонятные для многих из провинциальной публики. «Старый порядок показал воочию, что монархический строй уже отжил, он непригоден для нашего отечества. Единственно, чего должен требовать от будущих избранников, это того, чтобы они стояли за народовластие, за демократическую республику», - говорилось в обращении. – «В тесной связи с вопросом государственного устройства стоит вопрос общественный. Нельзя вливать новое вино в старые мехи, нельзя перестраивать государство, не изменив коренным образом городское и земское положения, так как получится явная нелепость: величайшее дело будет поручено людям, свывшимся с прежними порядками, людям, чуждым духу молодой России». Авторы обращения не забыли и «вопрос земельный»: «Необходимо в корне изменить закон о праве пользования землёй, руководствуясь при этом только одним принципом: “Земля тому, кто её обрабатывает”». Примечательно следующее: Граждане, тёмные люди, сторонники старого строя, усиленно распространяют в народе слухи, что вере вашей грозит опасность. Не верьте им! Они лгут! На вашу веру никто не покушается! Никто не собирается закрывать церкви и мечети, и никогда этого не будет»².

Вторая страница газеты содержит материалы, посвященные строительству местного самоуправления, опыт которого для нас чрезвычайно актуален и полезен. Во-первых, опубликовано выступление главы Временного правительства князя Г.Е. Львова, посвящённое устройству местных комитетов. В частности, в нём говорится: «Жизнь создала уже зародыш местного управления, действующего и подготавливающего население к реформе. В этих комитетах я вижу фундамент, на котором должно создаться местное управление до создания новых органов.

Комиссары временного правительства, посылаемые на места, имеют своей задачей не становиться поверх создавшихся органов, а лишь служить посредствующим звеном между ними и центральной властью и облегчать процесс их организации и оформления. Последнее особенно необходимо там, где этих органов совсем не образовалось, или в них оказалась представленной лишь часть населения, или создано несколько конкурирующих комитетов»³.

¹ Победа. - 2012. - 12 января. - № 2. - С. 2.

² Бирская народная газета. - 1917. - 10 апреля. - № 1. - С. 1.

³ Там же. - С. 2.

Во-вторых, излагается весьма интересная история создания Бирского уездного народного комитета на основе уже существовавшего с первых недель победившей революции народного комитета города Бирска.

«Лишь только был низвергнут старый строй, лишь только пали узы векового гнёта и лишь только во главе великой родины нашей встало временное правительство, составившееся из членов Государственной Думы, как вся страна в сознательной своей части, все граждане новой, свободной России, восторженно приветствуя своё правительство, с неотразимой силой ощутили живейшую потребность в своём гражданском самоопределении; всех сознательных граждан объял неудержимый порыв принести свои силы на пользу дорогой родины в ответственный момент революции внутри страны и пред лицом грозного врага на боевом фронте», - говорится в информационном сообщении об организации Комитета.

Далее привожу фрагменты из информационного сообщения о выборах городского комитета:

«На двух предвыборных собраниях граждан 7-8 марта (напоминаю, даты в газете даются по старому. – **Р.М.**) было установлено, что существующие в г. Бирске организации далеко не охватывают интересов всего населения города, а потому и решено организовать комитет из 20 членов, путём закрытой баллотировки во всенародном собрании 8 марта, на котором и было подано 522 записки. По подсчёте избирательных голосов избранными оказались: Золотарёв С.И., Плотников Н.В., Кайбышев Ф.М., Лобанов Н.А., Зефилов Н.А., Трофимов В.И., Кощеев И.П., Калашников В.В., Новиков И.И., Исхаков Г.Ш., Лобов И.В., Калашникова Н.В., Флоринский С.Я., Саломасов В.С., Краснухин В.Н., Попов В.Л., Дрямин Н.В., Осипов В.К., Соболевский Б.А., Бутаков А.И.» (...)

«В первом заседании комитет 9 марта образовал президиум комитета в составе: председателя – Н.А. Зефилова, 2-х товарищей председателя – В.В. Калашникова и С.И. Золотарёва и 2-х секретарей – В.Л. Попова и Н.И. Лобанова. Вскоре же были избраны комиссары: при правительственном комиссаре – В.В. Калашников, при почте и телеграфе – А.П. Кощеев и его заместитель В.И. Трофимов, при крестьянских правительственных учреждениях - В.Л. Попов и Б.А. Соболевский, при городском продовольственном комитете – С.И. Золотарёв и И.И. Новиков. (...)

В первом же заседании комитета обсуждался вопрос об установлении связи с уездом. Комитет пришёл к убеждению, что необходимо организовать уезд и привлечь представителей уездного населения в качестве членов комитета. Постановлено было выработать наказ для организации волостных и селенных комитетов. Действительно, вскоре после рассылки наказа, с места стали поступать известия о том, что вышеуказанные комитеты организуются и посылают своих представителей в народный Комитет (...)

Затем возник вопрос о пополнении комитета представителями от общественных учреждений – городского и земского самоуправления и вполне жизненных организаций – союзов потребительских и кредитных кооперативов; вновь сорганизовавшиеся учительский союз и союз служащих в общественных учреждениях, союз чиновников, торгово-промышленный, почтово-телеграфный союзы, а равно волостные и сельские комитеты тоже потребовали своего представительства в уездном комитете...»¹. Как видим, в Бирске вовсю кипела новая жизнь.

Как бы подтверждая это, на четвёртой странице дана рубрика «Местная хроника». Так, сообщают, что 21 марта в с. Калегино, после панихиды по павшим борцам за свободу России и молебствия за мир, объявлено о создании волостного комитета. «Учащие, учащиеся и публика украшены красными бантами. Народу было очень много; погода чудная, настроение у всех приподнятое». Сообщают, что в дер. Байгузино 18 марта создан местный комитет. «Здесь всё прошло так же оживлённо по церемониалу, имевшему место в с. Бураево, то есть манифестация по улицам, с речами, пе-

¹ Там же.

нием новых песен и торжественным молебствием. В устройстве здесь праздника принимали участие лица, специально приехавшие из Бураева»¹.

В первые же месяцы новой власти к активной общественной жизни пробудились башкиры и мари. Башкиры, хотя в городе их было очень мало, в уезде составляли большинство населения (53%). В уезде компактно проживали мари, удмурты и татары. Последние в значительном количестве проживали и в городе. Поэтому на страницах общенародной газеты отразилась деятельность национальных организаций. Уже в третьем номере «Бирской народной газеты» (от 13 апреля) было опубликовано первое обращение «Марий Ушем» («Общество мари») к марийскому населению г. Бирска и уезда. В частности, в этом обращении говорилось: «Мы все горячо призываем записаться в члены общества, организовать наших братьев черемис и разъяснить им о значении совершившегося переворота, об отмене новым правительством национальных и вероисповедных ограничений и пр. Также общество будет стремиться к объединению всех черемисов Российского государства, займётся подготовкой к Учредительному собранию, избранием своего представителя в Учредительное собрание и организацией предвыборной агитации среди черемис...»². Как известно, уже в начале мая 1917 г. в Бирске состоялся губернский съезд марийских учителей и учительниц, 15-25 июля 1917 г. - Первый Всероссийский съезд марийского народа. 20-27 июля 1917 г. в Оренбурге состоялся Первый курултай (съезд) башкир, в котором участвовала весьма солидная делегация от башкир Бирского уезда. Как известно, в провозглашении территориальной автономии башкир 16 (29) ноября 1917 г., 95-летие которой отмечаем ныне в республике, значительную роль сыграли башкирские делегаты Бирского уезда.

Вообще-то впервые национальный вопрос в Бирске был поднят в процессе формирования уездного народного комитета. 14 апреля 1917 г. на заседании комитета рассматривалось заявление Бирского отделения «Марий ушем» «о допущении представителей его в народный комитет в качестве членов»³.

В развитие темы утверждения новой власти необходимо привести ещё один примечательный факт из истории Бирска, отражённый на странице «Бирской народной газеты». Это касается даты образования милиции в городе. Согласно сообщению газеты, это случилось 29 марта (11 апреля) 1917 г. «29 марта Бирской городской думой, совместно с народным комитетом, постановлено образовать отдельную от уездной – городскую милицию, которая должна состоять в ведении и распоряжении городского самоуправления, - сообщает уже в первом номере газета. – Начальник и классные чины милиции избираются городской думой совместно с Народным Комитетом, а рядовые милиционеры приглашаются начальником по соглашению с городской управой»⁴. Первым начальником городской милиции избран В.Ф. Охримовский.

Однако с начальником Бирской городской милиции возникла проблема. Уже в третьем номере газеты от 13 апреля в четверг появилось объявление:

«Приглашаются лица, желающие занять должность начальника городской милиции, заявить об этом Бирской городской управе с указанием своего возраста, степени образования, прежней службы или занятия, отношения к воинской повинности и адреса»⁵.

Весьма показательно, что в самом начале преобразований всё делалось демократично, обдуманно, путём обсуждений, всенародных и региональных. По крайней мере, факты свидетельствуют об этом и требуют от нас усвоения уроков прошлого.

¹ Там же. – С. 4.

² Бирская народная газета. – 1917. – 13 апреля. - № 3. – С. 3.

³ Бирская народная газета. – 1917. – 23 апреля. - № 11. – С. 2.

⁴ Бирская народная газета. – 1917. – 10 апреля. - № 1. – С. 4.

⁵ Бирская народная газета. – 1917. – 13 апреля. - № 3. – С. 1.

Назмутдинова О. Р.

БФ БашГУ, г. Бирск

ОТКУПА ДОХОДНЫХ СТАТЕЙ КАЗНЫ КАК ФОРМА НАКОПЛЕНИЯ КУПЕЧЕСКИХ КАПИТАЛОВ (по материалам Бирского уезда Оренбургской губернии)

Значительным источником накопления купеческих капиталов в первой половине XIX в. являлись откупа доходных статей казны. Откупные статьи включали в себя кабацкие, проезжие, лавочные пошлины, сборы с мельниц, бань, харчевен и т.п. Самым доходным и для государства, и для откупщика являлся, конечно, винный откуп. Функционирование этой системы в изучаемый период времени базировалось на нескольких основных законодательных актах – принятом в 1781 г. Уставе о вине, Уставе о питейном сборе 1817 г. и правилах производства торгов по откупам на очередное четырехлетие, издававшихся заблаговременно до наступления начальных сроков откупа. Обязанность снабжения Оренбургской губернии вином и контроля за продажей алкогольных напитков возлагалась на Казенную палату и её местные отделения. Закон определял категории производителей различных видов питей, правила заключения контрактов на поставку вина, правила продажи – суточный режим, места реализации, цены, крепость напитков и т.п. (Рис. 1)¹.

Откупные выплаты в казну за право продажи питей были значительными. Так, откупщики по г. Бугульме (верхотурский первой гильдии купец Бронников и мензелинский купец Вережников) купили это право на четырехлетие 1835-1839 гг. за 141600 руб., по Бирской округе (коллежский советник Галченков) – за 160 тыс. руб.². Размер сумм указывает на то, что в изучаемый период в винной откупной системе преобладал крупный капитал, раздробительный откуп не был для неё характерен, хотя правительство и пыталось законодательно оградить сферу винных откупов от монополизации. Рассматриваемая система в общих чертах функционировала следующим образом: в результате торгов право винного откупа получал тот, кто дал наивысшую цену за право продажи питей на определенной территории, откупная сумма выплачивалась в казну. Перед откупщиком стояла задача не только вернуть откупную сумму, но и получить прибыль. Государство в лице местного казначейства заключало контракты с производителями вина (дворянам разрешалось заниматься виноделием беспошлинно, а купцам, мещанам, крестьянам – они имели право производить только некоторые виды напитков – со взятием свидетельств), чтобы сделать запасы в казенные винные магазины; в контракте фиксировалась стоимость продукции, по которой казна закупала вино у производителя. Если откупщик пользовался казенным магазином в качестве источника получения продукции, то он сначала за определенное количество вина вносил плату в казну (отпускная цена также оговаривалась в контракте откупа), получал квитанцию об оплате и на основании этого документа пристав при магазине выдавал вино. Далее откупщик или его поверенный доставлял напитки по местам продажи и реализовывал их также по оговоренной в контракте цене. Провоз вина до места назначения производился по ярлыкам, выдаваемым в казначействе (без этого документа провозимое вино считалось контрабандой и в случае обнаружения конфисковывалось в казну, на нарушителя накладывался штраф). Если откупщик поставлял напитки в места продажи напрямую от производителя, то он делал закупки у винодела (также по установленной государством цене), перевозил напитки по ярлыкам сам или заключал

¹ Рисунок составлен по данным: ПСЗРИ. Собр. I. Т. XXI. № 15231. С. 261; Собр. II. Т. V. Ч. 2. № 3664. - С. 401-403, 411-420, 431-435.

² ЦИА РБ. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 655. Л. 505-514, 885.

контракт с посредником (или самим виноделом) на доставку готовой продукции до места реализации. В условиях отсутствия ценовой конкуренции среди поставщиков-производителей алкогольных напитков на свою продукцию, необходимости следовать различным ограничениям в реализации напитков, предварительной выплаты в казну откупной суммы повышались риски откупщика остаться в убытке при выполнении откупного контракта.

В отчетах Бирского уездного казначейства зафиксирована запись, что винные откупщики – действительный статский советник Григорий Струков и его брат Дмитрий Струков, заключавшие контракт на четырехлетие с 1815 г. по 1819 г., ещё в 1855 г. продолжали выплачивать недоимки «за недоставленное в срок вино», а в 1861 г. они же вносили недоимки в размере 1049 руб. «за невыбранное из казенных магазинов вино»¹. В 1836 г. общий размер недоимок по винному откупу до 1819 г. составлял 4704 руб., с 1835 г. – 58392 руб.² Откупная система в 1847 г. была преобразована в акцизно-откупное комиссионерство, когда откупщик «покупал» на торгах право собирать акциз с владельцев водочных заводов, держателей трактиров, ренсковых погребов, а также приобретал монополию на розничную и оптовую торговлю вином на «откупной территории». Кроме этого откупщику давался статус комиссионера казны, что предусматривало получение 10-20 % от стоимости выбираемого для реализации из казенных винных складов вина. Если до введения системы акцизно-откупного комиссионерства казна получала максимальные денежные выгоды от винной монополии за счет повышения суммы откупных платежей, то с 1847 г. увеличение госдоходов обеспечивалось ростом отпускных цен на выбираемое откупщиками вино и увеличением количества вина, обязательного для покупки в казенных магазинах³.

Доходность питейных продаж рассчитать достаточно сложно из-за обрывочности сведений. Однако в нашем распоряжении есть следующий факт: в 1837 г. в пользу г. Бирска был отчислен 1 % с прибыльной суммы питейного откупа - 141 руб. 25 к., следовательно, по официально поданным откупщиком данным, его чистая прибыль составила 14125 руб. Питейный откуп по Бирскому уезду содержал коллежский советник Галченков (откупная сумма - 160 тыс. руб.; за весь период откупа должен был заплатить в казну за вино из казенных магазинов 27120 руб., т.е. затраты составили минимум 187120 руб.)⁴. Располагая только этими данными, можно рассчитать (очень приблизительно) годовую прибыльность: ежегодные затраты = 187120 руб. / 4 года = 46780 руб. Прибыль = (14125 руб. * 100 %) / 46780 руб. ≈ 30,2 % на затраченный капитал. Даже с учетом дополнительных затрат (транспортировка, хранение вина, содержание питейных домов, которые (вполне возможно) можно было компенсировать применением «разных незаконных способов»⁵) доходность от винного откупа достаточно высока. В 1851 г., когда уже действовала акцизно-откупная система, с питейного дохода в пользу города было перечислено всего 40 руб. 36 коп., что почти в 3,5 раза меньше, чем в предыдущем примере⁶.

¹ ЦИА РБ. И-138. Оп. 1. Д. 736. Л. 1521, Д. 768. Л. 770 об.

² ЦИА РБ. И-138. Оп. 1. Д. 655. Л. 25.

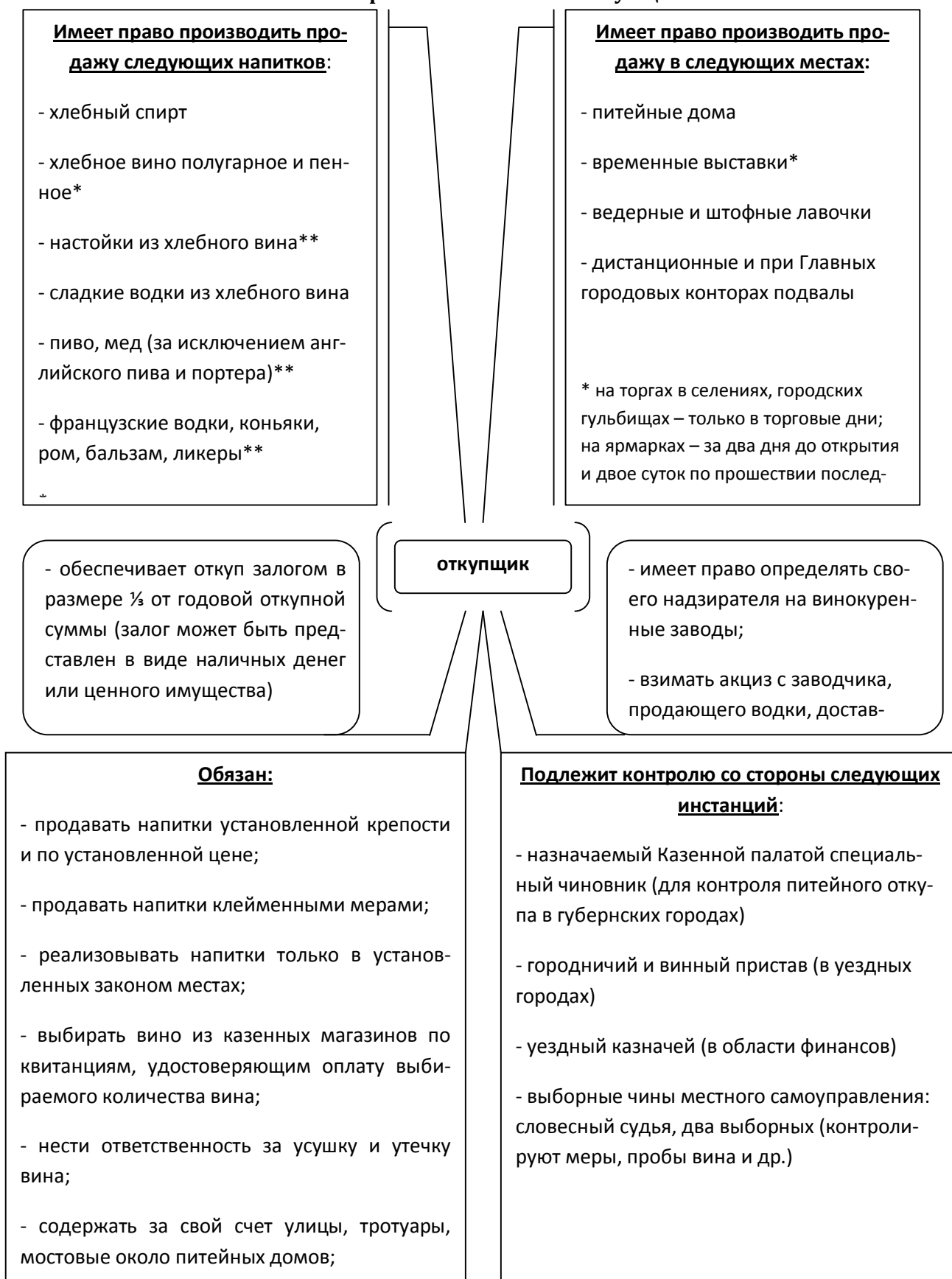
³ Разгон В. Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX вв.: Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999. – С. 490.

⁴ ЦИА РБ. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 655. Л. 885.

⁵ В качестве незаконных способов обогащения откупщики использовали продажу вина ниже установленной крепости и выше установленных цен, применяли обсчет, обмер // Разгон В.Н. Указ. соч. - С. 350.

⁶ ЦИА РБ. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 719. Л. 1038 об.

Основные права и обязанности откупщиков

Питейные сборы по Бирску с 1830 г. содержало семейство верхотурского купца Павла Александровича Бронникова. В этом же году в Бирск на постоянное жительство для непосредственного ведения дел перебрались его доверенные лица – брат Петр Бронников с семьей. Косвенным доказательством значительной доходности винных откупов является и тот факт, что потомство Петра (простого управляющего) уже через два десятилетия (в 1855 г.) перебрались в Москву: «Надежда Бронникова с семейством (4 человека) выбыла в Московское второй гильдии купечество, Пелагея Бронникова с семейством (два человека) выбыла из бирского второй гильдии купечества в первогильдейское купечество города...»¹ [неразборчиво].

Характерная в целом для периферийных областей страны тенденция вытеснения крупным купечеством из откупных операций чиновников-дворян видна и на примере Бирска: за 32 года (период с 1815 по 1847 гг.) питейный откуп находился в руках купцов в общей сложности 24 года².

Выше мы рассмотрели, пожалуй, самую монополизированную, сложную в функционировании и капиталоемкую сферу в системе откупов – винный откуп. В качестве ещё одного примера реализации на практике откупной системы возьмем менее масштабную, но не менее доходную откупную статью – постройку и содержание ярмарочных помещений. В условиях господства сезонной торговли, постоянного спроса на торговые места во время проведения ярмарок (особенно в крупных городах), относительной невысокой организационной капиталоемкости купцы получали достаточно высокую прибыль. Так, в 1840 г. купцы Стерлитамака просили отдать в содержание выстроенные в этом же году ярмарочные помещения. На торгах приняли участие мещанин Попов, брат купца 3-й гильдии Сухоруков и купец 3-й гильдии Владимирцов. Контракт получили Сухоруков с Поповым, дав 345 руб. сер., но на переторжке 2-й гильдии купец Невзров отбил право откупа, дав 450 руб. сер. и каменный дом в залог. Такой разброс сумм вызвал подозрения у администрации: не теряет ли городская казна значительные доход, отдавая содержание торговых мест в частные руки? Было решено в городах Оренбургской губернии, где проводились ярмарки, провести эксперимент: эксплуатацию ярмарочных помещений передать в руки местной администрации с целью выявления доходности подобного мероприятия. Согласно ведомости доходов города, от сдачи в наем ярмарочных помещений в 1841 г. Стерлитамак получил 3298 руб. 59 коп. асс.³ Итак, если принять во внимание приведенные данные, то можно подсчитать потенциальный доход Сухорукова и Попова, если бы они всё-таки получили содержание торговых мест на откуп – он составил бы 2091 руб. асс. (без учета затрат на постройку лавок), т.е. 173 % относительно откупной суммы (!)⁴. Мы не располагаем строительными сметами, однако можно взять за приблизительные цифры данные по г. Бирску за 1860 г.: на постройку ярмарочных помещений «о 24 лавках» было потрачено в общей сложности 977 руб. 63 коп. асс. Взяв эти приблизительные данные, получим, что даже потратив на постройку торговых помещений около 1000 руб. асс., и заплатив в казну 1207 руб. 50 коп. асс. откупной суммы, а всего 2207 руб. 50 коп. асс., откупщики получили бы 1091 руб., т.е. 49 % прибыли на затраченный капитал. В 1841 г. в

¹ ЦИА РБ. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 736. Л. 1523 об.

² Подсчитано по: ЦИА РБ. И-138. Оп. 1. Д. 655. Л. 885, Д. 658. Л. 681. Л. 848, Д. 736. Л. 1521; Ф. И-107. Оп. 1. Д. 159 Л. 39, 44.

³ Денисов И. В. О становлении ярмарочной торговли в Оренбургской губернии // Актуальные проблемы изучения и преподавания истории и культуры Башкортостана: Сб. материалов республ. науч.-практ. конф. 3 окт. 2001 г. / Под общ. ред. В.А. Иванова; Отв. ред. О.А. Курсеева. - Стерлитамак, 2001. - С. 95-96.

⁴ При расчетах использовался курс рубля 1:3,5.

Бирске в результате нововведений чистый доход города составил 6811 руб. 82 коп. асс., в то время как при отдаче содержания торговых мест в частные руки лишь 3408 руб. асс.¹

Итак, значительная доходность откупных сделок, несмотря на высокий уровень риска, привлекала купеческий капитал в сферу винного и торгового откупа, формируя тенденцию вытеснения крупным купечеством чиновников-дворян из данного вида предпринимательской деятельности. Значительная доходность операций, связанных с продажей вин и содержанием ярмарочных торговых помещений, вызвала стремление коронной администрации перетянуть её на себя путем введения акцизно-откупного комиссионерства и исключения «ярмарочного» откупа из системы частных откупов.

Самситдинов И.З.

УГАТУ, г. Уфа

ГОРОД БИРСК НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 гг.)

В настоящее время, в связи с укреплением местного самоуправления возрос интерес к истории населенных пунктов, ставших центрами муниципальных округов. В статье предпринята попытка рассмотреть историю города Бирска накануне и в годы Великой Отечественной войны.

Быстрое развитие хозяйства получил Бирск в годы предвоенных пятилеток. В 1930-х гг. здесь работали винный завод, мельницы, плодоовощной и лесопильный заводы. Винный завод имел мощность 295,186 декалитра, а мельница могла переработать в год 2988 т центнеров зерна². В неудовлетворительном состоянии находился Бирский плодоовощной завод. На протяжении нескольких лет в плодоярочном цехе не было произведено даже текущего ремонта, что привело к полному износу его основных фондов. Состояние корпуса требовало капитального ремонта, оборудование нуждалось в модернизации. Низкая механизация производства, состояние оборудования влияли на качество продукции. Большая часть яблочного теста-пюре являлась нестандартной и сбывалась по цене ниже себестоимости, что приводило к значительным убыткам³. Овощесушильный цех завода находился в тяжелом положении: оборудование в большинстве своем пришло в негодность. Корпуса цехов требовали немедленной реконструкции, все печи вышли из строя. В начале 1940 г. цех пополнился новым оборудованием. Была установлена протирочно-моечная машина для выработки крахмала, пущен сушильный аппарат для переработки картофеля. Для бесперебойного снабжения всего завода водой был смонтирован трубопровод, соединяющий его с рекой . Белой⁴.

В предвоенные годы в Бирске функционировали предприятия городского коммунального хозяйства. К ним относился кирпичный завод, производящий до 400 тыс. кирпичей в год. В 1930-х гг. завод достиг стопроцентной доброкачественности продукции. В городе было много предприятий кустарно-промысловых объединений, которые занимались выделкой кож, изготовлением обуви, сбруи, одежды, посуды, ремонтом машин и бытовых приборов⁵.

В целом же по состоянию на 1 января 1932 г. численность населения составляла 17 тыс. чел., превышая, таким образом, дореволюционный уровень на 5 тыс. чел., то есть почти на 42%. По национальному составу населения 84,86% составляли русские. По занятости же наблюдалась сле-

¹ Денисов И. В. Указ. соч. - С. 97.

² Бирск. Города нашей республики. Уфа, 1965. С. 30.

³ ЦГИА РБ. Ф. Р-804. Оп. 2. Д. 1471. Л. 24.

⁴ ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 20. Д. 457. Л. 15.

⁵ Бирск. Города нашей республики. Уфа, 1965. С. 30.

дующая картина: рабочих - 24%, служащих - 33%, кустарей - 11,9%, занятых сельским хозяйством - 1,6%, учащихся - 27%, нетрудового элемента - 2,5%¹.

Пуск мощных электростанций позволил улучшить снабжение населения городов и заводских поселков электроэнергией. К началу 1940 г. в Бирске электроосвещением было охвачено 63,8% обобществленной жилой площади².

На 1 января 1941 года в г. Бирске функционировало - 8 школ, а уровень грамотности населения городов Башкирии к началу Великой Отечественной войны оставался средним. Так, доля грамотных в возрасте 9 лет и старше в городе составляло - 89,5%³. На 1 января 1941 г. в г. Бирске функционировало - 1 больница, малярная станция и туберкулезный диспансер⁴.

Постановлением СНК РСФСР от 17 июня 1939 г. Бирское педагогическое училище было реорганизовано в учительский институт. На 1939/40 учебный год были утверждены штаты для Бирского учительского института. Они состояли из 19,5 штатных единиц профессорско-преподавательского состава и 9 штатных единиц учебно-вспомогательного состава (лаборанты). Фактически, в Бирском учительском институте, в 1939/40 учебном году работало 13 штатных преподавателей и 5 совместителей. В рамках учительского института были открыты три отделения: историческое, физико-математическое, языка и литературы. Срок обучения был определен в два года. Институт готовил учителей для 5-7 классов общеобразовательных школ⁵.

В годы Великой Отечественной войны, так же как и в годы Первой Мировой, г. Бирск являлся глубоко тыловым городом. Подобно сотне других городов и населенных пунктов нашей страны, он оказывал посильную помощь армии и фронту для победы над фашистской агрессией⁶.

Распоряжением Наркомпроса РСФСР от 27 сентября 1941 г. за № Н-300 «на базе Бирского Учительского института и Орловского педагогического института, эвакуированного в Бирск» был создан Бирский педагогический институт с сохранением при нем учительского института. Такой статус БирПИ носил до 1945 г., когда был вновь переоформлен в Бирский Учительский институт. Администрация нового учебного заведения была, в основном, сформирована из преподавателей Орловского пединститута. В приказе № 1 от 9 октября 1941 г. конкретизировалась структура БирПИ. «Структура Бирского Педагогического института сохраняется в полном составе курсов и факультетов, которые были в Орловском пединституте, то есть первые-четвертые курсы физико-математического факультета и факультета естественного знания, первые-третьи курсы географического факультета. Учительский институт, существующий при Орловском педагогическом институте, и Бирский Учительский институт функционируют при БирПИ в составе первого-второго курсов следующих факультетов: физико-математического, языка и литературы, исторического, естественно-географического. Таким образом, в составе БирПИ существовали два структурных подразделения: собственно педагогический институт с тремя факультетами и учительский институт с четырьмя отделениями. Студенты педагогического института обучались 4 года, студенты учительского института - 2 года⁷.

В конце августа 1941 г. в Бирск прибыло училище воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) Красной Армии из Ленинградского военного округа. С января 1943 г. срок обучения кур-

¹ Белоглазов В.С. Бирск: история и современность (история города с 1663 по 2009 год). Бирск, 2009. С. 59.

² Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР. Уфа, 1971. Ч. 1. С. 205; Башкирская АССР за 60 лет Советской власти: Стат. сб. Уфа, 1977. С. 40.

³ Население Башкортостана: XIX-XXI века. Стат. сб. Уфа, 2008. С. 118-120.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. Р-1109. Оп. 2. Д. 1. Л. 143 об.

⁵ Сергеев Ю.Н. Очерки предистории Бирской государственной социально-педагогической академии (1914-1952 гг.). Бирск, 2009. С. 50-53.

⁶ Белоглазов В.С. Указ. соч. С. 68.

⁷ Сергеев Ю.Н. Указ. соч. С. 56-57.

сантов был продлен до 10 месяцев, а с сентября того же года срок обучения был определен до 12 месяцев. Тогда же развернулась переподготовка политработников. Только за этот год состоялось пять выпусков, и было выпущено 213 офицеров взводов ВНОС и радиообнаружения, техников радио и телефонной связи. В этом же году училище проверялось комиссией Южно-Уральского военного округа. В акте проверке комиссии было отмечено: «Училище имеет достаточное количество помещений, удобных и вполне приспособленных как для размещения личного состава, так и для классов, имеет хорошую материально-техническую базу, что все вместе взятое вполне способствует нормальной работе»¹. После окончания войны оно было эвакуировано в город Пушкин Ленинградской области.

В 1942 г. из-за отсутствия помещения произошло слияние Бирской татарской начальной средней школы № 3 с начальной средней школой № 4².

Из-за плохой обеспеченности продуктами питания, городские Советы обязаны были изыскивать дополнительные ресурсы для снабжения населения. Для увеличения местных источников производства продовольственных и промышленных товаров и повышения доступности населению товаров широкого потребления, большое значение имело образование на предприятиях отделов рабочего снабжения (ОРСов). В их распоряжении были переданы магазины, столовые, сельскохозяйственные подсобные предприятия. Городские Советы отводили ОРСам земельные участки под посадки картофеля и других овощей, обеспечивали население продовольствием путем развития коллективного и индивидуального огородничества. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 г. «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих», они обязаны были выделять под огороды пустующие земельные участки в городах, свободные земли государственного фонда вокруг города Бирск. Для решения вопросов, связанных с развитием индивидуального огородничества и созданием подсобных хозяйств, при городских исполкомах были созданы земельные отделы³.

Продовольственное затруднение происходило главным образом из-за несвоевременной выдачи пайка. Так же жалобы были на формально-бюрократическое, порой бездумное отношение местных органов власти к нуждам и запросам эвакуированных, являющихся в большинстве своем семьями фронтовиков. В подтверждение приведем письмо эвакуированной в г. Бирск: «Мы буквально голодаем сейчас, получаем 125 гр. хлеба на троих, кроме этого я ничего не имею. Мы с Валеркой уже пухнем с голода. Аля кое-как держится в очаге. Не знаю, придется ли выбраться из этой проклятой Башкирии. Такой глубокий тыл и сидим без хлеба. Я не могу писать хладнокровно, дети ноют от голода»⁴.

В 1942 г. в Бирске увеличился контингент болеющих сыпным тифом и поэтому городскую баню во время эпидемической вспышки использовали как санитарно-пропускной пункт. При бане было установлено дежурство медицинского персонала. В том же году городской Совет отвел земельный участок в центре города для постройки 20-местной бани⁵.

22 января 1943 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих». С этого времени при городских исполкомах Башкирии были созданы отделы по государственному

¹ Бикмеев М.А. Указ. соч. С. 229.

² ЦГИА РБ. Ф. Р-1109. Оп. 2. Д. 14. Л. 77.

³ Шаяхметова И.З. Мероприятия городских советов Башкирской АССР по снабжению населения и торговле в предвоенные десятилетия и в годы Великой Отечественной войны // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа, 2009. С. 307.

⁴ Аюпов Р.С. Республика Башкортостан в годы Великой Отечественной войны (новые факты: их осмысление). Уфа, 1993. С. 39-40.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. Р-1109. Оп. 2. Д. 18. Л. 3 об., 4, 30 об.

обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. Дополнительно была введена должность заместителя председателя горисполкома, на которого были возложены обязанности начальника управления или заведующего отделом по государственному обеспечению. Организованные отделы провели большую работу по учету семей военнослужащих, выплате им пенсий, пособий и т.д.¹. Так, согласно этому постановлению, семьям военнослужащих, проживающим в г. Бирске было выделено - 6 тысяч рублей денег². На основе постановления СНК Башкирской АССР, вышедшего 16 апреля 1943 г., семьям военнослужащих дополнительно выдавалось единовременная помощь³. Семьи военнослужащих в военные годы не были оставлены вне поле зрения властей.

К концу 1944 г. наблюдается резкое сокращение численности эвакуированного населения в городах Башкирии. Так, по состоянию на 25 декабря 1944 г. в Бирске было зафиксировано - 548 человек⁴. Таким образом, с начала 1943 г. в Башкирской АССР происходит процесс постепенной реэвакуации населения.

Процесс реэвакуации, когда она приняла преимущественно самостоятельный характер после окончания Великой Отечественной войны, также повлияла на состав населения малых городов Башкирии. Так, по состоянию на 1 января 1946 г. в Бирске проживало - 21300 человек⁵.

Начиная с 1 января 1946 г. по 1 января 1947 г. во всех малых городах республики произошло увеличение населения. В городе уже в то время проживало 28400 человек⁶.

Анализ фактов убедительно показывает о том, что город Бирск сыграл большую роль в территориальной организации хозяйства и населения Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны. В свою очередь это повлияло на формирование территориальной социально-экономической системы Башкирии в будущем.

*Я.С. Свице
М.Ю. Ергин*

НАСЕЛЬНИЦЫ БИРСКОГО СВЯТО-ТРОИЦКОГО МОНАСТЫРЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ 1917 г.

Бирский Свято-Троицкий женский монастырь, основанный в 1878 году, уже в начале следующего века становится одним из крупнейших и почитаемых в народе монастырей не только Уфимской губернии, но и всего Уральского региона. До сего дня многие аспекты истории обители остаются мало изученными. Причиной этого является почти полное отсутствие источниковой базы: так как не сохранились ни монастырский архив, по всей видимости, уничтоженный после закрытия обители; ни архив Уфимской духовной консистории, уничтоженный в 1920-е годы. В связи с этим ценным источником по истории Бирского Свято-Троицкого монастыря является обнаруженный нами в Центральном историческом архиве РБ (ЦИА РБ) список насельниц обители составленный во время всероссийской переписи населения проводившейся весной-летом 1917 года. В ЦИА РБ сохранились подворные карточки переписи, в том числе и по городу Бирску. На Свято-Троицкий монастырь была заполнена одна карточка, в которую внесли имена и фамилии всех проживавших в нём в это время¹.

¹ Шаяхметова И.З. Указ. соч. С. 308.

² ЦГИА РБ. Ф. Р-1684. Оп. 1. Д. 2. Л. 58.

³ Там же. Л. 61.

⁴ Там же. Л. 36-36 об.

⁵ РГАЭ РФ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 629. Л. 7, 91.

⁶ Там же. Д. 687. Л. 8, 69.

В 1917 году в обители находилось 116 монахинь и 208 послушниц. Кроме того, при монастыре проживали: дети-беженцы, солдатские дети, ученицы монастырской школы, нахлебницы (всего 49 человек, в возрасте от 2 до 19 лет), две учительницы монастырской школы, и 10 работников-военнопленных. В карточке так же было указано, что в монастыре: комнат – 225, печей русских – 28, печей голландских – 110, плит и подтопок – 12. Ниже приведены данные переписи. На сегодняшний день это единственный полный список монахинь и послушниц монастыря за всю историю его существования, составленный в последний год мирной жизни обители. Далее последуют революция, гражданская война, официальное закрытие монастыря в 1919, недолгое существование в виде сельхозартели и окончательное в закрытие в 1924 году. Не смотря на это, монастырская община во главе с настоятельницей игуменьей Феофанией (Морозовой) не распалась. Инокнии, оставшиеся верными монашескому обету, приютившиеся в городе где кто мог, вошли в состав бирской Спасской староцерковнической общины, богослужения которой совершались в молитвенном доме. В 1930-х гг. многие из них были репрессированы, отсидели в лагерях по 8-10 лет. В 1945 г. власти дали разрешение на открытие бирского Михаило-Архангельского храма, самыми деятельными участниками его возрождения стали оставшиеся в городе монахини. Последние инокнии Бирского Свято-Троицкого монастыря жили в Бирске и работали при церкви до 1970- начала 80-х годов.

**Бирский Свято-Троицкий женский монастырь
данные переписи 1917 года**

№	Фамилия		Возраст	Грамот. или нет	
	<u>Монахини</u>				
1.	Игуменья Феофания ²	дев.	56	гр.	
2.	Казначья Аполлинария	дев.	54	гр.	
3.	Виринея Степанова	дев.	63	гр.	
4.	Маргарита Михайлова	дев.	89	гр.	
5.	Иеронима Тараканова	дев.	75	гр.	
6.	Виталия Князева	дев.	75	гр.	
7.	Таисия Малафеева	дев.	71	гр.	
8.	Капиталина Остальцева	дев.	72	гр.	
9.	Агния Елизарьева	дев.	68	гр.	
10.	Рафаила Чигвинцева	дев.	65	гр.	
11.	Илария Кузмина	дев.	65	гр.	
12.	Маргарита Михайлова	дев.	63	гр.	
13.	Ревека Самойлова	дев.	61	гр.	
14.	Дорофея Галанова	дев.	64	гр.	
15.	Евпраксия Кузнецова	дев.	61	гр.	
16.	Марионила Осинцева	дев.	63	гр.	
17.	Иоаникия Мухачева	дев.	63	гр.	
18.	Геронтия Дьяконова	дев.	66	гр.	
19.	Антонина Евфимовских	дев.	62	гр.	
20.	Валентина Конькова	дев.	65	гр.	
21.	Рахиль Клестерова	дев.	66	гр.	

22.	Манефа Старцева	дев.	61	гр.	
23.	Алевтина Сальникова	дев.	52	гр.	
24.	Лидия Соболева	дев.	67	гр.	
25.	Фаина Денисова	дев.	66	гр.	
26.	Аглаида Барабанова	дев.	67	гр.	
27.	Августа Ценева	дев.	65	гр.	
28.	Вирсавия Короткова	дев.	61	гр.	
29.	Филицита Шитова	дев.	61	гр.	
30.	Полексиния Пономарева	дев.	68	гр.	
31.	Дорофея Шумкова	дев.	59	не	
32.	Ангелина Рязанова	дев.	60	гр.	
33.	Серафима Воробьева	дев.	57	гр.	
34.	Фотина Гагина	дев.	63	гр.	
35.	Евсевия Гаврилова	дев.	64	гр.	
36.	Есфирь Климина	дев.	61	гр.	
37.	Августа Летягина	вдова	62	гр.	
38.	Ермиония Елизарева	вдова	76	гр.	
39.	Фамаида Зинова	дев.	52	гр.	
40.	Нонна Сюткина	дев.	65	гр.	
41.	Августа Мальцева	дев.	63	гр.	
42.	Анфия Шитова	дев.	53	гр.	
43.	Евфосиния Касанкина	вдова	67	гр.	
44.	Полексиния Конькова	дев.	61	гр.	
45.	Феофания Полозова	вдова	67	гр.	
46.	Магдалина Тимофеева	дев.	62	гр.	
47.	Магдалина Чунтонова	дев.	59	гр.	
48.	Серафима Чуклина	дев.	52	гр.	
49.	Любовь Степанова	дев.	48	гр.	
50.	Кетевань Мальцева	дев.	48	гр.	
51.	Мокрина Лощакова(?)	дев.	52	гр.	
52.	Иустина Коротаева	дев.	55	гр.	
53.	Олимпиада Буторина	дев.	55	гр.	
54.	Тамара Стерлядева	дев.	46	гр.	
55.	София Евфимовских	дев.	47	гр.	
56.	Калиста Александрова	дев.	44	гр.	
57.	Манефа Козлова	дев.	51	гр.	
58.	Параскева Чугева	дев.	60	гр.	
59.	Павла Чистякова	вдова	77	гр.	
60.	Варвара Белюгина	дев.	59	гр.	
61.	Ксения Дьяконова	дев.	63	гр.	
62.	Федосия Михеева ³	дев.	52	гр.	
63.	Евфалия Армянинова	дев.	54	не	
64.	Ангелина Арзамасцева	дев.	53	гр.	
65.	Еликонида Подлегалова	дев.	64	гр.	

66.	Евтропия Шушкова	дев.	59	гр.	
67.	Клавдия Конькова	дев.	55	не	
68.	Галина Банникова	дев.	63	гр.	
69.	Антонина Ломадурова	дев.	56	гр.	
70.	Евпраксия Плотникова	дев.	54	гр.	
71.	Евстолия Кукарева	дев.	51	гр.	
72.	Пиама Михеева	дев.	48	гр.	
73.	Рахиль Челядникова	вдова	54	гр.	
74.	Переида Гилёва	дев.	56	не	
75.	Фамаида Чупуринова	дев.	48	не	
76.	Фомара Денисова	дев.	46	гр.	
77.	Маргарита Мецержкова⁴	дев.	40	гр.	[зачеркнуто в подлиннике]
78.	Иоанна Конькова	дев.	42	гр.	
79.	Людмила Мецержкова⁵	дев.	37	гр.	[зачеркнуто в подлиннике]
80.	Анатолия Сорожкина	дев.	39	гр.	
81.	Мелетина Земенкова ⁶	дев.	49	гр.	
82.	Гликерия Белобородова	дев.	59	гр.	
83.	Пелагия Семенова	дев.	69	гр.	
84.	Пераскева Князева	дев.	57	гр.	
85.	Екатерина Кондакова	дев.	59	гр.	
86.	Матрона Малчанова	дев.	56	гр.	
87.	Иустина Токарева	дев.	53	гр.	
88.	Иулиания Панчихина	дев.	60	гр.	
89.	Харитина Бухарина	дев.	61	гр.	
90.	Наталья Гилёва	дев.	56	не	
91.	Татьяна Белюшина	дев.	56	гр.	
92.	Дария Шабарчина	дев.	48	гр.	
93.	Марфа Рубцова	дев.	48	не	
94.	Матрона Короткова	дев.	46	не	
95.	Анна Рябова	дев.	51	гр.	
96.	Акилина Осипова	вдова	63	гр.	
97.	Варвара Дьяконова	дев.	44	гр.	
98.	Евдокия Шитова	дев.	45	гр.	
99.	Наталья Косливцева	дев.	42	не	
100.	Клавдия Лощинина	дев.	46	гр.	
101.	Наталья Мизрина	дев.	47	гр.	
102.	Александра Безукладникова	дев.	47	не	
103.	Варвара Зонова ⁷	дев.	47	гр.	
104.	Наталья Меркушева	дев.	54	гр.	
105.	Татьяна Гагина	дев.	45	гр.	
106.	Евфросиния Рязанова	дев.	44	гр.	
107.	Афонасия Печерских	дев.	47	гр.	
108.	Наталья Феофанова ⁸	дев.	41	гр.	
109.	Марфа Седлова	дев.	44	гр.	

110.	Анна Кузмина ⁹	дев.	37	гр.	
111.	Анна Шитова	дев.	39	гр.	
112.	Марфа Рябова	дев.	44	гр.	
113.	Гликерия Александрова ¹⁰	дев.	38	гр.	
114.	Матрона Лукиянова	дев.	47	гр.	
115.	Феодосия Викторова	дев.	49	гр.	
116.	Параскева Буторина	дев.	47	не	

	Послушницы				
117.	Елена Горшкова	дев.	44	гр.	
118.	Анастасия Волкова	дев.	44	гр.	
119.	Васса Крылова	дев.	44	гр.	
120.	Надежда Малмыгина	дев.	45	гр.	
121.	Платонида Сорожкина ¹¹	дев.	37	гр.	
122.	Евдокия Тюнева	дев.	41	гр.	
123.	Мелания Дьяконова	дев.	40	гр.	
124.	Соломония Плотникова	дев.	39	гр.	
125.	Варвара Галкина	дев.	42	гр.	
126.	Феодора Карпачева ¹²	дев.	40	гр.	
127.	Мария Понамарева	дев.	44	гр.	
128.	Наталья Князева	дев.	45	гр.	
129.	Марфа Волкова	дев.	42	гр.	
130.	Елизавета Семенова	дев.	39	не	
131.	Анна Димитрева	дев.	44	гр.	
132.	Евдакия Супракова	дев.	43	гр.	
133.	Екатерина Репина ¹³	дев.	46	гр.	
134.	Матрона Усова	дев.	40	гр.	
135.	Анастасия Сулова	дев.	54	гр.	
136.	Дария Елизарева	дев.	69	не	
137.	Александра Волкова	вдов.	80	не	
138.	Агапия Пастухова	дев.	32	гр.	
139.	Иулиания Стерлядева	дев.	36	гр.	
140.	Наталья Якимова	вдов.	48	не	
141.	Зиновия Рябова	дев.	33	гр.	
142.	Татьяна Конарюкова	дев.	40	гр.	
143.	Васса Игнатова	дев.	41	гр.	
144.	Дария Сырвачева	дев.	42	гр.	
145.	Анна Попова	дев.	40	гр.	
146.	Иустина Десяткина ¹⁵	дев.	36	гр.	
147.	Стефанида Зыкина	дев.	45	не	
148.	Екатерина Шитова	дев.	34	гр.	
149.	Дария Сосолятина	дев.	36	не	
150.	Анна Стерлядева	дев.	47	гр.	
151.	Мария Мырина	дев.	38	гр.	

152.	Матрона Князева	вдов.	44	не	
153.	Ольга Еремеева	дев.	34	гр.	
154.	Марфа Климина	дев.	40	не	
155.	Агапия Шевкунова	дев.	39	не	
156.	Варвара Редникова	дев.	40	гр.	
157.	Феодосия Понамарева ¹⁶	дев.	37	гр.	
158.	Мария Черникова	дев.	43	гр.	
159.	Анастасия Анферова	дев.	44	не	
160.	Анастасия Кузнецова	дев.	38	гр.	
161.	Пелагия Позолотина	дев.	39	гр.	
162.	Екатерина Круглова	дев.	44	гр.	
163.	Татьяна Полюдова ¹⁷	дев.	38	гр.	
164.	Пелагия Шушкова	дев.	43	не	
165.	Васса Шабарчина	дев.	8(?)3	гр.	
166.	Матрона Чипурова	дев.	37	не	
167.	Елизавета Зыбина	дев.	38	не	
168.	Мелания Бычкова	дев.	38	гр.	
169.	Анна Куфтерина	дев.	41	гр.	
170.	Варвара Якина	дев.	42	гр.	
171.	Евгения Печерских	дев.	39	гр.	
172.	Татьяна Варзоносова	дев.	32	гр.	
173.	Евдокия Самойлова	дев.	71	не	
174.	Анастасия Агипидова	дев.	37	не	
175.	Евдокия Самойлова	дев.	30	гр.	
176.	Пелагия Фокина	дев.	41	гр.	
177.	Мария Ижболдина	дев.	32	гр.	
178.	Анисия Ермакова	дев.	37	гр.	
179.	Евдокия Бабина	дев.	37	гр.	
180.	Акилина Седлова	дев.	34	не	
181.	Иулиания Калачева	дев.	38	гр.	
182.	Наталия Пенкина	дев.	36	гр.	
183.	Агрипина Абрамова	дев.	40	гр.	
184.	Мария Токарева	дев.	35	гр.	
185.	Мария Гайтанова	дев.	36	гр.	
186.	Параскева Гилёва	дев.	36	не	
187.	Анна Говорухина	вдов.	40	не	
188.	Иустина Адамова	дев.	30	гр.	
189.	Наталия Стерлядева	дев.	33	гр.	
190.	Наталия Колотова	дев.	34	гр.	
191.	Клавдия Попова	дев.	34	гр.	
192.	Матрона Димитриева	дев.	37	гр.	
193.	Иулиания Чудинова ¹⁸	дев.	29	гр.	
194.	Дария Еременкина	дев.	33	гр.	
195.	Екатерина Земенкова	дев.	31	гр.	

196.	Иустина Кузнецова	дев.	40	гр.	
197.	Харитина Ярославлева	дев.	33	гр.	
198.	Параскева Скочкова	дев.	33	гр.	
199.	Елена Козлова	дев.	37	не	
200.	Пераскева Алферова	дев.	41	гр.	
201.	Стефанида Сальникова	дев.	38	гр.	
202.	Наталия Батурина	дев.	45	не	
203.	Мария Морозова	дев.	45	не	
204.	Елена Сальникова ¹⁹	дев.	52	гр.	
205.	Елена Аранцева	дев.	39	гр.	
206.	Агрипина Ломадурова	дев.	29	гр.	
207.	Марина Березина	дев.	30	гр.	
208.	Наталия Чигвинцева	дев.	37	гр.	
209.	Ольга Пономарева	дев.	37	гр.	
210.	Матрона Глушкова	дев.	39	не	
211.	Матрона Ермишина	дев.	38	не	
212.	Анна Гоголева	дев.	38	гр.	
213.	Евдокия Холкина	дев.	35	гр.	
214.	Ирина Никитина	дев.	28	гр.	
215.	Евдокия Шемаева	дев.	34	не	
216.	София Петунина	дев.	34	гр.	
217.	Фекла Короткова	дев.	30	гр.	
218.	Евгения Гриднева	дев.	52	гр.	
219.	Евфосиния Шестакова	дев.	36	гр.	
220.	Мария Шитова	дев.	22	гр.	
221.	Мария Корнева	дев.	31	гр.	
222.	Лидия Волкова	дев.	34	гр.	
223.	Елена Калегина	дев.	34	гр.	
224.	Евдокия Стерлядева	дев.	29	гр.	
225.	Мария Семенова	дев.	31	не	
226.	Васса Прохорова	дев.	34	гр.	
227.	Марфа Новокрещенова	дев.	31	гр.	
228.	Ирина Ковинова	дев.	31	не	
229.	Анастасия Елизарева	дев.	43	гр.	
230.	Пераскева Плетнева	вдов.	50	гр.	
231.	Пераскева Кавардакова ²⁰	дев.	27	гр.	
232.	Наталия Безымянткова	дев.	27	гр.	
233.	Мария Худякова ²¹	дев.	27	гр.	
234.	Надежда Голубева	дев.	65	гр.	
235.	Евдокия Сандалова	дев.	27	гр.	
236.	Анна Сальникова	дев.	34	не	
237.	Анастасия Генералова	дев.	32	гр.	
238.	Матрона Гайнцева	дев.	30	гр.	
239.	Варвара Попова	дев.	32	гр.	

240.	Агапия Шемаева	дев.	36	не	
241.	Матрона Иванова	вдов.	62	не	
242.	Анна Зинова	дев.	29	не	
243.	Анна Золотухина	дев.	29	не	
244.	Феодосия Багдерина	дев.	31	гр.	
245.	Наталья Некрасова	дев.	28	не	
246.	Анастасия Тяптина	дев.	34	гр.	
247.	Анна Кузнецова	дев.	24	гр.	
248.	Екатерина Дьяконова	дев.	27	гр.	
249.	Анна Семенова	дев.	27	не	
250.	Мария Глушкова	дев.	24	гр.	
251.	Анастасия Ощепкова	дев.	27	гр.	
252.	Агапия Савинова	дев.	24	гр.	
253.	Анисия Могильникова	дев.	33	не	
254.	Агриппина Сальникова	дев.	29	не	
255.	Евдокия Попкова	вдов.	47	не	
256.	Марфа Шестакова	вдов.	73	не	
257.	Елизавета Сидорова	дев.	70	гр.	
258.	Ирина Семенова	дев.		гр.	
259.	Наталья Мольгинова	дев.	20	гр.	
260.	Елена Пермякова	дев.	19	гр.	
261.	Мария Выдрина	дев.	29	гр.	
262.	Домна Васильева ²²	дев.	24	гр.	[зачеркнуто в подлиннике]
263.	Марфа Бекурина	дев.	24	гр.	
264.	София Десяткина	дев.	30	гр.	
265.	Ксения Токарева	дев.	31	не	
266.	Татьяна Прохорова	дев.	28	не	
267.	Феодора Торопова	дев.	30	гр.	
268.	Татьяна Евфимовских	дев.	18	гр.	
269.	Александра Жигулева	вдов.	36	не	
270.	Мария Кавардакова	дев.	19	гр.	
271.	Пераскева Трофимова ²³	дев.	26	гр.	
272.	Евдокия Сырыкина	дев.	29	не	
273.	Марина Бутюгова	дев.	25	гр.	
274.	Елизавета Чечушкова	дев.	23	гр.	
275.	Мария Денисова	дев.	28	гр.	
276.	Анастасия Конькова	дев.	23	гр.	
277.	Ольга Шушкова	дев.	26	гр.	
278.	Евдокия Никитина	дев.	17	гр.	
279.	Наталья Чернова	дев.	25	не	
280.	Фекла Дунаева	дев.	23	гр.	
281.	Мария Иванова	дев.	22	гр.	
282.	Анисия Кавардакова	дев.	23	гр.	
283.	Параскева Баталова	дев.	24	гр.	

284.	Пелагея Коротаева	дев.	20	гр.	
285.	Акилина Рябова	дев.	23	гр.	
286.	Евфосиния Казанцева	дев.	22	гр.	
287.	Варвара Кошкарева	дев.	19	гр.	
288.	Мария Волкова	дев.	25	не	
289.	Надежда Кондакова	дев.	23	не	
290.	Анна Банникова	дев.	22	гр.	
291.	Марина Полюдова	дев.	22	гр.	
292.	Евдокия Осотова	дев.	23	гр.	
293.	Васса Косихина	дев.	32	не	
294.	Евдокия Ершова	дев.	19	гр.	
295.	Параскева Кулагина	дев.	24	не	
296.	Наталья Михайлова	дев.	21	не	
297.	Екатерина Полюдова	дев.	17	гр.	
298.	Наталья Микрюкова	дев.	25	гр.	
299.	Мария Воликова	дев.	23	гр.	
300.	Евдокия Соколова	дев.	21	гр.	
301.	Анна Алферова	дев.	20	гр.	
302.	Ксения Коновалова	дев.	23	гр.	
303.	Анна Тихонова	дев.	20	не	
304.	Екатерина Кузнецова ²⁴	дев.	22	гр.	
305.	Ксения Шимаева	дев.	22	не	
306.	Татьяна Князева	дев.	26	гр.	
307.	Елена Привалова	дев.	20	гр.	
308.	Пелагия Привалова	дев.	18	гр.	
309.	Пераскева Софронова	дев.	16	гр.	
310.	Марина Бокова	дев.	22	гр.	
311.	София Будулина	дев.	24	гр.	
312.	Гликерия Слетушкина	вдов.	23	гр.	
313.	Марфа Позолотина	вдов.		гр.	
314.	Марфа Тютиня	дев.	20	гр.	
315.	Варвара Белобородова	вдов.		гр.	
316.	Мария Шалимова	дев.	25	гр.	
317.	Анна Тимофеева	дев.	18	гр.	
318.	Матрона Седлова	вдов.		гр.	
319.	Евгения Лукашевич	дев.		гр.	
320.	Варвара Иванова	дев.	18	гр.	
321.	Екатерина Рябова	дев.	14	гр.	
322.	Мария Малиновская	вдов.		гр.	
323.	Акилина Чунтонова	дев.	20	гр.	
324.	Ирина Колоколова	дев.	35	гр.	

	<u>В приюте беженцев</u>	Возраст	
1.	Фекла Карнелюк	14	

2.	Марфа Юхнович	15	
3.	Мария Юхнович	9	
4.	Феодор Герлемюк(?)	12	
5.	Сергей Чилов	7	
6.	Анна Чилова	2	
7.	Феликс Артемюк	8	
8.	Антон Артемюк	5	
9.	Иван Юхнович	10	
10.	Димитрий Омеляк	11	
	<u>приюте беженц.</u>		
1.	Левкович Надежда	11	
2.	Луц Варвара	15	
3.	Пинько Ефимия	13	
4.	Пинько Мария	12	
5.	Смаль Елена	11	
6.	Генец Анна	14	
7.	Кривицкая Степанида	11	
8.	Васильчук Е.		
9.	Никитюк Анна	13	
10.	Загер Мария	19	
11.	Алексюк Магдалина	17	

	<u>Солдатские дети</u>	Возраст	
1.	Клавдия Абрамова	11	
2.	Серафима Семенцева	3	
3.	Василий	4	
4.	Андрей	4	

	<u>Монастыр. ученицы</u>	Возраст	
1.	Учительница Екатерина Зефирова	19	
2.	Мария Зефирова	26	
3.	Нина Зефирова	8	
4.	Матрона Жигулева	13	
5.	Александра Сальникова	10	
6.	Анастасия Галкина	10	
7.	Татьяна Шевкова	8	
8.	Анна Мокроусова	10	
9.	Александра Попова	8	

	<u>Нахлебницы</u>		
1.	Мария Никитина	13	
2.	Валентина Мещерякова		[зачеркнуто в подлиннике]

3.	Антонина Мещерякова		[зачеркнуто в подлиннике]
4.	Мария Лощина	17	
5.	Мария Желнова	16	
6.	Феодора Армянинова	18	
7.	Агапия Зонова	16	
8.	Антонина Десяткина	12	
9.	Таисия Новокрещенова	17	
10.	Анна Пенкина	12	
11.	Елизавета Шуганова	16	
12.	Александра Турова	13	
13.	Лидия Шляева	16	
14.	Евстолия Козлова	12	
15.	Евгения Костенева	12	
16.	Александра Репина	14	
17.	Анастасия Игнатова	17	

	<u>Работники военнопленные</u>		
1.	Михаил Бренус	30	
2.	мадьяр Дерд	25	
3.	Серб Янош	28	
4.	Бендие Петр	30	
5.	Франк Еганч	25	
6.	Георгий грек	25	
7.	Феодор грек	28	
8.	Франц грек	30	
9.	Карл немец	27	
10.	Феодор Борсуков	30	

Примечания

1. ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 126.

2. **Игуменья Феофания** (Наталья Феофановна Морозова, 1861-1936). Родилась 12 августа 1861 г., в г. Бирске семье государственных крестьян, впоследствии бирских мещан, торговцев сапожным товаром. Окончила Бирскую гимназию, в 1893 г. была учительницей в монастырской школе, примерно в 1894 г. пострижена в рясофор под именем Викторины, примерно с 1904 г. манатейная монахиня Феофания, в 1914 г. была казначеей монастыря. После смерти игуменьи Сергии, 27 августа 1915 г. указом Святейшего Синода утверждена в должности настоятельницы. 3 октября 1915 г. епископом Андреем (Ухтомским) возведена в сан игуменьи. В июне 1917 г. Святейшим Синодом награждена наперсным крестом. С декабря 1931 г., в течение года, находилась под следствием, в связи с преклонными возрастом не арестовывалась. По данным архива Бирского ЗАГСа Морозова Феофания Феофановна – чернорабочая подённых работ, умерла 4 июня 1936 г., в возрасте 76 лет от заболевания сердца. Похоронена на старом городском кладбище¹.

¹ Свице Я.С., Сергеев Ю.Н. Бирский Свято-Троицкий женский монастырь: очерки истории (1857-1924). - Бирск: Бир ГСПА, 2008. - С. 80.

3. **Михеева Федосия Тихоновна**, 1863 г.р., место рождения Вятская обл., русская, б/п, неграмотная, монахиня, арестована 04.01.1932 г., сослана по ст. 58-10, 58-11 на 3 года, реабилитирована 18.07.1989 г. Арестована 14.11.1937 г., осуждена по ст. 58-10, 58-11 к лишению свободы на 8 лет, реабилитирована 17.05.1958 г.¹

4. **Мещерякова Маргарита Осиповна** 1877 г.р., уроженка г. Уфы, жительница г. Бирска, русская, дочь сидельца винной лавки, с 1886 г. и до 1924 г. монахиня Бирского женского монастыря, после - певчая хора «Тихоновской общины» староцерковников, 24 декабря 1931 г. была арестована в г. Бирске по обвинению в участии в контрреволюционной группировке и проведении антисоветской агитации и пропаганды по срыву колхозного строительства, 28 апреля 1932 г. Приговорена к высылке через в Сибирь сроком на три года, считая срок с 24.12.1931 г. Реабилитирована 29.05.1989 г.² По воспоминаниям З.И.Бородулиной (1910 г.р.) умерла в ссылке.

5. **Мещерякова Людмила Осиповна**, 1878 г.р., уроженка г. Уфы, жительница г. Бирска, русская, дочь приказчика винной лавки, до 1924 г. монахиня Бирского женского монастыря. В 1907 г. рясофорная монахиня [ЦГИА РБ. Ф. И-294. Оп. 6. Д. 36]. После 1924 г. была регентом хора тихоновской общины. 24 декабря 1931 г. арестована в г. Бирске. Приговорена к высылке в Сибирь сроком на три года, считая срок с 2.12.1931 г. Реабилитирована 29.05.1989 г.³

6. **Земенкова Милитина Васильевна** 1864 г.р., уроженка д. Мордвиновки Камышенского сельсовета Бирского р-на БАССР, жительница г. Бирска, в Бирском женском монастыре с 1894 г. по 1924 г. Упоминалась среди старших монахинь монастыря в 1924 г. во время изъятия домов, принадлежавших обители [ЦГИА РБ. Ф. Р-937. Оп. 1. Д. 64. Л. 393-394]. Арестована 24 декабря 1931 г. в г. Бирске. Заключение в Бирский ИТД по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. В ходе следствия вину отрицала, 15.12.1932 г. была освобождена, дело прекращено ввиду отсутствия доказательств вины. Повторно арестована 16.11.1937 г., осуждена 29.11.1937 г. к лишению свободы сроком на 8 лет. Реабилитирована 27.05.1958 г.⁴

7. **Зонова Варвара Дмитриевна** 1870 г.р., место рождения д. Чатово, Бирский р-н БАССР, русская, б/п, неграмотная, домохозяйка, арестована 16.11.1937 г., осуждена по ст. 58-10, 58-11 к лишению свободы на 8 лет, реабилитирована 27.05.1958 г.⁵

8. **Феофанова Наталья Харлампиевна** 1874 г. р., уроженка д. Самутино Бирского района БАССР, жительница г. Бирска, дочь кулака, монахиня. Арестована 23.12.1937 г., по обвинению в участии в контрреволюционной организации, проводившей среди населения клеветническую, антисоветскую агитацию, направленную против руководителей ВКП(б) и советского правительства. Осуждена к лишению свободы сроком на 6 лет с поражением в правах на 3 года. Семейное положение на момент ареста: «одинокая». Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев в кассационном порядке жалобу осужденных, 31.01.1938 г. приговор Верховного Суда БАССР отменила и дело вернула на доследование. 9.07.1939 г. дело по обвинению Феофановой Н.Х. и др. за отсутствием состава преступления постановила прекратить и обвиняемых из-под стражи освободить⁶.

¹ Книга памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан. Т. 3. - Уфа: Китап, 2001. - С. 538

² Ответ на запрос из архива УФСБ по РБ, письмо № 10/7 - 35381 от 31.07.2007 г. На основании дела. Д.В - 17738. Л. 63-66, 152— 158, 161, 182.

³ Ответ на запрос из архива УФСБ по РБ, письмо № 10/7 - 35381 от 31.07.2007 г. На основании дела. Д.В-17738. Л. 59 - 62, 152-158, 161, 184.

⁴ Ответ на запрос из архива УФСБ по РБ, письмо № 10/10 - 34186 от 14.11.2006 г. На основании дел: Д.В. 8023. ЛЛ. 1-95; В. - 4666. Т. 1. ЛЛ. 33-50; В-5194. ЛЛ. 1-50.

⁵ Книга памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан. Т. 2. - Уфа: Китап, 1999. - С. 416.

⁶ Ответ на запрос из архива УФСБ по РБ, письмо № 10/7 - 35381 от 31.07.2007 г. На основании архивного дела: Д.В. - 1414. Л. 59-66, 247 - 252, 310 - 317, 336 - 337, 374 - 376.

9. **Кузьмина Анна Евлампиевна** 1880 г. р., уроженка и жительница г. Бирска, русская, дочь торговца, мещанка, с 9 лет и до 1919 (1924) г. монахиня Бирского женского монастыря. 4 января 1932 г. арестована в г. Бирске. Семейный состав на момент ареста: «одинокая». Обвинялась в преступлении, предусмотренном ст. 58 п.п. 10 - 11 УК РСФСР. Ей инкриминировалось участие в старообрядческой общине андреевцев, занимавшейся антисоветской деятельностью, распространявшей провокационные слухи о советской власти. 28 апреля 1932 г. приговорена к высылке через ПП ОГПУ в Западную Сибирь сроком на три года. Реабилитирована 18.07.1989 г. Повторно арестована 22.12.1937 г., осуждена к лишению свободы сроком на 6 лет с поражением в правах на 5 лет. 9.07.1939 г. дело по обвинению Кузьминой А.Е. и др. за отсутствием состава преступления было прекращено и обвиняемых из-под стражи освободили¹.

10. **Александрова Гликерия Михайловна** 1879 г.р., уроженка д. Тартышево Дюртюлинского р-на БАССР, жительница г. Бирска. Грамотная, окончила дюртюлинскую начальную школу. В Бирском женском монастыре с 1881 г. до 1924 года состояла в хоре певчих в артели «Тихая Пристань». Арестована в г. Бирске 24 декабря 1931 г., заключена в Бирский ИТД по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. В ходе следствия вину отрицала. 15.12.1932 г. была освобождена, дело прекращено ввиду отсутствия доказательств вины². Повторно арестована 30.08.1936 г., осуждена по ст. 58-10 к лишению свободы на 3 г., реабилитирована 13.05.1993 г.³.

11. По данным адрес-календарей Уфимской губернии монахиня **Платонида Сорожкина**, в 1914–16 гг. заведовала фотографическим ателье при Бирском монастыре.

12. **Кропачёва Феодора Максимовна** 1874 г.р., уроженка Пермской губернии. Жительница г. Бирска. Малограмотная. В монастыре с 1895 г. Арестована в г. Бирске 24 декабря 1931 г., заключена в Бирский ИТД по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. В ходе следствия вину отрицала. 15.12.1932 г. была освобождена, дело прекращено ввиду отсутствия доказательств вины⁴.

13. **Волкова Марфа Архипьевна**, 1887 г.р., родом из Кунгура. Была известной в Бирске мастерицей по ткачеству и вышивке. В 1912 г. на ее имя из Санкт-Петербурга пришел альбом-учебник по ткачеству (находится в фондах Бирского краеведческого музея). В приданое бирским девушкам ткани, одеяла, постельное белье заказывали только в монастырской мастерской. Все изделия отличались красотой, добротностью и служили очень долго⁵.

14. **Репина Екатерина Егоровна**, 1869 г.р., место рождения: п. Богославский Бирский р-н БАССР, русская б/п, образование начальное, монахиня, арестована 15.12.37 г., осуждена по ст. 58-10 к лишению свободы на 5 лет, реабилитирована 16.10.92 г.⁶

15. **Десяткина Устинья Ивановна** 1876 г.р., уроженка и жительница г. Бирска, с 1917 г. (после смерти отца) и до 1923 г. в монастыре. Состояла в тихоновской общине. Арестована в г. Бирске 24 декабря 1931 г., заключена в Бирский ИТД по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. В ходе следствия вину отрицала. 15.12.1932 г. была освобождена, дело прекращено ввиду отсутствия доказательств вины⁷.

¹ Ответ на запрос из архива УФСБ по РБ, письмо № 10/7 - 35381 от 31.07.2007 г. На основании архивных дел: Д.В. - 1414. Л. 133 - 140, 247 - 252, 310 - 317, 336 - 337, 374, 376; Д.В. - 15151. Л. 42, 47, 48 - 51, 100 - 104

² Ответ на запрос из архива УФСБ по РБ, письмо № 10/10 - 34186 от 14.11.2006 г. На основании дел: Д.В. 8023. ЛЛ. 1-95; В. - 4666. Т. 1. ЛЛ. 33-50; В-5194. ЛЛ. 1-50.

³ Книга памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан. Т. 1. Уфа, Китап, 1997. С. 75.

⁴ Ответ на запрос из архива УФСБ по РБ, письмо № 10/10 - 34186 от 14.11.2006 г. На основании дел: Д.В. 8023. ЛЛ. 1-95; В. - 4666. Т. 1. ЛЛ. 33-50; В-5194. ЛЛ. 1-50.

⁵ Бирск: Путеводитель по историческим и памятным местам. - Бирск: БирГСПА, 2011. - С. 126.

⁶ Книга памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан. Т. 4. - Уфа, Китап, 2003. - С. 320.

⁷ Ответ на запрос из архива УФСБ по РБ, письмо № 10/10 - 34186 от 14.11.2006 г. На основании дел: Д.В. 8023. ЛЛ. 1-95; В. - 4666. Т. 1. ЛЛ. 33-50; В-5194. ЛЛ. 1-50.

16. **Пономарёва Феодосия Филипповна** 1879 г.р., уроженка д. Емашево Бирского р-на БАССР, жительница г. Бирска. В Бирском женском монастыре с 1899 по 1924 гг. В тихоновской общине с 1924 года. Арестована в г. Бирске 24 декабря 1931 г., заключена в Бирский ИТД по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. В ходе следствия вину отрицала. 15.12.1932 г. была освобождена, дело прекращено ввиду отсутствия доказательств вины¹.

17. **Полюдова Татьяна Александровна** 1881 г.р., уроженка д. Десяткино Суловского сельсовета Бирского р-на БАССР, жительница г. Бирска. Арестована в г. Бирске 24 декабря 1931 г., заключена в Бирский ИТД по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. В ходе следствия вину отрицала. 15.12.1932 г. была освобождена, дело прекращено ввиду отсутствия доказательств вины. Повторно арестована 14.11.1937 г., осуждена 29.11.1937 г. по ст. 58-10, 11 УК РСФСР к лишению свободы сроком на 8 лет. Реабилитирована Верховным Судом БАССР 27 мая 1958 года².

18. **Чудинова Ульяна Васильевна** 1886 г.р., уроженка д. Пономаревка Бирского р-на БАССР, жительница г. Бирска, монашка. Образование 2 класса приходской школы в Бирском женском монастыре. В монастыре с 1899 по 1924 гг., пела в хоре. Арестована в г. Бирске 24 декабря 1931 г., заключена в Бирский ИТД по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. В ходе следствия вину отрицала. 15.12.1932 г. была освобождена, дело прекращено ввиду отсутствия доказательств вины³.

19. **Сальникова Елена Андреевна** 1885 г.р., уроженка д. Бурново Бирского р-на БАССР, жительница г. Бирска. Монашка с 1900 г. Малограмотная. Арестована в г. Бирске 24 декабря 1931 г., заключена в Бирский ИТД по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. В ходе следствия вину отрицала. 15.12.1932 г. была освобождена, дело прекращено ввиду отсутствия доказательств вины⁴.

20. **Кавардакова Прасковья Демидовна** 1888 г.р., уроженка д. Шушпаловка Алматского района Биявашевского с/с Уральской области, жительница г. Бирска, до 1919 г. монахиня Бирского женского монастыря. Семейный состав на момент ареста: «девица, отец умер в 1910 году, мать — в 1930 году, брат, Тимофей Демидович, отступил с белыми в Сибирь, где живёт не знаю; брат Алексей жил в д. Шушпановка, осуждён за невыполнение посева на 2 г. заключения и 5 л. высылке из Уральской области, ныне в Свердловске». Арестована 24 декабря 1931 г. в г. Бирске по обвинению в участии в старообрядческой общине андреевцев, через посредство которой занималась антисоветской деятельностью: распространением клеветнических слухов по адресу советской власти. т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 п.п. 10 - 11 УК РСФСР. Решением Тройки ПП ОГПУ БАССР по внесудебному рассмотрению дел от 28 апреля 1932 г. приговорена к заключению в концлагерь сроком на три года. Реабилитирована 18.07.1989 г.⁵

21. **Худякова Мария Семёновна** 1892 г.р., уроженка с. Печенкино Бирского района БАССР, жительница г. Бирска, дочь крестьянина середняка, монахиня Бирского женского монастыря. С 1936 г. зубильщица подпилков бирской артели «Металлист». Арестована 22.12.1937 г., осуждена к лишению свободы сроком на 5 лет с поражением в правах на 3 года. Семейное положение на момент ареста:

¹ Ответ на запрос из архива УФСБ по РБ, письмо № 10/10 - 34186 от 14.11.2006 г. На основании дел: Д.В. 8023. ЛЛ. 1-95; В. - 4666. Т. 1. ЛЛ. 33-50; В-5194. ЛЛ. 1-50.

² Ответ на запрос из архива УФСБ по РБ, письмо № 10/10 - 34186 от 14.11.2006 г. На основании дел: Д.В. 8023. ЛЛ. 1-95; В. - 4666. Т. 1. ЛЛ. 33-50; В-5194. ЛЛ. 1-50.

³ Ответ на запрос из архива УФСБ по РБ, письмо № 10/10 - 34186 от 14.11.2006 г. На основании дел: Д.В. 8023. ЛЛ. 1-95; В. - 4666. Т. 1. ЛЛ. 33-50; В-5194. ЛЛ. 1-50.

⁴ Ответ на запрос из архива УФСБ по РБ, письмо № 10/10 - 34186 от 14.11.2006 г. На основании дел: Д.В. 8023. ЛЛ. 1-95; В. - 4666. Т. 1. ЛЛ. 33-50; В-5194. ЛЛ. 1-50

⁵ Ответ на запрос из архива УФСБ по РБ, письмо № 10/7 - 35381 от 31.07.2007 г. На основании дела Д.В - 15151. Л. 40- 43, 49, 100 - 104.

«одинокая». 9.07.1939 г. следственная дело во обвинению Худяковой М.С. и др. за отсутствием состава преступления постановила прекратить и обвиняемых из-под стражи освободить¹. После открытия бирской Михаило-Архангельской церкви в 1945 г. трудилась при ней, помогала священнику Гавриилу Желвицкому собирать деньги на восстановление храма [Воспоминания жительницы Бирска К.К. Дьяконовой, 1909 г.р.]

22. Васильева Домна Андреевна 1891 г.р., уроженка д. Ст. Петрово Бирского р-на БАССР, жительница г. Бирска. Грамотная. С 1902 г. в Бирском женском монастыре. Арестована в г. Бирске 24 декабря 1931 г., заключена в Бирский ИТД по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. В ходе следствия вину отрицала. 15.12.1932 г. была освобождена, дело прекращено ввиду отсутствия доказательств вины². Повторно арестована 20.08.1937 г. осуждена по ст. 58-6, 58-11 к лишению свободы на 10 лет, реабилитирована 07.02.1958 г.³

23. Трофимова Прасковья Елисеевна 1893 г.р., уроженка г. Белебея, бывшая монахиня. С 1906 г. - жительница г. Бирска, сирота. Арестована в г. Бирске 24 декабря 1931 г., заключена в Бирский ИТД по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. В ходе следствия вину отрицала. 15.12.1932 г. была освобождена, дело прекращено ввиду отсутствия доказательств вины⁴.

24. Кузнецова Екатерина Ивановна, родом из крестьянской семьи д. Елгашевой. По воспоминаниям племянницы, жительницы Бирска Варвары Владимировны Белобородовой (1907-2006): «В первые годы коней у них [в Троицком монастыре] мало было. Как подачу привезут девочку и дают лошадь. Вот так было. А потом, уж когда время шло, мамина сестра туда попала. Леля Катя [была крестной] ушла в монастырь, как дедушка сказал: «Три сына родятся – одного отдам в монахи, три дочери родятся – одну отдам в монахини». Сына было два, а дочери три, и отдал. Она в монастыре жила, монашкой не была, коров доила, работницей была. А летом они выезжали пахать, сеять, работали за Улеевой [деревней], там у них были сараи плетёные из прутков... После закрытия монастыря много монашек жило в Бирске на Больничной улице. Приезжала я к лёле после войны, я уже вдовой была, она на Камешнике жила... Когда выгнали их из монастыря, они все по берегу городскому, как норушки наделали глиняные землянки и жили. Жили Тоня, Нина, лёля Катя, Анюта. Лёле Кате, ей уж было 80 лет, она ещё работала, в заводе дежурила».

Сергеев Ю.Н.

БФ БашГУ, г. Бирск

НАСЕЛЬНИЦЫ БИРСКОГО СВЯТО-ТРОИЦКОГО МОНАСТЫРЯ ПО ДАННЫМ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ 1882-1915 гг.

Бирский Свято-Троицкий монастырь был основан в качестве женской общины в 1857 г. Как полноценный монастырь он стал функционировать с 1878 г.⁵ Указом Синода от 01.02 1878 г. Свято-Троицкая женская община была преобразована в общежительный монастырь, с настоятельницей в сане игуменьи, казначеей, 15 штатными монахинями и таким количеством послушниц, «какое оби-

¹ Ответ на запрос из архива УФСБ по РБ, письмо № 10/7 - 35381 от 31.07.2007 г. На основании архивного дела Д. В. – 1414. Л. 75 - 85, 247 - 252, 310 - 317, 336 - 337, 374 - 376.

² Ответ на запрос из архива УФСБ по РБ, письмо № 10/10 - 34186 от 14.11.2006 г. На основании дел: Д.В. 8023. ЛЛ. 1-95; В. – 4666. Т. 1. ЛЛ. 33-50; В-5194. ЛЛ. 1-50.

³ Книга памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан. Т. 1. Уфа, Китап, 1997. С. 404.

⁴ Ответ на запрос из архива УФСБ по РБ, письмо № 10/10 - 34186 от 14.11.2006 г. На основании дел: Д.В. 8023. ЛЛ. 1-95; В. – 4666. Т. 1. ЛЛ. 33-50; В-5194. ЛЛ. 1-50.

⁵ Свице Я.С., Сергеев Ю.Н. Бирский Свято-Троицкий женский монастырь; Очерки истории (1857-1924 гг.) - Бирск, 2008. – С. 10, 18.

тель может содержать при своих средствах, но с тем, чтобы монастырь этот ни о каких для сбора, ни о пособиях от казны, не просил»¹.

Число насельниц монастыря, с момента его функционирования в качестве общины постоянно росло. Если в 1857 г. в общине числилось 29 насельниц, то в 1882 г. в монастыре были: игуменья, казначья, 12 манатейных монахинь и 69 послушниц. В 1890 г. число монахинь возросло до 29, послушниц – до 162. К 1917 г. монастырь населяли уже 90 монахинь и 243 послушницы².

При официальном утверждении Бирской общины в 1864 г. устав ее строился по образцу устава Мензелинского Пророко-Ильинского женского монастыря³.

Так как архив монастыря не сохранился как единое целое, устав обители был утрачен. Не сохранились также и послужные списки монахинь и послушниц. Имена и некоторые отрывочные биографические сведения о насельницах обители уфимский краевед Свице Я.С. сумела извлечь и опубликовать из найденных ею метрических книг Бирского Свято-Троицкого монастыря⁴.

По данным Свице Я.С., «до 1882 г. записи о смерти и погребении насельниц монастыря велись в метрических книгах городского Свято-Троицкого собора, к которому была приписана женская община»⁵. После указа Синода от 23.02 1882 г. «О заведении во всех монастырях особых книг для записи умерших монашествующих лиц», подобные записи стали вестись в самом монастыре. В ЦГИА РБ сохранились метрические книги Бирского женского монастыря за 1882-1892, 1909-1915 гг. Кроме указанных лет, оформленных в отдельные дела, сохранились метрические книги за 1904-1908 гг., подшитые в метрическую книгу Бирского Троицкого собора за 1904 г. Метрические книги за 1893-1903 и за 1916-1924 гг. не обнаружены⁶.

Сохранившиеся метрические книги Бирского Свято-Троицкого монастыря являются летописью повседневной жизни обители. Они содержат самую разнообразную информацию о монастырских насельницах. Это и возраст, и причина смерти, иногда и социальное происхождение (у послушниц обители), и место погребения. Метрические книги позволяют уточнить факты биографии ряда насельниц, прежде всего игуменей и казначей, структуру монастырского некрополя.

Рассмотрим один из фактологических аспектов метрических книг монастыря – социальное происхождение его послушниц. За 1880-1915 гг. сохранились записи о смертях 34 послушниц. Подавляющее большинство из них (22 человека) были крестьянского происхождения. Возможно, что крестьянками были и оставшиеся 10 умерших послушниц, однако с 1904 г. метрические книги монастыря перестали указывать социальное происхождение умерших⁷. Рассмотрим географию происхождения умерших послушниц обители крестьянского сословия. Умершая в 1880 г. послушница Е.В. Белобородова была из деревни Каяновой. Умершая в 1882 г. от «чахотки» послушница Н.И. Осинцева родилась в деревне Базановой. Послушница Н.И. Сальникова, умершая «от чахотки в возрасте 30 лет» была родом из деревни Буруновой (Бурново?)⁸. Остальные послушницы крестьянского происхождения были родом из деревень Бирского уезда: из села Новотроицкого, деревни Базановой, деревни Костаревой, села Байки, деревни Куткиной, села Старо-Петрово, деревни Можаровой, дерев-

¹ Уфимские епархиальные ведомости (далее У.Е.В.) 1879. - № 2. - С. 47.

² Памятная книжка Уфимской губернии. 1873 г. Ч. II. - Уфа, 1873. - С.30; Справочная книжка Уфимской губернии. - Уфа, 1883. - С. 37; Любинецкий Н.А. Землевладение церковей и монастырей Российской империи. Ч. IV. - СПб, 1900. - С. 31; Сергеев Ю.Н. Забытые обители // Отечество. - 1996. - № 1.

³ Памятная книжка Уфимской губернии на 1873 г. Ч. II. - Уфа, 1873. - С. 30.

⁴ Свице Я.С. Метрические книги Бирского Троицкого женского монастыря // Бирская старина: Альманах 2008 г. - Бирск, 2008. - С. 57-80.

⁵ Там же. - С. 57.

⁶ Там же. - С. 57.

⁷ Там же. - С. 63.

⁸ Там же. - С. 60-61.

ни Кусекеевой, села Накарякова, деревни Ляпустиной. Изредка встречались послушницы из деревень Уфимского уезда (деревни Голумилино (Глумилино?), Медведево)¹.

Помимо крестьянок, в составе послушниц Бирского монастыря упоминаются «мещанские девицы» из Бирска. Это Е.А. Надеждина, умершая в 1887 г. в возрасте 28 лет и Е.К. Громова, умершая в 1892 г. в возрасте 29 лет².

Метрические книги Свято-Троицкого монастыря фиксируют смерти и высшего слоя насельниц – так называемых «манатейных» монахинь. Благодаря этому виду источников удалось сохранить некоторые данные о штатных обитательницах монастыря. В книгах упомянуты следующие манатейные монахини: В. Борисова (умершая в 1877 г.), С.Ф. Чистякова (умершая в 1882 г.), Д.В. Барабанова (умершая в 1890 г.), А. Ершова (умершая в 1890 г.), М. Ульянова (умершая в 1892 г.), О. Мымрина (умершая в 1905 г.), К. Васильева (умершая в 1890 г.), Е. Мартынова (умершая в 1905 г.), Г. Гаинцева и А. Самойлова (умершие в 1905 г.), М. Трофимова, А. Мымрина, М. Уткина, Ф. Игнатова (все умерли в 1906 г.); Р. Денисова, П. Емельянова, Т. Белобородова (умерли в 1907 г.), М. Рябова, З. Фофанова (умерли в 1909 г.), Ф. Пономарева, А. Князева, А. Чеглинцева (умерли в 1910 г.); А. Десяткина (умерла в 1913 г.), Д. Вяткина, Е. Судовикова, Р. Старцева, Ф. Десяткина (умерли в 1915 г.). Средний возраст умерших манатейных монахинь составлял 68-70 лет. Границы возрастных смертей колебались достаточно заметно: от 42 до 83 лет. В спектре болезней, явившихся причинами кончины монахинь значатся: «чахотка (туберкулез), паротит, водянка, удар мозга (инсульт), паралич сердца (инфаркт), рак желудка, болезнь почек»³.

Средний возраст послушниц составлял 38-40 лет. Колебания возрастной границы были еще более значительными: от 22 лет до 75 лет. Структура болезней также заметно отличается от соответствующей структуры манатейных монахинь. Преобладает «чахотка» (25 случаев). Затем идут: «горячка (6 случаев), водянка, порок сердца, эпилепсия (падучая болезнь), катар желудка, старость (3 случая)⁴.

Особняком в метрических книгах стоит монастырская элита – игумении и казначеи. Именно по метрическим книгам были установлены даты жизни настоятельниц монастыря: Маргариты (1805-1880 гг.), Магдалины (Чунтоновой (окт. 1828-1909 гг.) и Сергии (1841-1915 гг.) В графе о смерти игумении Маргариты сказано, «что скончалась она от изнурительной лихорадки в возрасте 75 лет»⁵. Заштатная игумения Магдалина умерла в начале апреля 1909 г. «от старости и была погребена между наружных стен главного и левого придельного алтарей монастырской церкви»⁶. Игумения Сергия, скончавшаяся в первой декаде июня 1915 г. «от старческих недугов в возрасте 74 лет» также была погребена «близ наружных стен главного и правого придельного алтарей монастырского храма». Отпевала игумению и погребала ее целая депутация белого и черного духовенства епархии во главе с архимандритом Уфимского архиерейского дома Николаем (будущим викарным епископом Златоуста). В числе погребавших были: протоиерей М. Виноградов, священник К. Нарциссов, диакон И. Некрасов⁷.

Казначея являлась главной помощницей игумении по хозяйственному управлению монастырем. Назначалась, как правило, из числа манатейных монахинь, прошедших не одно хозяйственное послушание. Часто после казначейских испытаний, носительницы их становились настоятельницами монастыря.

¹ Там же. – С. 61-63.

² Там же. – С. 62-63.

³ Там же. – С. 61-80.

⁴ Там же. – С. 62.

⁵ Там же. – С. 60.

⁶ Там же. – С. 70.

⁷ Там же. – С. 80.

Таковы были будущие троицкие игумении Магдалина Чунтонова, казначая в 1870-1880 гг., Феофания Морозова, казначая в 1914-1915 гг.¹ Метрические книги монастыря зафиксировали смерть лишь одной казначей – Е.П. Суровой, умершей в мае 1886 г. в возрасте 53 лет от «паралича сердца»². Это свидетельство факта нахождения на должности казначей монахинь среднего возраста, достаточно работоспособных для этой хлопотливой работы. Дряхлость и болезни автоматически вели к освобождению от послушания казначей, так как успешное функционирование ее напрямую было связано с жизнеобеспечением монастыря и его насельниц.

Метрические книги содержат данные о монастырском белом духовенстве. С 1882 г. в них помещалась графа, «кто исповедовал и причащал» умирающих. В графе зафиксированы имена священников Н. Уварова, П. Финансова, Н. Алфеева (в 1882-1885 гг.), А. Соколова (в 1886-1890 гг.), М. Виноградова (с 1890 г.), Д. Гуменского (с 1892 г.), К. Нарциссова (с 1904 г.), М. Виноградов и К. Нарциссов исповедовали и причащали умирающих монахинь вплоть до закрытия монастыря³.

Таким образом, метрические книги монастырей это своеобразный исторический источник. Он относится к группе делопроизводственной документации. Его изучение началось лишь в конце 90-х гг. XX в. К настоящему времени накоплен значительный опыт изучения метрических книг, оформленный и в монографическом,⁴ и в диссертационном выражении⁵. К сожалению, подобное изучение метрических книг православной конфессии в Башкирии находится лишь на начальной стадии. Между тем метрические книги значительного количества приходских церквей Уфимской епархии за XIX – начало XX вв. сохранились в фондах ЦГИА РБ.

*Сергеев Ю.Н., Хамидуллин Р.Р.
БФ БашГУ, г. Бирск*

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ БИРСКОГО УЧИТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА (1939-1953гг.)

Бирский Учительский институт (в дальнейшем БУИ) был создан приказом Совнаркома РСФСР от 27.06.1939 г. на базе Бирского башкирского педагогического училища, функционирующего как отдельное учебное заведение с 1927г.⁶

В рамках учительского института было открыто три отделения: историческое, физико-математическое, филологическое. В юбилейном издании по истории Бирского Педагогического института, историческое отделение вообще не значится⁷. Институт готовил учителей для 5-7 классов общеобразовательных школ. Срок обучения в учительских институтах был небольшим -2 года на дневном отделении, 3 года – на заочном. Вечерней формы обучения не было.

Открытие исторического отделения в рамках БУИ шло в русле общесоюзного восстановления высшего исторического образования, начатого постановлением ЦК ВКП(б) от 16.05.1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Был образован отдельный исторический факуль-

¹ Свице Я.С., Сергеев Ю.Н. Бирский женский монастырь... - С. 80-81.

² Свице Я.С. Метрические книги Бирского Троицкого женского монастыря // Бирская старина: Альманах 2008 г. – Бирск, 2008. – С. 62.

³ Свице Я.С., Сергеев Ю.Н. Указ. соч. – С. 85-87.

⁴ Антонова И.А. Метрические книги XVIII – начала XX века в России: источниковедческое исследование. – М., 1998.

⁵ Пашинин А. Метрические книги как источник составления родословных // Власть. – 2012. - № 11. – С. 198-201; Белькова А.Е. Метрические книги первой половины XIX в. Тюменского духовного правления как жанр деловой письменности. Автореф. дисс. канд. филолог. наук. – Сургут, 2009.

⁶ ЦГИ РБ. Ф. 4611. оп 1. Д.6. Л.89. Д.3. Л. 3об-4

⁷ Бирскому государственному педагогическому институту 60 лет. -Бирск, 1999. -С. 3.

тет, выделенный из состава общественно-экономического отделения в 1929-1933гг.¹ Однако он не мог обеспечить Башкирскую республику кадрами учителей истории. Особенно плохое положение с историческими кадрами было в северных районах БАССР. Поэтому открытие исторического отделения в БУИ было необходимым шагом. Одновременно, подобное отделение было задумано в Стерлитамакском учительском институте, открытом в 1940 г. Однако сложности начального этапа функционирования Стерлитамакского учительского института отложили открытие в его составе исторического отделения до 1945/46 учебного года².

Таким образом, историческое отделение БУИ стало вторым, после истфака Башпединститута, специализированным отделением в БАССР, готовившим кадры учителей истории для 5-7 классов.

Всю работу в историческом отделении БУИ курировала кафедра истории, открытая приказом директора БУИ – П.М. Чугункина от 11 декабря 1939 г. Первым заведующим кафедрой истории стал выпускник исторического факультета Московского государственного педагогического института имени К. Либкнехта – Зия Аскатович Аминев. В составе кафедры на 1939/40 учебный год значились следующие преподаватели: Ш.Х. Гильмуллин, А.К. Камалетдинов, В.Е. Бондаренко, М.Д. Бурлаков, З.А. Акчурина³.

Остановимся более подробно на биографии З.А. Аминева. Он родился 9 ноября 1914 г. деревне Лаклы Златоустовского уезда Уфимской губернии. Окончил Московский государственный педагогический институт имени К. Либкнехта (1939 г.) с красным дипломом, после чего получил распределение в БУИ. На разных должностях в БУИ проработал до 1947 г., после чего поступил в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС. В 1939-1941, 1943-1947 гг. был заведующим кафедрой истории БУИ, в октябре 1943 - январе 1944 гг. исполнял обязанности директора БУИ, в августе 1944 - апреле 1946 г., заместитель директора по заочному отделению⁴. После окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации (1950 г.), З.А. Аминев был приглашён на исторический факультет Башгосуниверситета, где на разных должностях проработал до своей смерти 12 марта 1969 г. Так до 1965г. он заведовал кафедрой истории СССР⁵. В 1966 г. З.А. Аминев выпустил главный труд своей жизни – монографию «Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии» (1917-1919 гг.), которую в 1968г. защитил в качестве докторской диссертации⁶.

Короткое время З.А. Аминев был, деканом исторического отделения БУИ (октябрь 1940 г.). Приказом директора БУИ от 30.10.1940 г. должность декана была ликвидирована «ввиду уменьшения учебных групп на историческом отделении»⁷.

На историческом отделении БУИ осуществлялось преподавание следующих дисциплин: «История древнего мира», «История средних веков», «История нового времени», «История СССР», «Методика преподавания истории», «Методика преподавания истории», «Основы советского государства и права». Кроме исторического отделения, кафедра истории осуществляла преподавание дисциплины История СССР на отделении языка и литературы.

Кадры первых преподавателей исторического отделения комплектовались как из числа преподавателей Бирского башкирского педагогического училища, так и из числа приехавших по распределению молодых специалистов. Из бывшего педучилища в преподавательский корпус БУИ пере-

¹ Ергин Ю.В. У истоков университетского образования... - С.58.

² ЦГИА РБ.Ф. 3274.оп 1. Д.7 Л.1об

³ Сергеев Ю.Н., Ганиев М.М. Бирский Учительский институт: структурные подразделения и преподавательский состав (1939-1952 гг.). - Уфа, 2005. - С. 29-30.

⁴ Там же. - С. 16-17, 19, 30, 33, 34.

⁵ Башкирская энциклопедия. - Уфа, 2005.Т.1.- С.142.

⁶ Там же.

⁷ Ганиев М.М. Первый декан исторического факультета//Победа. - 2004. 28.12.- С.2.

шли: Ш.Х. Гильмуллин (бывший заместитель директора училища по учебной работе) и А.К. Камалетдинов¹. Однако их работа в стенах Учительского института была недолгой. Уже летом 1940 г. оба преподавателя были уволены, так как не справились с изменившейся методикой преподавания истории в вузе. В отчёте за 1939/40 учебный год директор БУИ П.М. Чугункин следующим образом характеризовал систему преподавания исторических дисциплин в лице Гильмуллина Ш.Х.: «... преподаватель Гильмуллин при чтении курса «История древнего мира» не давал глубокого научного анализа, ограничивался бессистемным поверхностным изложением материала».

Отсутствием системности страдали не только ветераны БУИ, но и вновь приглашённые преподаватели. В том же отчёте П.М. Чугункина давалась жёсткая критика методике преподавания исторических дисциплин приглашённого преподавателя М.Д. Бурлакова. По словам П.М. Чугункина «у Бурлакова отсутствовала систематичность в изложении, отсутствовали выводы и заключения в лекциях, курс был упрощён, а преподаватель уделял повышенное внимание к элементарным вопросам в ущерб вопросам более сложным»².

Из новых молодых преподавателей, только что окончивших вузы, в составе кафедры истории БУИ были В.Е. Бондаренко и З.Л. Акчурина. Рассмотрим вкратце их биографии. В.Е. Бондаренко родился в 1914 г., в селе Софиполь Стерлитамакского уезда Уфимской губернии, в семье украинского переселенца. В 1930-1933 гг. он обучался в педтехникуме в Уфе, затем работал учителем начальных классов в одной из школ столицы БАССР (1933-1935 гг.). В 1935-1939 гг. В.Е. Бондаренко окончил исторический факультет Башпединститута, получив диплом с отличием. Проработав всего один семестр в БУИ, он был в декабре 1939 г. призван в Красную Армию³. После начала Великой Отечественной войны данными о нём мы не располагаем.

Акчурина Зюляль Лутфулловна стала первой преподавательницей курса «Методика преподавания истории» в стенах БУИ. Родилась она в 1910 г. в Стерлитамаке, в татарской учительской семье. Окончила общественно-экономическое отделение Башгоспединститута (1928-1931 гг.), получив диплом преподавателя общественно-экономического отделения в средней школе. В 1931-1934 гг. преподавала в фабрично-заводских училищах и рабфаках в Уфе, с 1934 г. работала в Бирске, в качестве преподавателя истории татарского педучилища. В 1936 г. её положение стало достаточно сложным, так как по политической статье был осуждён её отец (до 1940 г. пробыл в лагерях). Однако руководство Бирским татарским педучилищем сочло возможным оставить её в рядах педагогов училища. В начале 1940г. Зюляль Лутфулловна перешла в БУИ на должность старшего лаборанта кафедры истории. С августа 1940 г. она становится заведующей педпрактикой исторического отделения и преподавателем «методики истории». В БУИ З.Л. Акчурина проработала до августа 1944 г., когда вновь вернулась в стены Бирского татарского педучилища. В указанном педучилище З.Л. Акчурина проработала до его закрытия (1955 г.)⁴.

Таким образом, 1940/41 учебный год историческое отделение БУИ встретило в составе 3 преподавателей: З.А. Аминова, М.Д. Бурлакова и З.Л. Акчуриной. В октябре 1940 г. на историческом отделении временно был открыт деканат. Приказом директора БУИ от 10 октября 1940 г. исполняющим обязанности декана исторического факультета был назначен З.А. Аминев. Исполнял он обязанности декана до 05.11.1940 г., когда должность декана была ликвидирована. Основной структурной единицей отделения вновь стала кафедра истории. В качестве компенсации, на историческое отделение была дана ещё одна штатная ставка. На неё, в качестве преподавателя новой исто-

¹ ЦГИА РБ.Ф.46//ор.1.Д.6.л.9.об.

² ЦГИА РБ.Ф.4707.ор.1.Д.2.л.14.

³ Архив Бир ГСПА. Личное дело Бондаренко В.Е. (1939г.)

⁴ Архив Бир ГСПА. Личное дело З.Л. Акчуриной

рии стран Европы и Азии был принят ассистент М. Минлишев.¹ К февралю 1941 г. кафедра истории состояла уже из четырёх преподавателей. Трое имели должность старших преподавателей, один (Менлишев) – был ассистентом. Кафедру обслуживали в 1939-1941 гг. два лаборанта. Старшим лаборантом был Б. Хасанов, по совместительству преподававший курс «Истории средних веков» (с февраля 1940 г.). Младшим лаборантом был в январе 1940г. назначен студент- отличник П.Н. Васильев².

В архивном фонде Бирского пединститута ЦГИА РБ сохранился отчёт о выполнении учебной нагрузки за первый год существования исторического отделения БУИ (1939-1940 учебный год). Из него мы узнаём, что «учебный план исторического отделения был выполнен на 92%. Причиной невыполнения учебного плана названа мобилизация преподавателей средних веков и древнего мира в Красную Армию в декабре 1939 г.». Замену им руководство БУИ сумело найти только в апреле 1940 г. «Вследствие этого история средних веков почти не читалась студентам и была перенесена на третий семестр». В отчёте давалась достаточно высокая оценка уровня студентов исторического отделения. Говорилось следующее: «...студенты исторического отделения отличаются своей организованностью, дисциплинированностью и активностью в учебной и политико-воспитательной работе. Абсолютная успеваемость студентов – историков в 1939/1940 учебном году составила 80,8%... Общий недостаток студентов исторического отделения – слабое знание географической (видимо подразумевалось – исторической - Ю.С., Х.Р.) – карты»³.

Начавшаяся Великая Отечественная война внесла существенные коррективы в жизнь кафедры истории БУИ. В её составе появились остепенённые преподаватели, эвакуированные из педагогических вузов страны, занятых войсками Германии. Одновременно часть преподавателей мобилизована в ряды Советской Армии (М.Д.Бурлаков и М. Менлишев.)

Первым остепенённым историком, посланным в БУИ был профессор Рабинович Абрам Борисович, проработавший в качестве заведующего кафедрой истории и преподавателя дисциплины «История средних веков» с 22.09.1941 г. по 26.05.1943 г. В декабре 1941 г. в должности доцента кафедры истории в БУИ появляется кандидат исторических наук Марголин Соломон Лазаревич (проработал на кафедре до 15.06.1942 г.). И, наконец, в октябре 1942 г. в БУИ был принят ещё один историк- профессор – Бречкевич Митрофан Васильевич (до 16.09.1943 г.). Из старого состава кафедры истории оставались два старших преподавателя: З.А. Аминев и З.Л. Акчурина⁴.

Наиболее крупным учёным из числа прибывших эвакуированных историков, был профессор Бречкевич М.В., входивший в десятку российских китов славистики. Он родился 04.06.1870 г. в селе Бакоты Кременецкого уезда Волынской губернии в семье украинского священнослужителя. Идя по семейным стопам, окончил Волынскую духовную семинарию (1890 г.), затем через какое-то время – историко-филологический факультет Юрьевского университета (1901 г.) защитив магистерскую диссертацию, стал доцентом Юрьевского университета (1903 г.), в стенах которого проработал до 1913 г. В 1913- 1923 гг. был профессором Казанского университета. В 1918-1921 гг. одновременно возглавил Северо-Восточный археолого-этнографический институт в Казани, активно боролся за сохранение казанских архивов. С 1923 г. был профессором института народного образования в Днепропетровске (до 1931 г.). С 1938 г. профессор Киевского пединститута, с 1940 по 1941 и с 1943 по 1950 гг. профессор исторического факультета Киевского университета. В 1946-1950 гг. заведо-

¹ Сергеев Ю.Н. Ганиев М.М. Указ.соч. - С.32.

² Там же. - С.31.

³ ЦГИА РБ.Ф.4707.ор.1.Д.2.л.6

⁴ Сергеев Ю.Н. Ганиев М.М. Указ.соч. - С.32.

вал кафедрой истории средних веков Киевского университета. С 1950 г. на пенсии. Умер 23.08.1968 г. в Киеве. Магистр всеобщей истории с 1912 г., профессор с 1940 г.¹

Крупнейшими трудами профессора Бречкевича М.В. были работы, посвященные полабским славянам: «Введение в социальную историю княжества Славии или Западного Поморья» (1128-1278 гг.) (Юрьев, 1911); «О славянах и их соседях, в древнейшие времена» (Киев, 1913г.); «Поморское княжество и его упадок» (XIII-XIV вв.) (Днепропетровск, 1929)². С 15.05.1943 г. по 16.10.1943 г. профессор Бречкевич М.В. был заведующим кафедрой истории БУИ³.

Историческое отделение Бирского Учительского института в структуре Бирского пединститута, подвергалось в 1941-1945 гг. реформированию. В октябре – ноябре 1941 г. историки БУИ подчинялись специальному помощнику директора БирГПИ по Учительскому институту – А.Х. Акчурину (в 1939-1941 гг. заместитель директора БУИ по учебной работе). Приказом директора БирГПИ А.А.Овчинникова от 19.11.1941 г. за №24, историческое отделение учительского института было поручено декану географического отделения Е.Г. Захаруку. Позднее, с 9.04.1943 г. историки были переподчинены деканату филологического факультета БирГПИ. И, наконец, 11.11. 1943 г. отделение истории и физико-математическое отделение Учительского института получили особого декана. Деканом двух отделений стала ленинградская жительница Сербина К.К., впоследствии доктор исторических наук, специалист по городам и посадскому населению феодальной России. В октябре 1943-феврале 1944 гг. она в ходе эвакуации из блокадного Ленинграда⁴.

После реэвакуации большинства остепенных преподавателей – историков в свои прежние вузы в конце 1943- начале 1944 г., кафедра истории вновь стала малочисленной. Со второй половины октября 1943 г. её вновь возглавил ветеран исторического отделения З.А. Аминев. Новый импульс работе кафедры истории и историческому отделению дал доцент Гужвенко Г.И., назначенный новым директором Бир ГПИ в конце декабря 1943 г.⁵ Известный в БАССР историк, автор монографии «Башкирия в борьбе за Октябрь. Краткий исторический очерк» (1941г.), был деканом исторического факультета Башгоспединститута во второй половине 30-х гг. XX в.

В 1941 г. добровольцем ушел на фронт, с которого вскоре был возвращен по требованию обкома КПСС в Уфе. Роль этого незаурядного человека в судьбах преподавателей исторического факультета Башгоспединститута в 30-е гг. XXв., в деятельности башкирского отделения Союза безбожников, еще ждет своего исследования. Г.И. Гужвенко прожил долгую жизнь, с 1952 г. работая на истфаке БГУ (вплоть до конца 70-х гг. XX в.) Он скончался в 90-х гг. XX в., активно защищал Сталина и его роль в жизни СССР в период перестройки 2-й пол. 80-х гг. XX в. Автор данного раздела лично видел и слышал Гужвенко Г.И. на встречах со студентами во второй пол. 80-х гг. XX в.

Г.И. Гужвенко, возглавлял БУИ в 1943-1950 гг., непосредственно участвовал в комплектовании кафедры в 1944-1945 гг. Еще в декабре 1943 г. на кафедру истории в качестве старшего преподавателя методики истории на кафедре появился ассистент Пипер К.Л. Судьба её была достаточно сложной. Родилась Кира Леонидовна Пипер в 1921 г. в Ленинграде, где и окончила в 1941 г. первый курс филфака ЛГУ. После эвакуации в Бирск, окончила в 1942 г. с отличием историческое отделение Учительского института, после чего обучалась на заочном отделении истфака Башгоспединститута. Завершила весь курс обучения, но не успела сдать госэкзамены в связи с реэвакуацией в Ленинград в июне 1945 г. В 1942-1944 гг. преподаватель истории в 5-7 классах школы в деревне Петропавлов-

¹ Долгов Е.Б. Бречкевич Митрофан Васильевич// Татарская энциклопедия. - Казань, 2002 Т.1 - С.462.

² Историография истории южных и западных славян. - МГУ, 1987.- С.199.

³ Сергеев Ю.Н. Ганиев М.М. Указ.соч. - С.33.

⁴ Там же. - С.33

⁵ Там же.

ка Мишкинского района БАССР с 1.10.1944 по 18.06.1945 гг. ассистент БУИ¹. В июле 1945 г. К.Л. Пипер вернулась в ЛГУ.

По инициативе директора БУИ Г.И. Гужвенко, 15.12.1944 г. кафедра истории была объединена с кафедрой марксизма-ленинизма. Заведующим новой кафедры стал З.А. Аминев. Подобное объединение кафедр продержалось до марта 1947 г., когда они вновь были разделены². К лету 1945 г. историки кафедры состояли из 1 доцента (Гужвенко Г.И.), двух старших преподавателей (Аминев З.А. и Самсонов Г.Н.), и 1 ассистента (Пипер К.А.) Летом 1945 г., после реэвакуации Самсонова Г.Н. и Пипер К.Л., на кафедру пришли новые преподаватели). На место Пипер К.Л., в качестве преподавателя методики истории, была принята ассистент Кац Е.Е., на место Самсонова Г.Н. – ассистент Викторов М.А.³

В 1946-1947 гг. штат кафедры вновь поменялся. Во-первых, сменился заведующий кафедрой. Ветеран исторического отделения БУИ З.А. Аминев поступил в московскую аспирантуру и навсегда покинул Бирск. Новым заведующим, по совместительству стал доцент Гужвенко Г.И. На кафедру было принято три новых преподавателя: ассистенты Избаш Н.В., Татьянкин А.М., Менлишев М.Ф. Последний уже работал на кафедре истории (в 1940-41 гг.), но затем был призван в армию. Одновременно с этим приемом с кафедры ушел ассистент Викторов М.А., проработавший в БУИ с 20.09.1945 по 1.06.1946 г.⁴

Деятельность Г.И. Гужвенко на посту заведующего кафедрой истории в 1947-1951 гг. была противоречивой. С одной стороны он способствовал усилению трудовой дисциплины на кафедре, активно помогал снабжать историческое отделение учебниками, историческими картами, финансировал научные командировки своих сотрудников для сдачи кандидатских экзаменов. С другой стороны, будучи жестким и авторитарным руководителем Г.И. Гужвенко постоянно конфликтовал с молодежью на кафедре. В итоге, кафедра была практически разогнана к 1948-49 учебному году. Первым был уволен ассистент Избаш Н.В. (23.02.1948 г.), проработавший на кафедре около 8 месяцев, с формулировкой «как не обеспечивший чтение курсов История средних веков» и «История нового времени» на вузовском уровне». Это было практически объявление Избаш Н.В. профнепригодности. В июне 1948 г. была уволена ассистент Кац С.Е. с формулировкой «в связи с нехваткой часов». И, наконец, в конце июля 1948 г. ушел «по собственному желанию» ассистент Татьянкин А.М. К началу 1948/49 учебного года на кафедре помимо Гужвенко Г.И. оставался лишь ассистент Менлишев М.Ф. Между тем нагрузка кафедры в 1948 г. составляла 2 300 часов, в том числе 2 025ч. на дневном отделении. Штат кафедры нуждался, как минимум, в одном ассистенте и одном старшем преподавателе.

В 1949 г. на кафедре истории появляется второй ассистент Гилев Г.Г., выпускник исторического отделения БУИ 1942 г., впоследствии окончивший заочное отделение истфака Башгоспединститута. В 1950г. он получает должность старшего преподавателя, а с марта 1951г. становится исполняющим обязанности заведующего кафедрой истории. В ноябре – декабре 1952 г. Г.Г.Гилев успешно сдал в МГПИ кандидатские экзамены по философии и иностранному языку⁵. Приказом по институту от 10.04.1953 г. историческое отделение было закрыто, а кафедра истории в составе двух штат-

¹ Диникеев А.Ф. Преподаватели-историки в административном аппарате Бирского Учительского института (1939-1952 гг.)//Исторический опыт и перспективы социально-экономического, политического и духовного развития Башкортостана. Сборник научных трудов. – Бирск, 2007. - С.80.

² Сергеев Ю.Н., Ганиев М.М. Бирский учительский институт... - С.33

³ Там же. - С.34

⁴ Сергеев Ю.Н., Ганиев М.М. Указ соч. - С.34; Архив БирГСПА Книга приказов 1946г. С.40

⁵ Там же. - С. 35.

ных преподавателей (Гилев Г.Г., Менлишев М.Ф.) была включена в структуру нового педагогического института, в качестве общеинститутской кафедры¹.

Несмотря на тяжелые военные и послевоенные годы, преподаватели-истории БУИ внесли определенный вклад в научную деятельность историков БАССР. Так, профессор Рабинович А.Б. 22.09.1942 г. выступал с научным докладом в Уфе, в институте истории и археологии АН Украинской ССР². Этот институт находился в БАССР в эвакуации в 1941-43 гг. Возглавлял его крупный украинский археограф, член-корреспондент АН УССР Н.Н. Петровский. В январе 1942 г. на сессии АН УССР Н.Петровский выступил с проблемным докладом на тему «Киевская Русь – общий национальный период истории русского, украинского и белорусского народов», в котором выдвинул тезис о существовании «единой древнерусской народности», сформированной на основе всех восточнославянских племен».³ В ходе обсуждения этого доклада и выступал А.Б. Рабинович.

Директор БУИ, доцент Гужвенко Г.И., в 1945 г. привлекался в качестве автора раздела об Октябрьской революции к работе над частью II-й первого тома «Очерков по истории Башкирской АССР» (опубликован только в 1959 г.).

В качестве преподавателя-почасовика, в 1947 г. на историческом отделении БУИ работал известный башкирский историк А.Н. Усманов, автор монографии о присоединении Башкирии к русскому государству (первый вариант опубликован в 1945 г.)⁴. В то время А.Н. Усманов был в звании доцента директором Башкирского научно-исследовательского института языка и литературы (в 1943-1951 гг.)⁵

Всего за годы существования исторического отделения было выдано дипломов об окончании дневной формы обучения и присвоения квалификации «учитель истории 5-7 классов неполной средней школы» 217 человек (последний выпуск в 1951 г, первый – в 1941 г.). Аналогичных дипломов для студентов ОЗО было выдано 1949 - 21, 1950 - 28 чел., 1951- 57 человек, 1952 - 41 человек, 1953- 29 человек. В итоге было подготовлено 176 учителей истории для неполной средней школы без отрыва от производства⁶.

Таким образом, за годы существования исторического отделения Бирского учительского института было выдано около 400 дипломов учителей истории для 5-7 классов неполной средней школы. На самом деле их было несколько больше, т.к. в 1945-1946 гг. и 1951-1952 гг. были объединенные историко-филологические выпуски на дневной форме обучения⁷. Кроме того, в указанные цифры не входили фамилии тех единичных студентов, которые сдали государственные экзамены, но диплом по тем или иным причинам получили позже.

Таким образом, в 1939-1951 гг. в составе Бирского Учительского института функционировало историческое отделение с дневной формой обучения. Заочная форма данного отделения была открыта в 1945 г. и функционировала до 1953 г. включительно. На дневной форме обучения учились два года, на заочной – 3 года. Обе формы давали незаконченное высшее образование. Для его завершения, выпускники БУИ поступали на III курс истфака Башгоспединститута (г.Уфа), где обучались 2 года, получая диплом учителя истории для средней школы.

В годы обучения на историческом отделении БУИ, студенты получали стипендию, в том числе и заочники. Стипендия студентов I курса была 130 руб., второго курса 150 руб.

¹ Сергеев Ю.Н., Ганиев М.М. Указ соч. - С.35.

² Там же. - С. 34.

³ Юсова Н.Н. Петровский Н.Н. и генезис концепции древнерусской народности// Вестник Челябинского государственного госуниверситета. История. - 2005. №2. – С. 64,66,67.

⁴ Архив Бир ГСПА Книга приказов 1947г. С. 43.

⁵ Башкортостан. Краткая энциклопедия. - Уфа, 1996. - С. 590.

⁶ Сергеев Ю.Н., Ганиев М.М. Указ соч. - С. 35.

⁷ Там же. - С.61-62: Архив Бир ГСПА Книга приказов 1949-1953 гг. С.43.

За все отличные оценки делалась надбавка в 25%. За двойки стипендия снималась вообще. Обучение в вузе было платное, однако, действовала широкая система социальных льгот по освобождению различных категорий студентов от оплаты за обучение. От платы за обучение освобождались: дети военнослужащих Советской Армии и призванных в ряды её, студенты, родители которых были пенсионерами, отличники учебы, дети инвалидов войны и труда, дети сельских педагогов. Остальные студенты обязаны были вносить плату за обучение в размере 300 руб. в год в два срока: до 1/XI и до 1/II соответственно¹. Студенты, не внесшие к указанному сроку плату за «обучение» подлежали отчислению из института.

Проживали иногородние студенты исторического отделения в общежитиях БУИ, которых было 4, и которые располагались по следующим адресам: Фрунзе 36, Советская 33 и 78, Набережная 1. Порядки в общежитиях были довольно жесткие. Допуск в общежития «после 10 часов вечера был запрещен для всех посторонних лиц. В 12 часов гасился свет в обязательном порядке, после чего коменданту общежития и сторожам предписывалось требовать от жильцов абсолютной тишины». Выбирались старосты в каждой комнате общежития. В обязанности старост комнат входило «наблюдение за чистотой и порядком в своей комнате, для чего староста комнаты ежедневно назначает дежурство из числа жильцов комнаты. Староста комнаты контролирует «мытьё полов два раза в неделю». При уходе студентов на занятия, староста комнаты обязан был сдавать ключи от комнат на хранение дежурной сторожике-уборщице. Для хранения особо ценных вещей в каждом общежитии существовали специальные кладовые.

Студентам, проживающим в общежитиях, запрещалось лично топить печи, приготовление пищи в обогревательных печах комнат, нарушать правила общежития. За испорченное имущество общежития (постельное белье, посуда) взыскивалась его рыночная стоимость, а виновные в его порче выселялись из общежития.

В обязательном порядке организовывались Советом общежития «соревнования между жильцами комнат» за содержание своего жилища в образцовом порядке. Результаты подобных соревнований как внутри общежития, так и между общежитиями ежемесячно должны были «освещаться в институтской газете»².

Лица, не проживавшие в общежитиях, но бывшие иногородними, могли снимать квартиры. Общежития обеспечивали в 1940 г. не более 30% иногородних студентов³. Учительский институт пытался хотя бы частично компенсировать затраты иногородних студентов за съём квартир. По приказу директора БУИ от 22.02.1941 г. студентам, снимавшим квартиры, выплачивалась компенсация в размере 20-30 руб. в месяц⁴.

Исторический факультет БУИ уже к 1940г. имел свою стенную газету (в течение 1939/40 учебного года вышло 4 номера этой газеты)⁵. Студенты – историки активно принимали участие во всех сторонах жизни Учительского института. Главной из этих сторон была учеба. Учебные занятия начинались в 9.30 утра и завершались в 15.00. При институте функционировала столовая, в которой студентам, сотрудникам и преподавателям выдавались завтраки (с 8.30 до 9.20), обеды (с 15.00 до 16.30) и ужины (с 19.30 до 20.40)⁶

¹ Архив Бир ГСПА Книга приказов 19440/41учебного года. С.33

² Мой Дом – академия. 2005.№3 от 30.09.С.9

³ ЦГИА РБ.Ф.4707.Д.2 Л.5

⁴ ЦГИА РБ.Ф.4707.Д.2 Л.35

⁵ Там же, Л.30

⁶ Архив Бир ГСПА Книга приказов 1939/40уч.год. С. 102.

Однако уже в феврале 1940 г. учебная сетка занятий была скорректирована. Занятия начинались в 9.00, заканчивались в 15.30¹.

Студенчество было в подавляющем большинстве (до 90% в 1939-1940 учебном году) обеспечено стипендией. Причем стипендию получали и слабозанимающиеся и даже неуспевающие студенты. Просто их стипендия была урезана по сравнению с обычной (130 руб.) от 30 до 50%². После открытия заочного отделения, стипендия стала выплачиваться и студентам-заочникам выпускного курса в размере 240 рублей в месяц³.

Из числа студентов-историков комплектовались преимущественно, кадры председателей студенческих профкомов и секретарей комсомольских комитетов Учительского института. Ротация этих кадров была раз в 2 года (то есть после окончания срока учебы). За период с 1939-1952 гг. историки 3 раза были председателями студенческих профкомов и 2 раза секретарями комсомольской организации института. Это вполне объяснимо, так как историческое отделение считалось партийным отделением. Из числа председателей студенческих профкомов-историков можно выделить Афлятонова А.А., Салимгарееву М.С. (окончила отделение с красным дипломом в 1945 г.); из числа секретарей комсомольской организации института выделяется П.Н. Васильев (первый выпуск БУИ-1941 г., красный диплом).

Помимо руководящих студенческих должностей студенты-историки активно занимались общественной деятельностью. Так, в составе объединенной контрольной группы за работой столовой и буфета, в 1942-1943 годов значилась студентка исторического отделения Ледрова Н. Б.⁴ Студенты исторического отделения традиционно принимали активное участие в военно-патриотической пропаганде среди населения, участвовали в художественной и спортивной деятельности вуза.

Руководство института, несмотря на тяжелейшее финансово-экономическое положение вуза, находило формы поощрения студенческой активности. Так, в приказе директора БУИ П.М. Чугункина от 11.02.1940 г. говорилось: «За хорошее отношение к учебным занятиям, дисциплину, активное участие в общественной работе и за отличную успеваемость за первый семестр 1939/40 учебного года вынести благодарность с награждением денежной премией в размере 80 руб. следующим студентам исторического отделения: Афлятонову, Васильеву, Скрибиной, Гнездиловой». Те же фамилии фигурируют в приказе директора БУИ от 30.06.1940 г. Правда, награды здесь несколько иные. Студент Афлятонов получил ценную книгу - «Краткий курс истории ВКП (б)», студентка Гнездилова - месячную стипендию (130руб.), студент Давлетов - «отрез на рубашку»⁵. Однако были и другие приказы. Так приказом от 13.11.1939 г. директор БУИ П.М. Чугункин отчислил «студентку второй группы истфака Зайнитдинову Г... за самовольный пропуск занятий в течение 5 дней с 4 по/XI без уважительных причин»⁶. Составной частью педагогического образования в БУИ была педагогическая практика. Студенты-историки проходили её в течение 1940-1951 гг. в следующих школах: неполной средней школе №2 города Бирска (1940-1950 гг.), неполной средней школе №1 г. Бирска (в 1950-1951 гг.)

Таким образом, студенчество исторического отделения БУИ в 40-нач. 50-х гг. XX в. жило полноценной студенческой жизнью, воевало на фронтах Великой Отечественной, поднимало экономику после войны. Традиции студентов историков 40-50-х гг. продолжали их потомки в конце 90-х гг. XX в.- начале XXI в.

¹ Там же, Книга приказов 1940-41 уч. год. С.20.

² Архив Бир ГСПА Книга приказов 1939/40 уч.год. С.28.

³ Там же, Книга приказов 1949г. С.72

⁴ Там же, Книга приказов 1943/44 уч. год. С.7

⁵ Там же Архив Бир ГСПА Книга приказов 1939/40уч.год. Л.30,135

⁶ Там же, Л.51.

ТРАДИЦИОННАЯ СВАДЬБА ВОСТОЧНЫХ МАРИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ОБРЯДОВ ПЕРЕХОДА

Этнографическая группа восточных марицев сформировалась в результате переселения в XV-XVIII веках. Большая часть данной группы проживает на сегодняшний день на территории республики Башкортостан, наиболее массово и компактно - в Мишкинском и Калтасинском районах. Отличительные черты данной группы от представителей других этнографических групп мари наблюдаются в языке, в духовной и материальной культуре, а также в отправлениях культа. Свадебный церемониал восточных мари содержит достаточное количество особенностей, позволяющих подтвердить вышесказанное. Свадебный ритуал символизирует собой процесс перехода из одного социального положения в другое, поэтому свадебный обряд восточных мари мы будем рассматривать в контексте теории обрядов перехода, при этом выделяя характерные особенности культуры этнографической группы восточных мари.

Согласно теории обрядов перехода А. ван Геннепа – свадебный обряд представляет собой действие социального характера, символизирующее собой процесс перехода человека в новый статус: мужа или жены, зятя или невестки и т.д. Рассматривая шире, в социальном значении – это переход из одного, своего рода или племени и вхождение в род или племя, другого. Являясь обрядами перехода, комплекс свадебного ритуала содержит в себе обряды отделения и включения, которые, в свою очередь, делятся на индивидуальные и коллективные, и промежуточные обряды (ван Геннеп 1999: 7–28; 108–110).

Исследователи отмечают, что свадебный обряд восточных марицев был намного сложнее, чем у луговых марицев (Козлова 1958: 121). В традиционном свадебном цикле марицев условно выделяется три основных периода:

- предсвадебный, состоящий из актов направленных на совершение свадьбы, фактическое начало раскручивания ритуального действия;
- свадебный, представляющий собственно свадьбу – кульминацию всего ритуала;
- послесвадебный, развязка свадебного ритуального действия, этап вступления молодых в новые качества, в совместную жизнь.

На предсвадебном этапе завязывается свадебный ритуал, закладываются основы удачного проведения всей свадьбы и благополучной совместной жизни. Сообразуясь с теорией обрядов перехода, этот период включает в себя обряды отделения, промежуточные обряды, и заканчивается обрядами предварительного включения. На свадьбе происходит завершение того, что получило начало на предсвадебном этапе, то есть проводятся действия по окончательному включению в новую среду и обряды супружеского соединения. И соответственно, послесвадебный этап содержит в себе закрепление обрядов включения, а также оформление нового статуса героев ритуала, когда новый член семьи, сменив такие внешние девичьи атрибуты, как прическу и головной убор, ознакомившись с правилами ведения хозяйства в этой семье, полноправно может исполнять обязанности члена семьи.

При анализе традиционной свадебной обрядности мы будем опираться на наблюдаемые нами свадьбы, которые состоялись 01.08.09 в деревнях Тынбаево и Большесухоязово Мишкинского района РБ, а также на источники XIX–XX веков.

Предсвадебный период начинается со смотрин - *удыр ончымаш*, где главным действующим лицом выступают родственники со стороны жениха, которые помогали в поиске невесты вне своей деревни. Человека, по чьей рекомендации начиналось сватовство, у восточных марицев называли

темлыше (досл. предлагающий, сват), у марийцев других групп сватов называли *ончыч коштшо* (досл. вперед ходящий). Ранее эту функцию выполняли представители мужского пола, и только родственники по мужской линии, женщины функцию свих стали выполнять позднее, под влиянием русских (Федянович 1997: 14). *Темлыше* предлагал ту девушку, семью которой он знал, или заметил ее за исполнением работ (на поле, в хозяйстве), что указывает на приоритетные качества при выборе девушки – трудолюбие и репутация семьи. То есть территория брачного округа была не большой, но с середины XX века, когда стало практиковаться обучение в учебных заведениях в городах, в других республиках, областях, использовалась система направлений на работу в разные районы, то территории «брачного округа» расширились. Одновременно с этим, роль сватов изменилась, теперь они не всегда выступали «первооткрывателями» невест, часто, уже после личного знакомства, жених засылал сватов.

Полученную информацию от *темлыше* обсуждали на семейном совете родственники жениха, если невеста подходила по всем критериям, то начинали готовиться к *ўдыр ончымаш* (букв. смотрины девушки), основная цель которых получить согласие родителей невесты и самим убедиться в описываемых сватами качествах невесты. В смотринах со стороны жениха главную роль играл отец, именно он с сыном и со сватами - *темлыше-влак* отправлялся на эту процедуру. Разговор в доме невесты велся в иносказательной форме: У вас есть яблоня, яблоки созрели, продавать надо. – Еще рано, не поспели. – Созреют, падать будут, тогда поздно. Также встречались обращения такого рода: «телочка», «стог сена», «товар» (Смирнов 1986: 106). Данные эпитеты подчеркивают безвольное положение невесты: говорить в третьем лице и употребляются те определения, которые характеризуют пассивность или действие под воздействием других, что указывает на приобретение невестой качества лиминальности, где перед вступлением в новый статус она подвергалась унижению и ограничению активности (см. Тэрнер 1983: 169–170). После смотрины теперь уже семья невесты устраивала семейный совет, где решали, выдавать ли дочь в эту семью или нет. После утвердительных решений обеих сторон, родители жениха готовятся к сватовству, где главным моментом является решение всех экономических и хозяйственных вопросов, которые по обыкновению в традиционном патриархальном обществе решал глава семьи – мужчина. Также примечательной особенностью предсвадебного этапа является опосредованная связь между семьями сватом, его отправляют и на переговоры – *туларым колташ* (свата отправить). Таким образом, на этом этапе семьи через сватов договаривались о решении экономических вопросов, о дне проведения *сõрасымаш* – акта сватовства, который состоял из *келшымаш* – договора, *ўдыр йўктымаш* – напоение девушки, *шергаш вашталтыме* – обмена кольцами. Так как смотрины являются первым этапом в свадебной обрядности, и в связи с долговременностью и серьезностью перспектив в будущей совместной жизни, этот этап характеризуется наличием элементов апотропеической магии и обрядов единения (совместные трапезы), а также приведением героя ритуала в лиминальное состояние.

Сватовство, это последний этап на пути к свадьбе, когда регулируются все нюансы и начинают исполняться полномасштабные магические обряды, способствующие как защите, включению так и благополучному прохождению обряда перехода – свадьбы. Так как сватовство происходит в доме девушки, то при входе в дом, жених проводит ритуал приобщения, включения в род невесты – он кладет на порог монету, тем самым задабривая предков невесты и их родовых духов. С этой же целью жених приходил на сватовство с хлебом, вином (*пўрõ* – брага, водкой) и, по состоятельности, с другими гостинцам. Алкоголь на этом этапе был важен для проведения домашнего обручения – *ўдыр йўктымаш* (букв. напоение девушки). Испитие девушкой, а потом и всех присутствующих, принесенного женихом вина означало в первую очередь согласие девушки выйти замуж. Но в тех случаях, когда девушка была не согласна выйти замуж, ее силком заставляли выпить, или даже ро-

дители вливали силком немного жидкости. В свою очередь, отец невесты оказывает почести жениху и пришедшим с ним, посредством хлеба и угощений. В знак согласия будущая невеста одаривает отца жениха и его самого рубахой и полотенцем, этим действием она как бы вручает им себя посредством собственноручно изготовленных вещей. Приняв подарки, жених и отец клали деньги на каравай хлеба или масло, тем самым выражая благодарность невесте, но рассматривая шире, принятие подарков женихом и отцом означает возложение на себя и на своих родственников обязательства перед невестой и включения ее в свой род (группу) (см. ван Геннеп 1999: 122).

После выражения согласия девушки войти в новую семью, совершается индивидуальное единение с будущим мужем – обмен кольцами – *шергаш вашталтyme*. Обручение происходило над хлебным караваем. Это обручение могло сопровождаться благословением отцов молодых или специально приглашенного *муллы* (жрец у восточных мариюцев, в других группах мари – *карт*). В знак своего согласия молодые трижды откусывали освященный молитвой хлеб (Мендиаров 1894: 49–51). Таким образом, с каждым этапом все больше разворачиваются элементы обрядов перехода, так, в соответствии с данной теорией – съедение одного куска хлеба, распитие одного напитка, обмен кольцами – все это есть обряды единения в составе обряда включения (ван Геннеп 1999: 122). Дополняют обряды включения «выкуп» порога, дарообмен и принятие даров, усиливают смысл обрядов единения вещи с семантикой протяженность (полотенце) и бесконечность (кольцо). Таким образом, сватовство символизирует собой неизбежность дальнейшего процесса, все участники сватовства вступили в исполнение ритуала, поэтому все действия, предметы и участники обретают свое символическое значение. После совершения обрядов единения и включения приступали к урегулированию экономических вопросов – условий калыма. Решение этих вопросов и достижение договоренности – *келшымыш* происходило, в зависимости от целей и состояния семей по-разному. Калым за время своего существования претерпел существенные изменения, войдя в мариюскую культуру как элемент договора при заключении брака по сватовству, он долгое время существовал как система экономической компенсации, условия которой оговаривались на предсвадебном этапе, и был прямо пропорционально связан с размером приданого. Редуцируясь интенсивно на протяжении прошлого века, сегодня он предстает в номинальном виде (в виде материальной помощи молодым), сохраняясь как часть системы дарообмена, а в целом как элемент культуры.

Договорившись о размере калыма, обе стороны договаривались о времени проведения *йумаш* – пир, попойка, который проходил в доме невесты. Невеста приглашала своих родственников и соседей на *удыр арака йуаш* – пропивать девичью водку, тем самым подчеркивалось, что этот пир организовывают родители невесты. В свою очередь, приглашенные теперь должны были помогать в организации свадьбы, а подруги в приготовлении приданого. Жених и его отец, сват и *саус (савуш)* – дружка жениха, приезжали в этот день с гостинцами – *костенеч (костенеч) мешак* (мешок с гостинцами), который обязательно содержал хлеб и выпивку, остальные продукты добавлялись в зависимости от возможностей семьи. В этот же день жених отдавал либо весь, либо часть калыма. Во время пиршества друзья жениха угощают гостей брагой – *пурб*, которая преподносится в ковше – особенность свадеб восточных мариюцев – это является примером добродушия и гостеприимства. После угощений совершалось моление, молитву произносил либо отец невесты, либо специально приглашенный *мулла (карт)*. Все собравшиеся давали наставления и благословение на брак – *сугынь*, где желали им благополучной и дружной совместной жизни – *тату илаш*. Просили у Бога, чтобы дал им здоровья (*тазалык*), счастья (*рыскалык*), богатства (*поянлык*), достаток в хозяйстве (*кудувичан лияш*), девятерых сыновей, семерых дочерей (*индеш эрге, шым удур*), а также, чтобы невеста слушала свекровь и мужа (*кугузатым да кугетым колышшан лий*). Выслушав все пожелания, молодые, а также *саус* и сват обходят стол по солнечному кругу три раза. Часто можно услышать об

обходе вокруг стола, что этим действием – *сўаным тарватат* – букв. двигают свадьбу, что в целом и раскрывает семантику этого обряда – свадьба идет из невестиного дома. Этим же действием невеста прощалась с домом родителей, этот пир был последний праздник в ее еще незамужней жизни в доме родителей, поэтому она была в свадебном костюме, который она оденет еще на свадьбу в доме жениха. Из дома родителей жених перевозит невесту на «свою территорию», то есть к посаженным родителям, где невеста могла находиться достаточно длительное время. Она выходит из дома, держась за край полотенца, подаренного мужу, в данном случае полотенце из-за своего качества протяженности используется в значении связи между женихом и невестой. В некоторых местностях девушка не сразу садилась в повозку, жених или *саус* ее три раза ударяли кнутом – ныне *онгырым* (украшенный лентами и колокольчиками кнут), прогоняя, таким образом, от невесты ее духовных покровителей (*керемет*) (Смирнов и др. 2005: 168). У каждого рода имеется свой покровитель, поэтому целесообразно отказаться от старого покровителя, перед тем как вступить в новый род, у которого свой *керемет*. Также ударение кнутом и вывод девушки за полотенце имеет символическое значение в контексте обрядов перехода, таким поведением они приводили героя ритуала к лиминальному состоянию, выражающееся пассивностью и униженностью. Уходя из дома, невеста забирала с собой приданое – *кузык*, точнее его часть: перину (ныне матрац), две подушки, одеяло, вещи для дарения (*чиктыме нăстă*), сундук и остальную часть забирают после свадьбы. Также из дома родителей невесты выносили большую подушку, которую укладывали на сидение жениха и невесты, эта подушка будет сопровождать невесту во время всех остальных свадебных церемоний. Свита жениха выходила из дома не беспрепятственно, молодежь деревни невесты препятствовало этому: закрывали выезд, удерживали лошадь, преграждали путь. Жених со своими родственниками воспринимается как представитель «чужого» пространства, который лишает данную половозрастную группу единицы, поэтому он должен им так же компенсировать эту утрату. Жених откупался гостинцами, выпивкой и деньгами.

Таким образом, *йўмаш*, есть свадьба на стороне невесты. На этом этапе жених представляется всем родственникам невесты, он их угощает, то есть включается в эту группу, располагает их к себе с тем, чтобы благоприятного «вывести» оттуда их единицу – невесту. Жених поэтапно компенсирует родственной и половозрастной группе нанесенный ущерб, после чего невеста окончательно отделяется от этих групп.

После того, как жених отдал калым (или большую часть), выкупив невесту у ее соплеменников, они направляются в дом посаженных родителей – *пуртымо ава-ача* (букв. введенные, вводные мама и папа; у других групп марийцев – *киямат ача-ава*). *Пуртымо ава-ача* – это семейная пара, которая приходится жениху дальними родственниками, друзьями или односельчанами, Жених не мог сразу привести в свой дом представителя «чужого» пространства, поэтому невесте давалось время, чтобы она стала «своей» и очистилась от всего иного и привыкла к новому, а также созрела окончательно к новой жизни. Созревание происходит постепенно, за то время пока невеста находится в этой семье – *шинча* (сидит), она должна привыкнуть к новым условиям, порядкам, царившим в новом роде, клане. На сегодняшний день, при свадьбе традиционного характера, невеста проживает в доме посаженных родителей дня 3, с четверга до субботы, такое сокращение связываем с тем, что невеста уже не изготавливает сама вещи для одаривания – *чиктыме нăстă*, они покупные или сделаны на заказа заранее. Но остался основной смысл – невеста привыкает к новому, поэтому в эти 3 дня невеста помогает по хозяйству, с посаженной мамой (*пуртымо ава*) ходит в гости. Мы считаем, что особенность института посаженных родителей восточных марийцев, отражает название, то есть невесту вводят в новый род посредством этой семьи. Отсюда вытекает и функциональность данного института – подготовка к успешному включению невесты в новый род; психологическое привыкание

к будущему статусу, мужу, родственникам, а также особенностям, существующим в данной семье. Для родственников мужа этот период также служил временем привыкания к будущему члену семьи, и временем для подготовки к свадьбе.

Таким образом, предсвадебный период состоит из нескольких последовательных обрядов направленных не только на единение двух коллективов, двух молодых людей, на последовательные включения молодых в противоположные родственные группы, а также на отделение невесты от своего рода. Именно на этом этапе закладываются основы благоприятной будущей совместной жизни, как в экономическом отношении, так и в психологическом. Наряду с решением хозяйственных вопросов используют элементы охранительной и продуцирующей магии. Действия, на протяжении всего предсвадебного периода, затрагивали в основном молодых и две ограниченные группы: по половозрастному признаку – друзей и подруг, и по семейному признаку – родителей молодых и близких родственников. И только сама свадьба придавала всем этим действиям социальную и общую значимость.

Свадьба. В традиционной культуре определяющими факторами во времени проведения свадеб являлся лунный и хозяйственный календарь, поэтому играли свадьбы на старую луну и до наступления сенокоса. В день самой свадьбы, с утра, топится баня в доме жениха и в доме посаженных родителей, и считается, кто раньше помоеется в бане, жених или невеста, тот и будет главой семьи. Традиционно, баня перед свадьбой у многих народов считается ритуалом очищения, а в жизни марица баня есть обязательный этап в переходных моментах жизни, таких как рождение, свадьба, смерть, перед жертвоприношением.

Коллективность на мариинской свадьбе это неизменный атрибут, причем приглашаемые на свадьбу – *пурам йўаш* (пить квас) не просто гости, а полноценные участники ритуала. Свадьба начинается в доме жениха, куда собираются гости, всех их встречает *ончылно шогышо* (букв. впереди стоящая), которая угощает всех квасом. Свадьбой руководит *сўанвуй* – свадебный голова, который призывает участников свадьбы, в особенности, *сўан вате* и *сўан мариий* – *влак* (мужчины и женщины - запевалы), провести праздник весело, дружно и ответственно подойти к выполнению своих функций. Супруге свадебного головы мать жениха вкладывает в руки каравай хлеба на полотенце с воткнутой посередине монетой, а самому руководителю *онгыр* замотанный в большой платок с кистями. В этот момент колокольчики еще не издают звуков. Зачинатели свадьбы начинают танцевать, протанцевав 3 круга, женщина передает каравай *ончылно шогышо* девушке, а *сўанвуй* этим колокольчиком ударяет по спине *саус* с наставлениями для проведения хорошего праздника. *Онгыр* передается дружке (*саус*), а платок передается *карт вате* (старшая женщина). Таким образом, руководители, положили начало свадьбе, передав частички своей власти: хлеб, платок и *онгыр*. В этом смысле, значение последнего сходно со значением скипетра как символа власти, полномочий и мужского начала. Теперь свадьбой руководит *карт вате* и ее муж – *карт кугыза*. Мать жениха передает им право потчевать всех гостей и вручает им выпивку и мешок с гостинцами для посаженных родителей невесты (спиртное, три круглых хлеба, и сливочное масло). Свадьба в доме жениха продолжается угощениями, а женщины-запевалы поют песни-обращения, песни-наказы к каждому из присутствующих при этом, предлагая выпить тому, к кому обращена песня. Перед самым выходом дают движение свадьбе путем обхода вокруг стола три раза, также как в доме невесты.

Во дворе производится формирование свадебного поезда, во главе которого находятся жених с *кугу вене* (букв. большой, старший зять - обычно выступает в этой роли брат жениха) и *саус*, за ними *сўан вате* и *сўан мариий-влак* с музыкантами, далее уже остальные участники свадьбы. Наши полевые материалы зафиксировали следующее: жених со своей командой шли за невестой пешком, так как проживали в одной деревне. Надо отметить, что в деревне Большесухоязово мужчины –

сўан мари́й-влак, как во время шествия поезда, так и в течение ритуала дистанцируются от женщин, и при этом поют так же замечательно. Подобное расположение участников свадьбы в поезде объяснимо его апотропеическими функциями, которое выполняют музыка, хлопки, песни и яркие платья. Если же девушка живет в другой деревне, то участники размещаются по машинам, или в арендованный автобус, но при этом музыка, песни и сигналы автомобиля продолжают выполнять данную функцию.

Примечательно, что на этом этапе жених вообще не играет никакой роли, он пассивен, зато все его окружение делает все для благополучного проведения свадьбы и дальнейшей жизни, действия в основном направлены на защиту героев ритуала. Из числа взрослых избираются руководители свадьбы, которые призваны руководить ритуалом и следить за его исполнением, коллектив своими действиями способствует благоприятному переходу главных героев ритуала.

В это время девушка устраивает девичник - *ўдыр модыш*, который у восточных мари́йцев начинался ближе к вечеру дня свадьбы. На место проведения девичника отправляется невеста со своими подругами и с посаженной мамой. Особенность девичника заключается в пассивности невесты и ее близких подруг, так они не танцевали, для этого нанимали девушек и парней, которые пели и танцевали под музыку гармониста. В это время в доме посаженных родителей происходит гуляние, туда прибыл жених со своей свитой. *Пуртымo ава* идет в клуб к невесте, и предупреждает, что пришел за ней жених, и она должна встряхнуть (*почкаш*) свой *шовыр*. Невеста со своими подругами выходила на улицу, встав лицом к восходу солнца, снимала кафтан, встряхивала и заново одевала, затем снова садилась на свое место. В этом выходе на улицу – в смене пространства и в смене (обновление после встряхивания) одежды мы склонны видеть отделение, удаление от своей половозрастной группы и подготовку вхождению в другой коллектив.

Пока свита жениха угощается дома у посаженных родителей, жених со своими ближайшими помощниками ждет *пуртымo ава*, которая вручала *саусу* кружку кваса, и после этого, они с женихом и *кугу венге* шли на девичник. Придя на девичник они, в последовательности: *саус*, с кружкой кваса в руке, жених и *кугу венге*, проходили за стол, где их ждали невеста с подружками. *Саус* передавал квас невесте и сам шел в пляс, жениху квас наливали *ончылно шогышо*, и он оставался рядом с невестой. *Саус* должен протанцевать три круга, а *кугу венге* в это время всех поит квасом. Прделав это, они подходят к столу и уводят жениха обратно в дом посаженных родителей. Такой маршрут они должны проделать три раза, и на последний раз с ними на девичник приходят несколько пар *сўан вате*, к приходу которых невеста уже готова: накидывает на голову белый платок с кистями, одевает черный кафтан (*шeм пeшмeт*) поверх белого. Основные участники ритуала *саус*, жених, невеста, *кугу венге*, *ончылно шогышо*, именно в такой последовательности, проходят три круга вокруг стола и направляются в дом посаженных родителей, тем самым символизируя продолжение разворачивания ритуала и отделение от группы сверстников. В контексте теории обрядов перехода, покрывало окончательно отделяет девушку от своей группы и она остается в этом положении – промежуточном этапе – до момента возрождения в новом статусе и включения в новый род. Невеста вышла, сняла и встряхнула свой кафтан, переделась в черный кафтан и накрылась платком как покрывалом, тем самым она стала другой, пусть только внешне, но не такой, какой была с группой подружек. И она остается с покрытой головой до момента, когда ее станут считать «своей» в другой группе, то есть после того как она одарит новых родственников и вкусит вместе с женихом пищи. Так, *ўдыр модыш* как этап в свадебном ритуале призван манифестировать ритуальную смерть девушки и ее окончательное отделение от половозрастной группы сверстников.

В то время, пока невеста со своими подружками наблюдает за *ўдыр модыш*, к дому посаженных подъезжает свадебный поезд жениха, здесь им уже никто не преграждает путь, а наоборот – выхо-

дят даже на встречу с хлебом и квасом. В доме посаженных родителей накрыт стол, за которым сидят гости и соседи. Первыми заходят жених с *кугу вене* и *саус*, за ними участницы свадьбы – женщины запевают с песням, а потом и мужчины. Песнями пришедшие выкупают себе места, а в это время жених со своими товарищами приводил с девичника невесту, молодых усаживали во главу стола, а остальные вкушали пищу стоя. После угощений невеста своих посаженных родителей одаривает вещами – *нэстям чикта*, в ответ они выкрикивают, что они подарят: либо теленка, либо ягненка или гуся; выпивают и переодеваются в подаренное. Подобный способ одаривания – выкрикивание будущего подарка есть еще одна особенность восточномарийской свадьбы. Раздав подарки, главные участники проходили по солнечному кругу три раза вокруг стола и направлялись к выходу. *Ончылно шогышо* на сиденье того транспорта, на котором поедут молодожены, клала подушку, молодожены должны были сесть на нее вместе. По дороге в дом жениха свадебный поезд должен обязательно остановиться на полпути, в это время посаженная мама кормит молодых хлебом, маслом с солью и угощает остальных участников поезда. Мы уже говорили, что дом посаженных родителей находится на стороне жениха, так как это родственники их или друзья, поэтому редко когда дом посаженных и дом родителей жениха находятся в разных населенных пунктах. Использование транспорта лишь подчеркивает символическое значение дальности пути ритуально умерших молодых. Напрашивается аналогия с последним путем покойника, когда движение процессии медленно и опосредовано транспортом. Отношение этих путей объяснял А. К. Байбурин (1993: 112) совмещением реальной дороги и мифологического пути в иной мир. «Независимо от реального расстояния от дома до кладбища (или от дома невесты до дома жениха в свадьбе), путь изображается дальним, трудным и опасным». Поэтому же необходимо остановиться и подкрепиться едой и «укрепиться» алкоголем. В тех местах, где путь действительно длинный, принято останавливаться раза три, при этом *сѳан вате* поют и танцуют, а *саус* и *кугу вене* угощают всех водкой и закуской.

По приезду к дому жениха, свадебный поезд не въезжает во двор дома, а останавливается перед воротами, *саус* заходит в дом и спрашивает разрешения у родителей, можно ли заехать во двор. Так он ходит спрашивать три раза, и, в конце концов, родители дают разрешение. А. ван Геннеп (1999: 123) связывает такое поэтапное вхождение в дом с обрядами, имеющими отношение к порогу: так, добиваются добровольного согласия «сообщества, в которое вступают». Но здесь важно отметить, именно на этом этапе впервые невеста начинает говорить, появляется диалог с невестой. То есть, у нее раскрываются органы речи, этим начинается ее возрождение в доме жениха, она входит в мир людей.

У входа во двор на дорогу стелили старую овчину, а под нее клали железный предмет, через который должны были пройти жених с невестой. Присутствие шкуры животного в момент заключения какого-нибудь союза, будь то юридического, дружественного или брачного, известен у многих народов. Также шкуру связывают с детородной функцией женщины. Вместо шкуры многие используют подушку, на которую должны встать молодые, спускаясь с коляски, с посылом, чтобы совместная жизнь была мягкой. Думается, что использование подушки было заимствовано с татарских свадеб (Ахмаров 1907: 25) и имеет отголосок использования шкуры – пух, которым набивают подушки, своеобразная «шкура» птиц. В некоторых местах на овчину бросали серебряные монеты, и невеста должна была взять одну монету и забросить на крышу, таким образом, она выкупала «порог» дома, где ей предстоит жить. *Ончылно шогышо* со стороны жениха передает веник *саусу*, который подметает путь молодым до дома. Здесь явно выраженное представление о венике, как имеющем силу изгонять нечистую силу и сметать порчу. В некоторых областях, с целью защиты от злых духов, по приезду молодых раздаются три выстрела. Сразу же по приезду невеста начинает одаривать родственников. В этом ей помогает *пуртым* *ава*, *саус*, *ончылно шогышо*. Гости благодарят не-

весту за ее подарки, желают молодым благополучия и обещают им подарить кого-нибудь из домашних животных, например, *шочшаш пярән* – ягненка, который должен родиться в будущем (гуся, овцу и т.д.). Вручив всем подарки, молодые, наконец, усаживались за стол, и невеста открывала свое лицо – снимала большой платок, или же дружка сдергивал его. Одарив всех подарками, тем самым показав свое добровольное и доброжелательное вступление в брак, вкусив совместно пищи (отожествляя себя с этой группой), она, начинает путь принятия в новое общество, возрождается, посредством обретения способности видеть, в новом качестве. Прием пищи был также обставлен символикой: половину съест жених, а другую – ест невеста, или же, ели одной ложкой. Использование одного прибора, одного блюда, употребление одного и того же, также как и сидение на одной подушке есть элементы обряда единения (см. ван Геннеп 1999: 122). На этом этапе молодые начинают возрождаться, раскрываются в новом статусе, поэтому все их первые действия имеют глубокий смысл, так как определяют жизненные события совместной жизни (магия первого дня). После проводов всех гостей молодых отводили летом в амбар, а зимой топили баню и стелили там постель. Укладывание молодых не в доме связано, по мнению А. К. Байбурина (1993:84) с их переходным состоянием. Молодую пару сопровождали на брачную ложе *саус* и *ончылно шогышо*. По некоторым данным *саус* шел подметая дорогу веником – отгоняя нечистые силы (Иванов 1915: 178). Часто рядом, или даже в брачную постель под подушку клали предметы женского или мужского обихода, в зависимости от того, кого хотели видеть в лице первенца – мальчика или девочку. *Саус* три раза ударяет кнутом для благословения, ранее же ударяли саму невесту, пока она не успела лечь спать. Кнуту приписывались очистительные и продуцирующие свойства, поэтому, ударяя молодую кнутом, он, таким образом, ритуально очищал ее и повышал ее плодовитость (Зорин 2001: 134). Иногда приговаривают: *Коктын возын, кумытын кынешла* – ложась вдвоем, вставайте втроем. Неоднократное применение кнута по отношению к невесте, а также частушки ее принижающие, подчеркнутая субординация по отношению к мужу, все это вполне соответствует ее лиминальному положению, характеризующее пассивностью и униженностью, лишением знаков отличия с тем, чтобы их обрести в новом статусе. По мысли В. Тэрнера, пассивность и униженность символизирует одновременно и могилу и утробу (Тэрнер 1983: 170), в которую погружается ритуально умерший.

Послесвадебный период начинается на следующее утро и проводился в трудах для молодой жены. В этот день молодая невеста ходила за водой и обращалась к Матери-Воде (*Вүд-Ава*) с просьбой о деторождении и благополучной жизни. Изначально, в этом обряде учувствовали лишь невеста и *ончылно шогышо*, но сейчас уже ходит и молодой супруг. Поход за водой в своем ритуальном значении важен для будущего деторождения, а в социальном значении для приобщения к семье, к хозяйству. Не случайно первым актом послесвадебного периода является поход за водой, после этого молодой снохе приходится выполнять работу, непосредственно связанную с использованием воды: испечь блины (сварить лапшу), помыть полы, истопить баню. Вода в бане, имеющая функции очищения, после брачной ночи снимает переходное состояние жениха и невесты. Апофеозом второго дня свадьбы является дегустация блинов молодой невестой (*у шешке мелна* у восточных мари; *оръен мелна* у луговых мари). В этот день *ончылно шогышо* моет полы, невеста замешивает тесто из тех продуктов, которые ей отправляла мама (клала в сундук). Этими блинами угощали всех, кто приходил посмотреть на новую сноху. В этот же день невеста меняет интерьер дома жениха: вешает новые шторы, тюль – ранее развешивали полотенца, расстилает скатерти, покрывала, накидки, т.е. то, что привезла с собой в качестве приданого. Эти вещи показывали мастерство невесты и поступали в ведение новой семьи, с другой стороны, невеста создавала себе благоприятный микроклимат, развешивая вокруг себя свои же вещи. Однако трудовые испытания не являлись проверкой хозяйственных способностей, в полном смысле, они несли в себе функцию приобщения молодой же-

ны к уже устоявшемуся укладу семьи мужа. Несколько позднее, а иногда и на второй день свадьбы, молодая жена меняет головной убор на убор замужней женщины, также меняется ее имя, теперь ее называют по имени мужа, например *Алексей вате* (буквально жена Алексея т.е. Алексеиха), после рождения детей уже называли по имени детей *Йыванын аваже-ачаже* (родители Ивана). Таким образом, послесвадебный период в традиционной свадьбе мари имеет большое значение для возрождения невесты в новом качестве замужней женщины. Все первые действия в новом качестве имеют ритуальный смысл: обряд похода за водой, и обряд выпекания первых блинов направлены на благополучное исполнение роли жены, матери, хозяйки. Подтверждением рождения «нового человека» в семье мужа является смена имени невестой, обретение новых форм обращения, смена головного убора с девичьего на женский. Именно этот этап убеждает нас в том, что и вся свадебная обрядность направлена на невесту, так как изменения касаются в большей степени ее.

При анализе свадебного комплекса стало ясно, что выделение в свадебном комплексе трех этапов – предсвадебный, свадьба и послесвадебный – несколько спорно по отношению к восточным марицам. Невеста надевает свадебный костюм два раза, первоначально в доме родителей, и во второй раз в доме посаженных родителей соответственно, жених приходит за невестой два раза. Таким образом, второй этап – свадьба, несколько растянут, и захватывает некоторые обряды предсвадебного этапа, при приведенной классификации. Такое проведение свадеб два раза, у невесты и жениха, наблюдается у татар, правда выражено у них это ярче, жених остается жить даже на некоторое время у невесты (Уразманова 2004: 129, 130). Проживание в поликультурном регионе отразилось также и на традиционных ритуалах, элементах костюма, в песнях. Считаем, что главной особенностью свадебного комплекса восточных мари является девичник – *ўдыр модыш* и функции посаженных родителей – *пуртымo ава-ача*, что отражает культурные взаимовлияния, существующие в регионе.

Высокая функциональность, субординированность выражают патриархальные устои традиционного марицкого общества и объясняют главенствующую роль мужчин (во время сватовства) и постепенно возрастающую роль женщин (в послесвадебных обрядах) в приобщении нового члена к своему обществу. С этим же связана строгая субординация участников свадьбы и четкое исполнение своих функций, особенно это видно в роли *сауса*, музыкантов и *сўан вате*. На всех этапах свадебного комплекса действуют принципы коллективности, массовости, взаимовыручки и поддержки, сохранившиеся еще со времен патронимии. Так, все пришедшие на свадьбу не праздные гости, а участники, которые приходят с гостинцами на праздник.

Данный ритуал – свадебный комплекс – необходим героем ритуала – жениху и невесте – в совершении перехода, перехода из одной социальной и половозрастной группы в другую. Культурный текст невесты представлен наиболее широко, так как именно она кардинально меняет свой статус, текст жениха выражен слабее, в силу того, что его статус меняется лишь в ограниченных рамках. Совмещая теории обряда перехода и идею возрождающейся смерти с общей структурой ритуала отмечаем, что первая часть ритуала направлена на отделение невесты от своей родственной, социальной и половозрастных групп, на постепенное единение с женихом; на приведение себя путем ограничения своих действий и функций к ритуальной смерти. Так, невеста до прихода в дом жениха почти не говорит, не ест, закрывает лицо платком, не танцует, то есть практически умирает. На данном этапе особо яркое выражение получили ритуально-магические действия, направленные на предотвращение вредоносного воздействия потусторонних сил, защиту невесты от них, а также участников ритуала от самой невесты как временно лиминального существа – апотропеические (предохранительные) обряды. Вторая и третья часть ритуала направлена на возрождение невесты в новом качестве и на единение с новым родом: по прибытии к дому жениха она начинает говорить,

производит действия (одаривание), снимает платок, вкушает пищу и на второй день активно действует (идет за водой, стряпает блины, топит баню), доставляет окончательно приданое на новое место жительства. На этих этапах определяющую роль играет магия первого дня, в связи с тем, что невеста, по сути, новорожденная, начинающая новую жизнь, а также элементы карпогонической (продуцирующей) магии в связи с функцией продолжения рода. Линия ритуального поведения невесты: заворачивание–разворачивание перекликается со схемой смены пространства: уходя из своего дома в дом посаженных родителей, потом переходит в дом жениха, после свадьбы идет обратный процесс разворачивания пространства.

Идейной основой свадебного обряда мари является идея «через смерть к новому рождению», то есть переход совершается через ритуальное умирание персонажа. Умирая в старом состоянии, герой ритуала теряет все свои свойства, возрождаясь в новом, он заново получает их. Ритуально умирая, он оказывается в лиминальном положении, характеризуемом амбивалентностью, неопределенностью и опасностью, а также пассивностью. Именно коллектив приводит героев ритуала к символической смерти не только посредством лишения функциональности основных органов, но также и особенным ритуальным поведением.

Использованная литература:

Ахмаров Г. Н. Свадебные обряды казанских татар//Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Вып. 1., 1907. - С. 1–38.

Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточно-славянских обрядов. - СПб: Наука, 1993.

Геннеп, ван А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, 1999.

Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал. - М.: Наука, 2001.

Иванов П. Верования и обычаи черемис Бирского уезда Уфимской губернии. – ВООУ (III научный отдел). №4, 1915. - С. 172–182.

Козлова К. И. Восточные марицы//История, Археология, Этнография мари. Труды МарНИИ, вып. XI. Йошкар-Ола, 1958. - С. 110–122.

Мендияров Г. О черемисах уфимской губернии. – ЭО кн.22 №3, 1894. - С. 33–53.

Смирнов И. Н. Обрядовые параллели в традиционных свадебных ритуалах марицев и русских. – Этнокультурные традиции марицкого народа. - Йошкар-Ола: МарНИИ, 1986. - С. 98–124.

Смирнов И. Н., Попов Н. С. Марийская свадьба//Марийцы. Историко – этнографические очерки. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. - С. 156–173.

Тэрнер В. Символ и ритуал. - М.: Наука, 1983.

Уразманова Р. К. Семейные обычаи и обряды: свадебные, связанные с рождением ребенка, похоронно-поминальные//Этнография татарского народа. Казань: Магариф, 2004. - С. 127–140.

Федянович Т. П. Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало – Поволжья. - М., 1997.

ИСТОЧНИКОВЫЙ ДЕПОЗИТАРИЙ

*Кирюшин С.В.,
Чухланцева А.И.
БФ БашГУ, г. Бирск*

ШТАТНОЕ РАСПИСАНИЕ БИРСКОГО УЧИТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА НА 1946 Г.¹

Приказ № 131

По Бирскому Государственному Учительскому институту

7 сентября 1946 г.

На основании протокольных решений кафедр утвердить на 1946-47 учебный год следующую учебную нагрузку профессорско-преподавательского состава и в соответствии с приказом ВКШ при СНК СССР от 9 марта 1946 года №111 установить нижеследующие месячные оклады жалования:

По кафедре основ марксизма-ленинизма:

1. Степанову А.М., доценту, зав. Кафедрой, имеющему стаж педагогической работы в вузах 9 лет, преподавание основ марксизма-ленинизма на 2 курсах 472 часа, с выплатой ему ставки доцента 2300 рублей и за заведывание кафедрой 20%, т.е. 472 руб.

2. Поповой Е.Д. ст. преподавателю, имеющей стаж педагогической работы в вузах 3 года, преподавание марксизма-ленинизма на 1-х курсах 686 часов, с выплатой полной ставки ст.преподавателя в размере 1200 руб. в месяц;

По кафедре истории:

3. Аминеву З.А. ст.преподавателю, и.о. зав.кафедрой, имеющему стаж преподавательской работы в вузах 6 лет, - историю СССР на 2 курсе исторического отделения и на 1-х курсах литературного отделения, всего 343 часа, с выплатой половинной ставки ст. преподавателя – 750руб. и за заведывание кафедрой 20% от ставки ст.преподавателя – 300 руб. в месяц.

4. Гувженко Г.И. доценту, кандидату наук, имеющей стаж педагогической работы в вузах 11 лет, - историю СССР на 1 курсах исторического отделения 288 часов, с выплатой половинной ставки доцента, кандидата наук – 1600 руб. в месяц.

5. Татьянкину А.М. ассистенту, имеющему стаж педагогической работы в вузах 1 год, - всеобщую историю на 1 и 2 курсах исторического отделения и по заочному сектору всего 740 часов, с выплатой ему полной ставки в размере 1050руб в месяц.

6. Кац С.Е. ассистенту, имеющей стаж педагогической работы в вузах 4,5 года, - преподавание методики истории на 2 курсе исторического отделения, Конституции СССР на 1 и 2 курсах и руководство педагогической практикой, всего 414 часов, с выплатой ей половинной ставки ассистента, в размере 525 рублей;

По кафедре языка и литературы:

7. Кропачевой А.М. ст.преподавателю, имеющей стаж педагогической работы в вузах 4 года, - преподавателю Современного русского языка, методики и литературы, всего 809 часов, с выплатой ей полной ставки ст.преподавателя, в размере 1200 руб. в месяц.

8. Чирковой З.М. ст. преподавателю, имеющей стаж педагогической работы в вузах 3 года, - преподавание истории русского языка и литературы, детской литературы 727 часов ДО, по заочному сектору 100 часов, а всего 827 часов с выплатой ей полной ставки ст. преподавателя в размере 1200 руб. в месяц.

¹ Архив БирГСПА. Книга приказов 1946 г. Лл. 246-250.

9. Шачковой Н.В. ассистенту, имеющей стаж педагогической работы в вузе 2 года, - преподавание русского языка с годовой нагрузкой в 468 часов. Выплачивать ей половинную ставку ассистента, в размере 525 руб. в месяц.

10. Гильмиярову В.Г. ст. преподавателю, имеющему стаж педагогической работы в вузах 2 года - преподавание татарского языка, методики и руководство педпрактикой - 816 часов, с выплатой полной ставки ст.преподавателя в размере 1200 руб. в месяц.

По кафедре педагогики:

11. Райскому П.П. ст.преподавателю, имеющему стаж педагогической работы в вузах 5,5 лет, - преподавание педагогики 1018 часов, с выплатой ему полной ставки ст. преподавателя в размере 1500 руб. в месяц.

По кафедре естествознания и географии:

12. Баранову С.А. доценту, зав. Кафедрой, имеющему стаж педагогической работы в вузах 18 лет, - преподавание ботаники, основ дарвинизма и методики - 854 часа, с выплатой ему ставки доцента, не имеющего ученой степени, в размере 2700 руб. в месяц и за заведывание кафедрой 20% - 540руб.

13. Ивановой В.А. ст. преподавателю, имеющей стаж педагогической работы в вузах 1 год, - преподавание географии 797 часов, с выплатой ставки ст.преподавателя в размере 1200 руб. в месяц.

14. Барановой Г.С. ассистенту, имеющей стаж педагогической работы в вузах 3 года, - преподавание химии, методики химии, общая физгеография и педагогическая практика 839 часов, с выплатой полной ставки ассистента в размере 1050 руб. в месяц.

**** (текст отсутствует)*

20. Зеленко П.С. ст. преподавателю, имеющему стаж педагогической работы в вузах 8 лет, - преподавание физики на 1 курсе и заочном отделении - 725 часов, с выплатой полной ставки ст. преподавателя в размере 1500 руб. в месяц.

21. Акатьеву Н.С. ассистенту, имеющему стаж педагогической работы в вузах 1 год, - преподавание физики на 2 курсе и ведение практических занятий на 1 курсе и заочном отделении - 752 часа, с выплатой полной ставки ассистента в размере 1050 руб. в месяц.

22. Гурьянову Ф.А. ст. преподавателю, имеющему стаж работы в вузах 1 год и 30 летний педагогический стаж работы в средней школе - преподавание методики физики и техники школьного эксперимента, руководство пед.практикой и преподавание на заочном отделении - 363 часа, с выплатой полной ставки ст.преподавателя в размере 600 руб. в месяц;

По военно-физкультурной кафедре:

23. Безрукову И.Д. ст. преподавателю, имеющему стаж педагогической работы в вузах 7 лет, - преподавание физкультуры на 1 курсах 840 часов, с выплатой полной ставки ст.преподавателя в размере 1500 руб. в месяц.

Директор института: Гужвенко Г.И.¹

¹ Гужвенко Г.И. - кандидат исторических наук, директор Бирского Учительского Института в 1943-1950 гг., затем доцент кафедры истории СССР советского периода Башгосуниверситета до 1981 г. Умер и похоронен в г. Бирске 13 декабря 1992 г. (могила обнаружена в 2013 г. доцентом Р.Р. Хамидуллиным).

*Назмутдинова О.Р.
БФ БашГУ, г. Бирск*

КОНТРАКТЫ О НАЙМЕ НА РАБОТУ С ГИЛЬДЕЙСКИМИ КУПЦАМИ Г. БИРСКА

Ниже представлены извлечения из двух архивных документов, хранящихся в фонде И-107 «Бирский уездный суд» в Центральном историческом архиве Республики Башкортостан под общим названием «Книга записей и договоров, условий и доверительных писем, засвидетельствованных в Бирском уездном суде». Документы датируются 1829 – 1830 гг. Стилистика текста документов, орфография сохранены.

Контракт, заключенный между мещанином Мекешиным и Иваном Федоровым Мясниковым о найме Мекешина продавцом вина при бирском питейном сборе.

5 марта 1829 г. я, нижеподписавшийся, дал сей контракт господину содержателю уфимских и прочих городов Оренбургской губернии питейных сборов ростовскому купцу первой гильдии Ивану Федорову Мясникову в том, что договорился я за 60 рублей годовой платы у него от вышеписанного числа впредь один год быть в услужении при бирских сборах винопродавцом...

Обязуюсь почитать в отпращении должности главный закон, исполнять ваши приказания (от доверенного вашего тоже), не только сохранять пользу вашу, но и искать оной.

За нарушение контракта отвечаю денежным платежом (в случае убытков по моей вине).

... вино продавать без приливу воды ... на безчестные ухватки, могущие огорчить покупателя, не покушаться, но обходиться с ними учтиво, скромно и добровольно...

Питейные дома и штофные лавочки держать в чистоте и опрятном виде, как и посуду ... в питейный дом кроме полицейских и доверенных от вас лиц ночью не пускать ... с порочными людьми сообществ не иметь ... распутных женщин в питейном доме не держать ... азартные и противные благопристойности игры воспрещать.

ЦИА РБ. Ф. И-107. Оп. 1. Д. 156. Л. 21-22.

Контракт, заключенный между Павлом Максимовичем Максимовым и содержателем бирских и мензелинских питейных сборов верхотурским купцом Павлом Александровичем Бронниковым.

Я, нижеподписавшийся ... заключил сей контракт с содержателем бирских и мензелинских питейных сборов верхотурским первой гильдии купцом Бронниковым Павлом Александровичем в том, что обязуюсь быть в услужении по управлению питейными сборами на следующих условиях: действовать по доверенности (распоряжение и наблюдение по всем делам откупа...); внимательно следить за изготовлением вина, питей, посуды, осуществлять продажу в установленных местах; нанимать к службе людей благонадежных ... в случае, если в должности окажутся неблагонадежные или вредные сборам, отказывать... в случае причинения убытков – штрафовать ... в долг питей не раздавать ... следить, чтобы не было нигде по откупу кормчего курения и продажи вина против откупа; вести записи «приход-расход», комерционные книги, в письменном виде уведомлять о ходе дела ... дожидаться письменного разрешения (или словесного) от вас в случае увольнения служащих...

ЦИА РБ. Ф. И-107. Оп. 1. Д. 154. Л. 42 об.-44.

Сергеев Ю.Н.
БФ БашГУ, г. Бирск

**РЕЧЬ РЕКТОРА БИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА К. Ш. АХИЯРОВА, ПОСВЯЩЕННАЯ 40-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА¹
БИРСКОМУ ПЕДИНСТИТУТУ - 40 ЛЕТ!**

(Текст доклада тов. АХИЯРОВА К.Ш. от 31 октября 1979 г.)

Сорок лет - небольшой отрезок времени для истории, но для Бирского государственного педагогического института - это огромный путь создания высшей педагогической школы, задачи которой всегда были неотделимы от основных социально-экономических задач советского общества на каждом историческом этапе его развития.

В истории каждого государства, народа, высших и средних учебных заведений есть вехи, которые с годами становятся этапами их исторического развития. Такие этапы закономерно присутствуют и в истории нашего института.

Первый этап в истории Бирского пединститута охватывает период с 1919 года по 1921 год. Это были годы, когда УШ съезд РКП(б) (март 1919) принял вторую программу партии, определившую главные задачи молодого Советского государства и в области народного образования, когда был принят разработанный по инициативе В.И.Ленина подписанный им декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» (26 декабря 1919 г.), когда Советское правительство выступило с «Декларацией прав народов России». В течение 1919-1920 годов были созваны в Москве и на местах съезды по просвещению нерусских национальностей (М., 1919, Казань 1919, 1920). В этот же период начинается усиленная работа по подготовке национальных педагогических кадров, по изданию национальных учебников, по созданию алфавита для народов, не имевших письменность.

Организационные мероприятия Советского правительства были особенно важны для Башкирии, в том числе и для Бирска, где невежество, отсталость населения поддерживались царским правительством и духовенством. Уже летом 1919 года в Бирске были организованы трехмесячные учительские курсы, которые выпустили более 200 спешно подготовленных учителей. В январе этого же года открывается татарская учительская семинария, преобразованная позднее в трехлетние педагогические курсы, просуществовавшие до 1922 года.

Курсовая подготовка в Бирске составляла важнейший резерв формирования учительских кадров для северных районов Башкирии; ибо потребности в учителях превосходили возможности их подготовки стационарными учебными заведениями.

Второй этап истории развития института начинается в 1922 году и заканчивается в 1939 году.

1. В эти годы партия и правительство уделяли много внимания среднему педагогическому образованию. Достаточно сослаться на следующие цифровые данные. В 1925-1923 учебном году в стране имелось 354 педагогических техникума со школами, дошкольными и политико-просветительными отделениями.

2. Многие перспективные и насущные вопросы подготовки педагогических кадров получили всестороннее рассмотрение и решение на Всероссийской конференции по педагогическому образованию в феврале 1924 года и Первом всесоюзном съезде учителей, проходившем в январе 1925 года.

3. Конференция 1924 года, созванная по инициативе научно-педагогической секции ГУСа, обсудила доклады Н.К. Крупской «К вопросу о реформе педагогического образования», Н.Н.

¹ Архив БирГСПА. Юбилей БирГПИ. Текущие дела. Лл. 1-4.

Иорданского «Роль педтехникумов в переподготовке учительства», С.Т. Шацкого «Организация педагогической практики в учреждениях народного образования» и др. Конференция разработала дальнейший курс строительства педагогической школы, определила пути и методы укрепления связей институтов и техникумов со школой и производством, сформировала основные требования к педагогу, приняла рекомендации об унификации содержания подготовки учителей и улучшении педагогической практики студентов и т.д.

4. В 1924 году вышли новые учебные планы и новое положение о педтехникумах.

Примечательное явление первого десятилетия развития педагогического образования в СССР - возникновение и развитие педагогических техникумов в союзных и автономных республиках. Так, Башкирия в этот период имела педагогический вуз и 7 педагогических техникумов, в их числе Бирский педагогический техникум, созданный в 1922 году на базе трехлетних педагогических курсов.

В Бирском педагогическом техникуме было школьное, дошкольное и политико-воспитательное отделение и два подготовительных отделения. Срок обучения - 4 года. Преподаватели Бирского педтехникума отличались сравнительно высокой подготовкой. Многие из них в прошлом работали в Бирском реальном училище. Это педагоги М.А. Коровкин, С. А. Баранов, А.Я. Тляев, М.А. Лещенко и др. Являясь культурным центром города и района, техникум активно участвовал во всех общественно-политических и хозяйственных мероприятиях, проводимых партией и правительством.

Сегодня мы вновь с гордостью называем имена тех, кто в разные годы учился в педагогическом техникуме и педагогическом училище. Вот их имена: З.Н. Нуриев - заместитель председателя Совета Министров СССР; С.Р. Рафиков - Президент Башкирского филиала Академии наук СССР; ученые А. Усманов, В. Сулейманов, писатели Г. Амири, А. Дарнай. Н. Наджми, Гилемдар Рамазанов, Е. Нечаев, военачальники - генералы С. Тагиров, Г. Хусаинов, герой французского сопротивления Б. Фатхинуров и другие.

Третий этап развития Бирского государственного педагогического института охватывает период с 1939 года по 1952 год.

В 1934 и 1935 годах, в связи с введением всеобщего семилетнего обучения и острой нужды в кадрах для неполных средних школ, в стране были организованы учительские институты. Некоторые из них возникали на базе педагогических вузов, они создавались и как самостоятельные учебные заведения. Только в 1939 году в РСФСР было открыто 50 учительских институтов, в их числе и Бирский государственный учительский институт.

В 50-е годы сеть учительских институтов постепенно сокращалась, ибо средняя школа требовала учителей с высшим образованием и в стране созрели условия для дальнейшего развития педвузов. В 1952 году на базе учительского института был создан Бирский государственный педагогический институт.

Заканчивая краткую характеристику этого этапа, следует отметить, что Бирский учительский институт успешно выполнял свою функцию по подготовке учителей V-VII классов. Это было для своего периода нужное, но временное учебное заведение, вызванное к жизни острым недостатком кадров в связи с введением всеобщего семилетнего образования.

Таким образом, педагогические курсы, училище и учительский институт заложили прочные основы развития высшей педагогической школы в г. Бирске.

Следующий, четвертый этап развития нашего института начинается с 1952 года и продолжается до настоящего времени.

С февраля-марта 1952 года началась летопись Бирского государственного педагогического

института. Перелистаем некоторые страницы этой летописи.

Примечательно то, что сегодня 40-летие со дня основания Бирского государственного учительского института наш коллектив встречает в обстановке огромного политического и трудового подъема, вызванного постановлением ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» и постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов».

Успешное выполнение задач по повышению качества подготовки специалистов и всей деятельности высшей школы зависит прежде всего от наличия научно-педагогических кадров.

Почетен труд преподавателей и вместе с тем ответственен и нелегок. Педагог должен пробуждать у молодежи любовь к своей специальности, быть умелым воспитателем и наставником молодого поколения. Наши преподаватели щедро делятся своими знаниями со студентами, не жалея сил для их обучения и воспитания. Своим творческим самоотверженным трудом они внесли и вносят большой вклад в подготовку и воспитания многих поколений будущих учителей. Сегодня мы все с уважением можем назвать имена преподавателей Раззадорина Н.П., Мингалеевой М.М., Петровой З.П., Кирилловой Д.Ю., Гайнуллина Ф.Ф., Сафиуллина А.З., Хабирова А.Х., Белоногова Е.В., Рылова В.В., Гареева А.А., Варисова А.З., Янгировой С.Я., Петишева А.А., Котельникова В.К., Саяпова М.Ш., Шагинурова Э.А., Нуриахметова Г.М., Хильманович Г.И., Левчука Н.М., Нуриахметовой А.Г., Швецова Н.Г., Султанова Ф.Ф., Винокурова П.П., Мартусевича Н.Ф., Козлова Г.Д.; сотрудников Швецово Р.А., Трегубовой М.В., Федоровой Л.И., Сальникова А.Н., Бадретдиновой Ф.С., Хахалкиной В.М.; студентов-ленинских стипендиатов Воробьевой с факультета иностранных языков, Назипова с физико-математического факультета, Астафуровой с факультета биологии и химии.

Сложные и ответственные задачи, поставленные перед высшей школой партией и правительством, потребовали коренного улучшения подготовки, использования, а также повышения квалификации преподавательских кадров нашего института.

За последние годы значительно выросло число научно-педагогических работников института. Наряду с этим повышался уровень научной и педагогической квалификации нашего коллектива. Сошлемся на некоторые цифровые данные: если в 1952 году профессорско-преподавательский состав составлял всего 32 человека, в т.ч. один кандидат, то в 1979 году мы уже имеем 175 человек, в т.ч. 2 докторов наук и 50 кандидатов наук и доцентов. За последние годы через аспирантуру прошли 30 человек, а через факультеты повышения квалификации - 50 преподавателей. Выполняя решения партии и правительства, за эти годы педагогический коллектив института внес свой вклад в развитие научно-исследовательской работы. Выросло число дипломированных специалистов, созданы три проблемные лаборатории, систематически проводятся институтские научно-теоретические конференции, окрепли связи теоретической работы со школой. Например, в институте разработаны планы практических мероприятий, рекомендаций, определяющих основные участки, на которых должны быть сосредоточены усилия кафедр по оказанию помощи школам и органам народного образования. Эта работа ведется в следующих основных направлениях:

- ведущие ученые подготовили для школ учебно-методические пособия;

- ряд преподавателей института участвует в работе по повышению квалификации учителей в соответствии с новыми требованиями к уровню учебно-воспитательной работы в школе и т.д.

В Бирском педагогическом институте четыре факультета: физико-математический, факультет русского языка и литературы, факультет биологии и химии, факультет иностранных языков, которые насчитывают 13 кафедр.

Повышение качества подготовки специалистов, весь процесс обучения неотделим от воспи-

тания. На современном этапе коммунистического строительства партия ставит перед высшей школой задачу дальнейшего укрепления взаимосвязи образования и коммунистического воспитания. Так, наряду с изучением основ фундаментальных наук, на физико-математическом факультете студенты овладевают методикой преподавания предметов в средней школе, обучаются применению технических средств обучения. Широкого кругозора и глубоких познаний требует учеба на литературном факультете. Овладение языками на факультете иностранных языков идет в ногу с активной общественной работой в группах, на курсах.

Большой популярностью пользуется в институте факультет общественных профессий (ФОП). Студенты, занимающиеся на отделениях ФОПа, овладевают второй профессией. Слушателями ФОПа являются студенты всех факультетов нашего вуза. Вся система занятий на ФОПе направлена на расширение культурного кругозора студентов, на развитие любознательности и навыков общественно-политической работы.

В последние годы все большее значение приобретает непосредственное участие наших студентов в выполнении важных для народного хозяйства работ. Во время трудового семестра наши студенты становятся первыми организаторами проведения полезных и интересных дел на селе, ведут пропагандистскую работу, организуют концерты, читательские конференции, собрание родителей и т.д.

Учебный и воспитательный процесс на всех факультетах направлен на вооружение студентов глубокими общенаучными и профессиональными знаниями, на формирование коммунистического мировоззрения, на развитие политического и культурного кругозора.

Физико-математический факультет института располагает хорошими кабинетами и лабораториями, где студенты с большим интересом работают по механике, молекулярной физике, электричеству, оптике, электротехнике, радиотехнике. На факультете работают около сорока опытных и высококвалифицированных специалистов. За годы своего существования факультет выпустил тысячи физиков и математиков для школ республики. Многие работают руководителями школ и отделами народного образования. Ряд выпускников защитили диссертации и работают в вузах республики.

Под руководством опытных преподавателей студенты участвуют в научно-исследовательской работе. Так, в физическом кружке во главе кандидата физико-математических наук А.З. Варисова занимаются конструированием и изготовлением приборов и установок для физических исследований. Кружковцы создали высоковакуумную установку для получения сверхтонких пленок, различных металлов и полупроводников. Такие примеры можно привести и по другим видам работ.

Есть на факультете и свое студенческое конструкторское бюро, которое занимается изготовлением электронных и электромеханических устройств. Десятки студентов занимаются по математическим проблемам. Наиболее способные после окончания института направляются для продолжения учебы в центральные вузы страны.

В 1972 году факультет русского языка и литературы отметил свое двадцатилетие. За эти годы он выпустил более двух тысяч учителей, которые работают не только в Башкирии, но и далеко за ее пределами.

Кафедры факультета уделяют большое внимание подготовке научных кадров, более 50% членов кафедр факультета - выпускники института, которые успешно защитили диссертации.

Творческое мышление студентов формируется не только в процессе учебной работы, но и в кружках. Студенты увлеченно занимаются по проблемам теории литературы и поэтики, культуры речи и др.

Комсомольская жизнь студентов-словесников интересна и разнообразна. Ленинские зачеты, участие в конкурсах на лучший реферат по общественным дисциплинам, фестиваль «Студенческая весна», студенческие строительные отряды, помощь школам - вот далеко не полный перечень дел, волнующих весь коллектив факультета.

В 1964 году в Бирском педагогическом институте открыт новый факультет - факультет иностранных языков, после чего институт переведен в вуз второй категории. Факультет готовит квалифицированных учителей иностранных языков для средних школ. На факультете два отделения - немецко-французское и английское. Факультет располагает соответствующий учебно-материальной базой, позволяющей вести преподавание на современном уровне, с широким применением технических средств обучения.

В 1979 году факультету исполнилось пятнадцать лет. За это время он выпустил около тысячи специалистов для школ нашей республики и страны.

Факультет биологии и химии располагает светлыми просторными учебными кабинетами и лабораториями, оснащенными современным оборудованием и различной аппаратурой. Студенты успешно работают в лабораториях по неорганической химии, химической технологии, аналитической и биологической химии, ботанике, зоологии, анатомии, геологии, физиологии человека и животных.

На факультете три кафедры, где трудятся около 40 квалифицированных преподавателей, в т.ч. 2 доктора наук и более 20 кандидатов и доцентов. На факультете ведется большая научно-исследовательская работа по актуальным задачам химии, биологии и методики школьного обучения. За время существования факультет сделал четырнадцать выпусков. В школы республики направлено более двух тысяч учителей биологии и химии. Под руководством З.В. Логиновой, А.Д. Ткачева, Е.В. Белоногова и других преподавателей студенты работают над многими актуальными проблемами биологии, зоологии и химии.

Определенных успехов достигли мы в области спорта. Наш вуз, участвуя в смотре-конкурсе на лучшую постановку работы по физической культуре и спорту, уже несколько лет подряд занимает призовые места среди педагогических институтов РСФСР без факультетов физического воспитания.

По итогам работы за 1973-1977, 1977-1978 учебные годы за успехи в спортивной и физкультурно-оздоровительной работе Министерство просвещения РСФСР и Россовет СДСО «Буревестник» наградили Бирский пединститут переходящим Красным знаменем, СДСО «Буревестник» наградили наш вуз грамотой за 1 место в смотре-конкурсе среди вузов СССР по высшему спортивному мастерству. Мастер спорта СССР Игорь Вилков стал членом сборной команды Советского Союза. В сборную команду всесоюзного ДСО профсоюзов включены мастера спорта СССР Позолотина Н., Сметанин О., Чебыкин Б. Участниками сборной команды ЦС СДСО «Буревестник» стали Вилков И., Трапезников В., Сметанин О., Чебыкин Б., Сметанин Р., Позолотина Н.

Необходимым условием подготовки высококвалифицированных педагогических кадров является постоянное деловое содружество института со школами республики. Большая работа ведется институтом по оказанию методической помощи школам, особенно сельским. В научно-методической работе института, городских и сельских школ наметились в основном два направления: одно из них связано с вопросами улучшения политехнической и трудовой подготовки, профессиональной ориентации школьников. Другая проблема - это совершенствование современного урока в школе. Разработка этого вопроса ведется кафедрой педагогики и психологии. Под руководством кафедры педагогики и психологии, комитета ВЛКСМ студенты младших курсов проходят общественно-педагогическую практику. Они работают вожатыми в школах, ведут

кружковую работу, помогает детским комиссиям при милиции и т.д.

В институте есть все необходимые условия для того, чтобы формировать специалиста такого типа, о котором Л.И. Брежнев говорил на Всесоюзном слёте студентов: «Советский специалист сегодня - это человек, который хорошо овладел основами марксистско-ленинского учения, ясно видит политические цели партии и страны, имеет широкую научную и практическую подготовку, в совершенстве владеет своей специальностью». Работая в различных районах республики и страны, наши выпускники оправдают это высокое требование к советскому специалисту.

В этот торжественный час от имени коллектива хочется сказать большое спасибо Башкирскому Обкому КПСС и Совету Министров республики, Бирскому горкому КПСС и городскому Совету народных депутатов за заботу о нашем институте. В заключение разрешите поздравить всех преподавателей, студентов и сотрудников с 40-летием института, пожелать всем больших успехов в деле подготовки высококвалифицированных кадров учителей для современной общеобразовательной школы!

*Хамидуллина И.Н.
МБОУ СОШ № 10, г. Бирск*

Г. ГИЛЕВ – ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ИСТОРИИ БИРГПИ¹

Автобиография

Я, Гилев Георгий Георгиевич, родился 10 апреля 1924 года в г. Бирске БАССР в семье служащего. Мои родители до Октябрьской революции – крестьяне-середняки из деревни Кояново Бирского района.

В 1922 году отец переехал в г. Бирск и до сего времени работает бухгалтером на предприятиях города. Мать – домохозяйка.

Рос и учился в Бирске. В 1940 г. поступил в Бирский Учительский Институт. В 1942 г. по путевке поехал на работу в Покровский район, а затем был призван в РККА в ноябре 1942 г. Находясь в армии, окончил в 1944 г. Рижское Военное училище и в сентябре 1944 г. выехал на фронт в качестве командира минометного взвода. Находился на 1 украинском фронте в 59-й армии. После окончания Отечественной войны демобилизовался и приехал в Бирск в ноябре 1945 года. Был ранен, награжден орденом «Красная Звезда».

Приехав в Бирск, работал военруком в Бирской средней школе №2. В 1946 году поехал учиться в Башкирский Государственный Институт и окончил его в 1948 году.

С 1941 по 1944 годы член ВЛКСМ, с 1944 по 1946 г.г. – кандидат в члены ВКП(б), с июня 1946 г. – член ВКП(б).

Под судом не был, партийных взысканий не имею. Раскулаченных и осужденных родственников нет.

Гилев

ДИПЛОМ Б №448593

Предъявитель сего тов. Гилев Георгий Георгиевич в 1946 году поступил и в 1948 году окончил полный курс Башкирского Государственного Педагогического института имени К.А. Тимирязева по специальности история... и решением Государственной Экзаменационной Комиссии от 1-го июля 1948 года ему присвоена квалификация преподавателя и звание учителя средней школы.

Председатель Государственной Экзаменационной Комиссии – подпись

¹ Архив БирГСПА. Личное дело Г.Г. Гилева. Лл. 6-8.

Директор – подпись
Секретарь – подпись
Г. Уфа 22 февраля 1949 года.
Регистрационный № - 1924.

Приложение к диплому №- 448593
ВЫПИСКА ИЗ ЗАЧЕТНОЙ ВЕДОМОСТИ
/без диплома недействительна/.

Тов. Гилев Георгий Георгиевич за время пребывания в Башкирском Государственном Педагогическом институте им. К.А. Тимирязева сдал следующие дисциплины:

1	Основы марксизма-ленинизма	отлично
2	Политэкономия	отлично
3	Диамат - истмат	хорошо
4	Психология	отлично
5	Педагогика	хорошо
6	Школьная гигиена	зачтено
7	История педагогики	хорошо
8	Иностранный язык (немецкий)	хорошо
9	Древняя история	отлично
10	Средняя история	хорошо
11	Новая история	хорошо
12	История СССР	хорошо
13	Всеобщая литература	хорошо
14	Русская литература	хорошо
15	Спецкурс	зачтено
16	Спецсеминар по истории	зачтено
17	Методика истории	хорошо
18	Основы советского права	зачтено
19	Спецсеминар по педагогике	зачтено
20	Русский язык	хорошо
21	Педпрактика	отлично
22	История Востока	зачтено
23	История Башкирии	зачтено

Сдал государственные экзамены по следующим дисциплинам:

1	Основы марксизма-ленинизма	отлично
2	История СССР	хорошо
3	Новая история	хорошо
4	Педагогика	хорошо

Директор Башгоспединститута – подпись
Декан факультета – подпись
Секретарь – подпись
Г. Уфа 22 февраля 1949 г.
Регистрационный № - 1924.

МЕТОДИЧЕСКАЯ КОПИЛКА

Алеврас Н.Н.
ЧелГУ, г. Челябинск

«КОНСЕРВАТИВНЫЕ» ИСТОРИКИ: НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ И ТРУДЫ М.П. ПОГОДИНА, Н.Г. УСТРЯЛОВА (фрагмент из лекционного курса)

Последователи Карамзина

Наиболее видными фигурами консервативной историографии первой половины XIX в. являются Михаил Петрович Погодин (1800-1875) и Николай Герасимович Устрялов (1805-1870)¹. Они закрепили в своих трудах концептуальные основы исторических воззрений Карамзина.

Наиболее последовательным преемником наследия Н.М. Карамзина являлся М.П. Погодин. Он не только воспринял существенные стороны карамзинской доктрины, но сознательно занял позицию продолжателя знаменитого историка, немало сделав на поприще изучения его творческой биографии.² Переписка Погодина с семьей Карамзина, состоявшаяся после смерти историка, и публикации соответствующих исследований о нем заложили основу так называемой «карамзиады», то есть, специальной историографии о Н.М. Карамзине. Нельзя не заметить, что в Карамзине Погодин видел образ своего учителя, а себя представлял как его ученика. Основные концептуальные положения, восходившие к идеям Н.М. Карамзина, М.П. Погодин развивал во вступительной лекции «Взгляд на русскую историю» (1832) и в статье «Параллель русской истории с историей европейских государств относительно начала» («Москвитянин», 1845), в которых он доказывал мысль об особом пути развития России, не совпадавшем с западноевропейским. Отстаивая известный тезис о призвании, а не завоевании, лежавшем в основе формирования российской государственности, М.П. Погодин, как и его идейный учитель, подчеркивал, что эта специфика русской истории гарантировала ее дальнейшее развитие вне революционного конфликта власти и общества, что было характерно для Европы.

Н.Г. Устрялов не выражал прямую рефлексию подобного плана и не делал прямых заявлений о своей преемственности М.Н. Карамзину. В своей диссертации он даже подверг критике отдельные стороны его метода историописания. Однако в концептуальном изложении русской истории демонстрировал последовательность в выражении «монархического» восприятия прошлого: самодержцы являлись для него ведущей силой исторического процесса; они же доминировали в его исследованиях в качестве объектов изучения.

Особенности жизненного пути

Любопытным моментом биографий М.П. Погодина и Н.Г. Устрялова является общность их социального происхождения: оба были выходцами из крестьянского сословия. Их отцы являлись крепостными управляющими в имениях известных помещиков – И.П. Салтыкова и И.Б. Куракина.

¹ См.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн.1-22. - СПб.,1888-1910; Умбрашко К.Б. М.П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. - М., 1999; Дурновцев В.И., В.И. Бачинин А.Н. Прагматический бытописатель: Николай Герасимович Устрялов//Историки России. XVIII-начало XX века. - М., 1996. Баданов В.Г. Русской истории оберегатель. (Жизнь и творчество Н.Г. Устрялова)//Устрялов Н.Г. Русская истории до 1855 года. - Петрозаводск, 1997; Бачинин А.Н. Неизвестный проект издания корпуса источников древней русской истории Н.Г. Устрялова//Отечественная история. 2006. № 2.

² См.: Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии с примечаниями и объяснениями М.П. Погодина. - М., 1866. Ч. 1-2. См. также: Умбрашко К.Б. Н.М. Карамзин и М.П. Погодин//Проблемы преподавания истории в школе. 1994. № 6.

Тому и другому удалось получить «вольную» на себя и свои семьи и дать хорошее образование сыновьям.

М.П. Погодин после окончания гимназии учился в Московском университете (1818-1821), Н.Г. Устрялов прошел подобный путь, получив высшее историческое образование в Петербургском университете (1821-1824). Оба они представляли первую плеяду русских дипломированных историков-профессионалов, что отличало их от Карамзина, оставшегося великим историком-«любителем». Их дальнейшая стезя – преподавательская и научная деятельность – прошла в стенах родных университетов. Можно считать, что с именами интересующих нас историков связано начало профессиональной историографии двух ведущих университетов России. Итогом преподавательской деятельности М.П. Погодина стали его «Исследования, замечания и лекции о русской истории», изданные в семи томах в 1846-1859 гг. Курс лекций Н.Г.Устрялова получил выражение в «Русской истории», опубликованной в 1837 г¹.

Связывая имена двух историков в рамках одной историографической традиции, нельзя не заметить, что в жизненных реалиях между ними не установилось тесных деловых, тем более, дружеских контактов. Хотя не замечать друг друга они не могли, но того и другого, по мнению авторов очерков об Устрялове и о Погодине, разделяли их методологические ориентиры. Если Устрялов выступает как основоположник «прагматической школы», то Погодин воспринимается как историк, стремившийся к «западноевропейско-русскому» синтезу². Первый стремился прописать четкие правила исследовательского процесса, второй – ориентировался на формирование новой концептуальной идеологии. Историографы отмечают «сдержанное» отношение Погодина к устряловскому методу «прагматизма». Но ему самому не удалось соединить опыт Карамзина с идеями немецкой академической школы и французской историографии в органическое целое. В его построениях доминировал эклектизм; какой-либо стройной и теоретически не противоречивой методологии и картины русской истории им не было создано.

Можно отметить также, что в тогдашней науке не сложилось еще развитой коммуникативной культуры; характерной была некоторая изолированность научной деятельности, не удавалось создать взаимодействие формирующихся научных центров страны, наладить систему научных коммуникаций в сообществе историков.

Интересующие нас историки отличались и чертами своих характеров: М.П. Погодин представлял тип активного общественного деятеля и человека общительного, стремившегося к созданию широкого круга, профессиональных, дружеских и общественных отношений; Н.Г. Устрялов, напротив, был замкнутым человеком, в своей деятельности не выходил за пределы научных интересов, зарекомендовав себя в качестве «кабинетного ученого».

Наличие специальной литературы биографического характера избавляет нас от детализации их жизненных дорог. Сосредоточим внимание на основных вехах и результатах творческой деятельности историков в контексте консервативного направления исторической науки.

Основные труды и научные интересы

Первым крупным сочинением Погодина стала его магистерская диссертация: «О происхождении Руси» (1825), которую он посвятил Н.М. Карамзину. Посвящение не было случайным. Диссертация в виде книги была Погодиным представлена именитому историку и получила его одобрение. Положительные отзывы на книгу были даны и другими исследователями того времени. В ней молодой историк продемонстрировал прекрасное знание летописных

¹ См. переиздание: Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года. - Петрозаводск, 1997.

² См.: В.И. Дурновцев, А.Н. Бачинин. Прагматический бытописатель... - С. 177; Они же. Разъяснять явления русской жизни из нее самой: Михаил Петрович Погодин // Историки России. XVIII-начало XX века. - С. 205.

источников и фактов древнерусской истории. Впоследствии этот период станет излюбленным в его исследованиях. Продолжением первой станет вторая (докторская) диссертация «Нестор. Историко-критическое рассуждение о начале русских летописей», опубликованная в 1839 г. Кроме монографических трудов М.П. Погодин оставил большое наследие, состоявшее из научных и публицистических статей, публикаций исторических источников, а также художественных произведений. Он активно печатался в журналах, сам являлся инициатором создания некоторых из них. Итоги его научной и преподавательской деятельности воплотились в 7-митомнике «Исследования, замечания и лекции о русской истории» (1846-1854). Правда, их оценка в тогдашней среде историков была достаточно скромной: на момент публикации многие его прежние работы утратили научную новизну.

Н.Г. Устрялов, начав преподавательскую деятельность в 1828 г. в должности учителя гимназии, стал известен историческому и культурному сообществу своего времени благодаря изданию серии источников, содержащих сказания современников о Дмитрие Самозванце (1832) и сочинения князя Курбского (1833). Его первые публикации, в том числе впервые им переведенное на русский язык историческое сочинение Ж. Маржерета о России (1830), принесли ему признание, как в среде ученых, так и со стороны власти. Знакомство с товарищем министра народного просвещения Д.Н. Блудовым и принятое от него предложение разобрать бумаги из кабинета Александра I, придало Н.Г. Устрялову повышенный статус ученого из когорты «официальных» историков.¹

С 1834 г. он становится штатным профессором Петербургского университета. Первым крупным исследованием историка стала его диссертация «О системе прагматической русской истории», изданная в 1836 г. Она явилась одним из первых трудов в русской исторической науке, обращенных к методам исторических исследований. Результатом чтения учебного лекционного курса стала его «Русская история» (1837). Это был первый самостоятельно составленный и опубликованный университетский курс лекций по отечественной истории. Его издание сразу привлекло внимание за рубежом: книга была переведена на немецкий язык и издана в Штутгарте.

У того и другого историка были и другие научные труды, которые рассмотрим при дальнейшем изложении сюжета. Может показаться, что научные интересы и проблематика исследований двух виднейших представителей консервативной историографии были далеки друг от друга. Однако более пристальное наблюдение за их творчеством позволяет говорить о них как ученых-современниках, во многом сходно ощущавших пульс тогдашней историографии.

В поисках методов изучения истории: М.П. Погодин

В творческой деятельности Погодина и Устрялова вполне можно уловить общее понимание значимости теоретико-методологических проблем исторического знания, осознание необходимости корректировки отдельных положений доктрины Карамзина, имелись также явные пересечения актуальной проблематики. К общему блоку теоретико-методологических проблем следует, прежде всего, отнести повышенный интерес того и другого историка к области формирующегося в то время источниковедения. Оба сделали существенный шаг вперед в этом отношении по сравнению с Н.М. Карамзиным: ими осознавалась не только значимость создания базы источников и их информативной ценности, но на практическом и теоретическом уровне ставились вопросы о научной критике источников, их классификации и методах их конкретного толкования.

М.П. Погодин одним из первых поставил вопрос о способах достижения достоверной исторической информации. Этот методологический аспект был актуализирован развернувшейся полемикой между ним и М.Т. Каченовским относительно характера сведений древних русских

¹ См. подробнее: Баданов В.Г. Указ.соч. - С. 7-8.

источников. Скепсис М.Т. Каченовского относительно достоверности многих источников древнего периода русской истории подвиг М.П. Погодина уже в магистерской диссертации разработать метод для доказательства аргументированности своих выводов – в частности, о норманнском происхождении племени варягов-русь. Для этого он решил собрать все фрагменты из доступных ему исторических источников, описывающих или упоминающих это племя. Сравнительно-текстологический анализ выбранных фрагментов не оставлял для него сомнения в достоверности своих наблюдений. В своих диссертациях М.П. Погодин стремился следовать принципам научной критики, предложенным знаменитым А.Л. Шлецером, авторитет которого для Погодина был непререкаем. Даже название его второй диссертации было созвучно основному труду немецкого историка. Изучая древнерусское летописание в докторской диссертации, он вслед за ним пытался раскрыть сложный процесс напластований, образовавшихся за долгую историю бытования древнего летописного свода – ПВЛ. Но если Шлецер был убежден, что дошедший текст летописи являлся «испорченным» продолжателями Нестора, то Погодин был ближе к версии, выраженной много позднее А.А. Шахматовым. Он полагал, что Нестор, создавая свой текст, опирался на записи своих предшественников.

Методологические поиски привели М.П. Погодина к созданию так называемого математического метода. К современным методам математического анализа в исторических исследованиях он не имеет никакого отношения. Метод Погодина основывался, скорее, на рационализме и логике историка, приправленных математической терминологией. Продолжая полемику с М.Т. Каченовским, М.П. Погодин использовал прием «доказательства от противного» с тем, чтобы утвердить свои наблюдения о норманнском происхождении русских князей. Еще Н.Л. Рубинштейн (1941), а потом и К.Б. Умбрашко (1999) пересказали его способ этого доказательства: «Предположив, что никаких источников, ни отечественных, ни иностранных, описывающих события IX, X, XI вв. русской истории не существует, он рисует картину XII столетия. Выясняется, что главные исторические «действующие лица» – князья состоят между собой в близком родстве. Отсюда по образцу геометрической пропорции, где тремя известными членами «отыскивается четвертый неизвестный» делается вывод, что Русь и раньше XII века принадлежала одному роду и была не завоевана, а занята постепенно, по мере «размножения сего рода». В противном случае разные области государства были бы распределены между завоевателями, принадлежащими к разным родовым кланам»¹. Подобным способом М.П. Погодин доказывал древность ПВЛ и достоверность ее свидетельств, а также древние корни русской истории, истоки которой он относил к IX веку.

Сам историк, не претендуя на широкие теоретические и философские обобщения, полагал, что его «метода» позволяет установить точность конкретного исторического факта, а свои труды рассматривал в качестве своеобразных черновых материалов, которые могут быть положены в основу рассуждений следующих поколений исследователей. В.О. Ключевский, имея в виду высказываемое Погодиным стремление «собирать все места из источников о всяком данном вопросе и на этом только основании приступать к его решению», назвал его метод «анатомическим».² Восхищаясь Шлецером и его методом критического анализа³, Погодин ограничивал диапазон своих исследований исключительно задачами поиска и систематизации исторических свидетельств, нацеленных на текстологическое сопоставление фрагментов различных источников, прежде всего – летописей.

¹ См.: Умбрашко К.Б. М.П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. - С. 139.

² См.: Ключевский В.О. М.П. Погодин // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. - С. 139.

³ См. признания историка об этом: Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига. Послесловие // Умбрашко К.Б. Указ. соч. Приложения. - С. 232.

В позиции М.П. Погодина отражены, как реальные проблемы разработки русской истории, связанные с начальным процессом освоения историками-профессионалами источниковых комплексов, так и представления историка о преемственности исторического знания, актуальности передачи научного опыта от одного поколения ученых к другому. Историк к тому же в своем стремлении раскрыть смысл и механизм своего подхода, обосновывал необходимость специально артикулировать методику исследовательского процесса и эффект нового знания о прошлом, полученного в результате применения методов изучения истории. В этом можно видеть заслуги М.П. Погодина – одну из сторон его «исторического чутья», о котором говорил Ключевский. Но, определяя значение фигуры Погодина в историографии, он же подчеркивал, что историк, обладавший «оригинальным русским умом» и «бойким пером», имел существенный недостаток, связанный с неспособностью обобщения собранного материала для создания стройной системы и цельного научного взгляда. «Тонкое осязание помогало Погодину ощупывать узлы и нити нашей исторической жизни; но он не умел их распутывать<...> Его чутью недоставало научной обработки»¹.

Н.Г. Устрялов: противоречия источниковедческой прагматики

Публикация Н.Г. Устряловым на заре своей научной деятельности отмеченной уже коллекции источников оставила существенный след в науке: сам историк прочно сохранял за собой позиции специалиста в области археографии, а в традиции научной жизни Петербургского университета вошло подчеркнутое отношение к специальным источниковедческим разысканиям. В свое время С.Н. Валк особо отметил значение устряловских изданий серии исторических памятников: в «несомненную заслугу» историку он поставил гражданское мужество, поскольку в то время все авторы и сюжеты названных сочинений находились под негласным запором. С.Н. Валк процитировал при этом особо любопытный для нас отзыв М.П. Погодина на издание сочинений А. Курбского, в котором слышится несомненный комплимент коллеге: «недавно еще со страхом было произносится это имя. Выговорить слово о печатании считалось преступлением у некоторых наших живых анахронизмов. И вот Курбский отпечатан!»². Вполне очевидно, что оба историка – и Устрялов, и Погодин – хорошо осознавали косность предубеждений относительно «темных» страниц русской истории. В этом отношении они выглядели новаторами, и смело открывали современникам забытые исторические сюжеты.

Как и М.П. Погодин, Н.Г. Устрялов размышлял об особенностях профессии историка. Являясь членом Археографической комиссии и имея богатый опыт разыскания и публикации источников, он не менее чем его коллега понимал важность получения достоверной информации.³ При этом характер его научного мышления требовал акцентированного обращения не только к исторической конкретике, но и к рассуждениям методологического плана в ракурсе известного вопроса «как писать историю?». Свой ответ он и пытался дать в упомянутой диссертации, защита которой завершилась присуждением ему степени доктора философии. Авторы очерка об Н.Г. Устрялове⁴ заметили, что знанию фактов он придавал значение только как «приуготовительной стадии». Главная же задача историка, на его взгляд, состояла в их систематизации, на базе которой выстраивается общая картина исследования. Основой создаваемых историками систем фактов, по мысли Н.Г. Устрялова, должен лежать прагматический подход, смысл которого сводился к

¹ Ключевский В.О. М.П. Погодин. - С. 151,152, 149.

² Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. - СПб, 2000. - С. 9.

³ Нельзя не отметить, что в период деятельности Археографической экспедиции под руководством П.М. Строева Н.Г. Устрялов, высоко ценивший результаты экспедиции, представил в МНП свой проект издания 36-томного собрания источников древней русской истории. См.: Бачинин А.Н. Указ.соч.

⁴ Дурновцев В.И., В.И. Бачинин А.Н. Прагматический бытописатель: Николай Герасимович Устрялов // Историки России. XVIII- начало XX века. - М., 1996. - С. 181-182.

установлению причинно-следственных связей выявленных явлений и событий. «Живую картину минувшего» можно было восстановить через изучение сначала единичных фактов, которые, при их систематизации по указанному принципу, позволили бы выстроить прошлое в одну непрерывную цепь событий, а затем факты должны быть сгруппированы и распределены по тексту таким образом, чтобы соблюсти перспективу и ретроспективу, точность и соразмерность освещения.

Н.Г. Устрялов был убежден, что тщательное изучение фактов через исследовательскую проверку источниковой информации позволит установить достоверность документальных материалов. Сведения же достоверного источника отождествлялись им с истинностью самого исторического факта. Методологические рассуждения Н.Г. Устрялова подобного рода были характерны для данного периода развития европейской, в том числе российской, историографии, когда историки различных направлений с одинаковым энтузиазмом обратились к поискам исторической истины и пытались реконструировать прошлое таковым, каким, по словам Л. Ранке, «оно было на самом деле». Н.Г. Устрялов в характерном духе заявлял во вводной главе «Истории царствования Петра Великого»: «Я старался изобразить Петра Великого в том виде, как он был на самом деле, не скрывая его слабостей и не приписывая ему небывалых достоинств...так, чтобы ни одного слова не было сказано наугад, чтобы каждое из них подтверждалось историческим свидетельством неоспоримым, по крайней мере, вероятным... Он, неумолимо строгий к себе и к другим в деле истины, служил мне руководителем» (курсив наш – Н.А.).¹

Правда, сам историк не всегда следовал выдвинутым принципам. Характерен в этом отношении пример изучения им истории сына Петра I – Алексея Петровича, представленной в 6-ом томе «Истории Петра». Исследования современного американского историка П. Бушковича² позволили продемонстрировать весьма вольное обращение Н.Г. Устрялова с комплексом используемых документов. Избирательность фрагментов их текстов для публикации, искажение их смысла при переводе, игнорирование целого блока документальных источников в целях достижения идеологической выдержанности и последовательности изложения задуманной концепции при создании образа Петра I и его преобразовательной деятельности, дали основание П. Бушковичу квалифицировать позицию историка как фальсификаторскую. Отмечая, что выводы Устрялова об идейной основе расхождений императора и его сына до сих пор бытуют в историографии, американский ученый, пересматривая содержание источникового блока по проблеме во всей его полноте, опровергает версию критикуемого историка.³ Вследствие этого образ Н.Г. Устрялова представлен им в исключительно непривлекательном изображении, «История» которого «скучна» и не имеет каких-либо «отчетливых идей», а сам он отнесен в категорию *заслуженно забытых* представителей науки⁴.

¹Цит.: Там же. - С. 182.

² См.: П. Бушкович. Мне отмщение... Новый взгляд на дело царевича Алексея // Родина. 1999. № 9; Он же. Историк и власть: дело царевича Алексея Петровича (1716-1718) и Н.Г. Устрялов (1845-1859) // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Антология. - Самара, 2000. - С. 80-113.

³См.: П. Бушкович. Историк и власть... - С. 90-91, 98-99, 100,102-103,104-106, 111. П. Бушкович, используя весь комплекс источников по делу Алексея Петровича, пришел к выводу, что «борьба между Петром и его сыном происходила не на почве хрестоматийного конфликта между русской стариной и Европой. Оба они являлись «европейцами», но разными европейцами» (С. 103). Царевич, будучи воспитанным в традициях украинской церкви с известным влиянием на нее католичества, ориентировался на «поздне-барочную Европу», в то время как предпочтения Петра были связаны с «протестантской северной Европой» (С. 100). Но «битва велась не за веру». За Алексеем Петровичем, вовсе не являвшимся ревностным блюстителем московского православия, стояла оппозиция аристократии, недовольная затянувшейся войной со Швецией, строительством Петербурга и др. начинаниями Петра. Вот этот «серьезнейший конфликт», считает американский историк, и пытался скрыть Н.Г. Устрялов, поскольку «любое упоминание оппозиции Петру могло бы умалять славу царя-преобразователя и подрывало саму идею самодержавия» (С. 105).

⁴ См.: П. Бушкович. Историк и власть... - С. 80, 104-105

Но, вероятно, подобный суровый «приговор» историографии Н.Г. Устрялову, связанный с «исключением» его из рядов научного сообщества, вряд ли возможен. Возрождение интереса к нему, наблюдаемое в современной отечественной историографии, позволяет увидеть его феномен как живой образ историка со всеми его достоинствами и недостатками. «Из песни слов не выкинешь»: для создания целостной картины науки нам интересны все ее представители и все ее проявления. Однако, несомненно, приведенные П. Бушковичем доказательства свидетельствуют о прямом воздействии официальной идеологии на позицию историка, отклонившуюся от норм научной этики. Любопытный, но, увы, не редкий факт в истории науки. Н.Г. Устрялов в данном случае реализовал свой принцип прагматизма далеко не в научном контексте.

Однако важно подчеркнуть, что формулировка принципа строгого следования свидетельствам источника после подтверждения его достоверности, сама по себе, несомненно, являлась признаком укрепления профессионализации ученых-историков. Эту установку, как методологическую ориентацию для достижения идеального исследования, продемонстрировали и М.П. Погодин, и Н.Г. Устрялов. Вместе с тем, их убеждение в тождественности факта-источника и факта-реальности можно рассматривать как выражение ограниченности и даже наивности научного мышления данного времени. Это убеждение стало впоследствии питательной основой для укоренения в русской историографии позитивистской методологии.

Среди источниковедческих штудий Н.Г. Устрялова, предложенных в диссертации и отраженных во Введении к «Русской истории», нельзя не отметить также его попытку разработать общую классификацию исторических источников, в которой он выделял «письменные» и «неписьменные». Их он подразделял на более мелкие разновидности: «сказания современников», «акты государственные», «изустные предания», «остатки искусств и ремесел» и др.¹ Эта классификация стала прообразом той, которую впоследствии предложил К.Н. Бестужев-Рюмин.

Определяя вклад Н.Г. Устрялова в развитие источниковедения, можно полагать, что он уверенно шел в фарватере той тенденции развития исторического знания, которая была связана с повышенным вниманием в тогдашней среде историков к источниковедческой стороне исследовательской практики, что определило особенности Петербургской исторической школы.

Представители правящей династии под пером историков

Развивая идеи Н.М. Карамзина, М.П. Погодин и Н.Г. Устрялов при общем сходстве с ним монархической основы исторических взглядов, высказывали и самостоятельные суждения относительно оценок деятельности отдельных самодержцев. Особенно выразительно это выглядело в их характеристиках исторической роли Петра I. М.П. Погодин свое отношение выразил в программной по характеру статье «Петр Великий»(1841), опубликованной в созданном им журнале «Москвитянин». Его оценка Петра однозначно положительная. Восхищаясь его созидательной деятельностью, М.П. Погодин, в отличие от Н.М. Карамзина безоговорочно и с восторгом резюмировал тотальный характер благодатных последствий преобразований Петра Великого. У него «... концы всех наших нитей соединяются в одном узле. Куда мы не оглянемся, везде встречаемся с этою колоссальною фигурою, которая бросает от себя длинную тень на все наше прошедшее и даже застит нам древнюю историю...»², - образно подводил он исторические итоги наследия Петра.

Обращение к фигуре царя-преобразователя явилось для Погодина поводом развернуться к актуальной и спорной проблеме «Россия-Европа», которая в то время как раз переживала

¹ См.: Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 г. - С. 21-24.

² Погодин М.П. Петр Великий // Сборник материалов по отечественной историографии (вторая треть XIX века): Учебное пособие / Сост., вступ. ст., коммент.: А.В. Антощенко, Т.Н. Жуковская. Под ред. А.Н. Цамутали. ПетргУ. - Петрозаводск. 2001. - С. 52.

начальный этап своего формирования. М.П. Погодин утверждал, правда, довольно механистическим образом, историческую целесообразность европеизации страны: «Россия есть часть Европы, составляет с нею одно географическое целое и, следовательно, по физической необходимости должна разделять судьбу ее и участвовать в ее движении, как планета повинуетя законам всей солнечной системы». ¹ В то же время он полагал, что современная ему Россия, завершив с кончиной Александра I «европейский» период своей истории, вступила «с императора Николая» в период «национальный». По его мысли Россия эпохи Николая I, с привитой уже западной культурой, начинает «освобождаться из-под... насильственного ига европейского». Она способна «думать о собственных своих стихиях...откидывать ненужное от себя...выражать свою национальность»².

Несколько упрощенное (и даже не лишнее цинизма) представление историка об исторической связи России с Европой, перспективах развития страны, выражало его почвеннические настроения и характеризовало вариант «погодинского консерватизма» с элементами националистической окраски. Статья Погодина, посвященная Петру I, появилась в период начавшихся споров «западников» и «славянофилов»; она стала одним из фактов общественно-политической полемики того времени.

Для Н.Г. Устрялова тема Петра I станет ведущей во второй половине его деятельности. Изданию его «Истории царствования Петра Великого» (1858-1863), над которой он работал, так и не успев завершить, последние 23 года жизни, предшествовали масштабная работа в архивах (в том числе в Вене и Париже) и специальное путешествие по историческим местам, связанным с деятельностью царя-реформатора. Издание сопровождалось публикацией выявленных, мало известных в то время документов.

Оценивая историческое значение Петра I, Устрялов подчеркивал его цивилизаторскую роль: до Петра Россия «дремала под тенью невежества». По его мнению, император-преобразователь, сохранив фундаментальные ценности российской государственности (монархию), добился превращения «полуазиатской» жизни России в европейскую, при этом «без вреда началам народности». Как и Погодин, Устрялов подчеркивал, что ни одна отрасль российской «гражданственности» «не ускользнула от его (Петра I) внимания: каждой давал он направление к одной высокой цели».³ Под этой целью историк имел в виду цивилизаторские замыслы императора.

Современники высоко оценивали этот труд Н.Г. Устрялова. Н.А. Добролюбов, называя его «украшением» тогдашней историографии, сравнивал эффект его появления с трудом Н.М. Карамзина. Вполне поддерживал эту оценку в середине XX в. С.Н. Валк, подчеркивая, кстати, особое значение 6-го тома с описанием жизненной истории Алексея Петровича. Он полагал, что в нем отразился «лучший» опыт историка в деле собирания документов⁴. В данном случае факт его источниковедческих искажений еще не был известен, и Устрялов воспринимался историографом как первооткрыватель неизвестных для своего времени страниц истории.

История самодержавия в трудах М.П. Погодина и Н.Г. Устрялова оставалась лейтмотивом их концептуальных представлений. Но если первый сосредоточил основное внимание на процессе становления российской монархии в период древней истории, то второго более привлекала история самодержавия в новое и новейшее время. Это, открывало, с одной стороны, проблематику еще мало исследованной современной истории, но, с другой – давало возможность более явно

¹ Там же. - С. 54.

² Там же. - С.58-59.

³ Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года. - С. 498.

⁴ Валк С.Н. Указ.соч. - С. 9.

выразить свою верноподданническую позицию. Характерно, что первая монография Н.Г. Устрялова из серии «царствований» была посвящена здравствующему императору: в 1847 г. он издал «Историческое обозрение царствования Николая I». Книга вышла в свет после прочтения ее самим императором, сделавшим свои замечания. Впоследствии историку за ее создание был вручен бриллиантовый перстень. При переиздании в 1855 г. «Русской истории» «Историческое обозрение», будучи дополненным автором, составило заключительную главу этого труда.

«Параллель русской истории» М.П. Погодина

Для М.П. Погодина современная история также представляла живой интерес, однако он в большей мере, чем Н.Г. Устрялов ориентировался на проблемы общественно-политического звучания.¹ В статье «Параллель русской истории с историей западных европейских государств относительно начала», опубликованной в условиях усиливавшегося противостояния западников и славянофилов, он пытался исторически обосновать особенности современного облика российского государства и ее граждан. «Параллель русской истории» можно рассматривать в качестве логического продолжения «Петра Великого», поскольку в ней получила развитие тема «Россия – Европа». Отталкиваясь от мысли Н.М. Карамзина о добровольном призвании варяжской дружины, и опираясь на труды французских историков О. Тьерри и Ф. Гизо, он попытался сравнить «начала», то есть, генезис государственности в Европе и в России. М.П. Погодин полагал, что «в истории государств...малейшее различие в начале производит огромное различие в последствиях»². Это суждение, опиравшееся на примеры из области природных явлений, стало для него своеобразной теоретической посылкой для изложения своей версии сопоставительного анализа основных черт европейской и российской истории.

В соответствии с идеями Н.М. Карамзина и с опорой на французских историков М.П. Погодин доказывал, что в отличие от России в Европе современная история началась с завоевания. Это обстоятельство, по мысли Погодина, предопределило особый ход истории европейских народов. Его отличительными особенностями, по его мнению, являлись антагонизм и борьба завоеванных с завоевателями. Закономерным результатом этого пути развития стали европейские революции. В российской же истории, подчеркивал он, самым фактом мирного призвания варяжских князей закладывалась иная закономерность, а именно: отсутствие социальных противоречий, а значит, и бесконфликтное развитие истории. А все потому, что «в основание государства у нас была положена любовь, а на Западе ненависть»³.

Проводя ряд «параллелей» относительно характера исторического развития мира Европы и России, М.П. Погодин особо обратил внимание на тот факт, что Россия не знала феодализма, который в Европе сформировался в результате завоеваний бывшей Римской империи германскими племенами. Вследствие отсутствия феодализма в России не сложилось условий для развития городской жизни и формирования «третьего сословия» – предтечу класса буржуазии и носителя идей социальной революции. М.П. Погодин, используя теорию классовой борьбы, разработанную французскими мыслителями, пришел к выводу, что в России изначально не было «ни разделения (на сословия – Н.А.), ни феодализма, ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы».⁴ Поскольку революционные трансформации происходят из причин, порожденных условиями развития

¹ В связи с этим нельзя не отметить бурную общественно-политическую деятельность М.П. Погодина во время Крымской военной кампании. Она сопровождалась написанием им серии записок, освещающих состояние армии и российской дипломатии данного времени. Тон этих записок имел критико-назидательный оттенок в адрес правительства. См.: Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853-1856. - М., 1874.

² Погодин М.П. Параллель русской истории с историей западных европейских государств относительно начала // Сборник материалов по отечественной историографии (вторая треть XIX века). - С. 34.

³ Там же. - С. 37

⁴ Там же. - С. 34.

конкретного народа, постольку, считал М.П. Погодин, в России нет оснований для революции. На Западе же, подчеркивал он, «гордиев узел» борьбы классов – завоеванных и завоевателей – затягивается все крепче. Он предчувствует, что «сенсимонисты, социалисты, коммунисты» выступают предтечей новой европейской революции¹.

Выводы его программной статьи о разных, не пересекающихся путях истории России и Европы не только развивали идеи Н.М. Карамзина об особенностях русской истории, но сближали его с мыслителями-«почвенниками». Заключительная метафорическая фраза статьи: «Нет! Западу на Востоке быть нельзя, и солнце не может закатываться там, где оно восходит»² являлась для современников своеобразным маркером, определявшим место М.П. Погодина в исторической науке и общественном движении того времени как историка охранительной ориентации. Не случайно, историки-«западники» (К.Д. Кавелин, в частности) неоднократно критиковали концепцию М.П. Погодина и его исследовательский метод³. Немало критических замечаний относительно целого ряда положений этой статьи оставил В.О. Ключевский. Опираясь, в частности, на «Русскую Правду», которую использовал и Погодин, он, не принимая безмерную идеализацию им древнерусских общественных отношений, подчеркивал наличие контрастных по правовому статусу социальных групп в Древней Руси. Это позволило ему иронично заметить, что «у нас из призвания и любви родилось юридическое неравенство, какое на Западе вышло из завоевания и ненависти совершенно одинаково»⁴.

В общей характеристике особенностей русской истории М.П. Погодин уделил внимание географическому фактору, который, по его мысли, некоторым образом объяснял российскую специфику. И здесь он продолжает и развивает Карамзина. Историк полагал, что масштабы государственного пространства в России, не содействовали завоеванию ее малочисленными отрядами пришельцев. Огромная территория в сочетании с суровым климатом обусловили особенности как социально-политического облика русского народа, так и формирования его взаимоотношений с верховной властью. В «Параллелях...» М.П. Погодин говорил об изолированности исторического развития России по причине отсутствия выхода к морям, «рассеянности» народа по большой территории страны и вследствие этого – слабости его общественной организации. «Мы оставались одни, и шли своей дорожкой, или, лучше, сидели дома, в мире и покое, и подчинялись спокойно первому пришедшему»⁵, – бесстрастно резюмировал историк. «Покорность» и политическая инертность народа, по его мысли, обусловили «доброе согласие» с монархией, в руки которой народ в начале российской истории добровольно передал всю полноту власти.

Многие аспекты русской истории, поднятые М.П. Погодиным, имели повышенную злободневность в обществе, ожидавшем социальных и политических перемен. Далеко не все из них историк сумел объяснить методами исторической науки. Согласно мнению В.О. Ключевского, у него преобладал «более описательный, чем объяснительный прием». Но его статья, многие положения которой вызывали новые вопросы, содействовала научным полемикам, и может рассматриваться как часть борьбы мнений 1840-е годов о путях истории и современности России.

¹ См.: Там же. - С. 33.

² Там же. - С. 39.

³ См., например, об этом: Цамутали А.Н. К.Д. Кавелин против М.П. Погодина // Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. - Л., 1977. - С. 23-33.

⁴ Ключевский В.О. М.П. Погодин. - С. 147.

⁵ Погодин М.П. Параллель русской истории... - С. 38.

В конце жизни М.П. Погодин пытался переосмыслить свой путь и метод в науке¹. Подводя некоторые итоги в 1872 г., он признавался, что его особенно беспокоила мысль, «каким языком в наше время» можно писать историю. Карамзин, Жуковский, Пушкин, Гоголь, – вот имена писателей, которые стали для М.П. Погодина «учителями» в поисках ответа на поставленный вопрос. С печалью и даже самокритично историк резюмировал, что он не написал той истории, которую он «воображал». «Воображение» же позднего Погодина восходило к мысли, что важнейшим источником исторического построения должен стать «живой язык». Именно он, считал теперь историк, позволяет «воссоздать духовное и умственное состояние народа», его «миросозерцание» и опыт бытовой жизни. Создаваемая историком картина прошлого, резюмировал он, «должна быть понятна и доступна одинаково – для грамотного крестьянина, светской дамы, молодого гимназиста». Одновременно она должна быть «безукоризненна» «перед судом строгого ученого». Метафорически «идеал истории» по Погодину выразился своеобразным афоризмом, в виде завещания новому поколению историков: «... будь прост, как Иродот, занимателен как Вальтер-Скотт, жив как Гоголь, – и чтоб никакие Шлецеры не имели права к тебе придирааться, уличать тебя в неосновательности!»².

Поиск языка исторического нарратива, перемещение взгляда позднего Погодина в область духовно-мировоззренческих процессов в истории дает основание полагать, что в конце жизни он ощущал появление новых научных запросов, но это понимание уже не могло получить реализацию в его деятельности.

В университете за профессорской кафедрой

Образы героев нашего повествования в период их университетской карьеры как профессор-преподавателей позволяют говорить о них как историках, заложивших основы первого коммуникативного опыта в работе со студенческой средой. М.П. Погодин предстает как наставник, который стремился разбудить в студенте исследовательские качества: он охотно приглашал молодых людей в свою богатую библиотеку (древлехранилище), предлагая темы для исследовательской работы. Например, С.М. Соловьев, К.Н. Бестужев-Рюмин, С.В. Ешевский, Ф.И. Буслаев прошли через погодинское древлехранилище. Однако его преподавательский талант несколько мерк на фоне других блестящих лекторов-историков Московского университета того времени. Грановский, Кавелин, Редкин, Крюков, Крылов – эти имена историков мелькают на страницах воспоминаний современников³, оставляя имя Погодина в тени.

С.М. Соловьев в своих воспоминаниях дал ему наиболее пространную характеристику. Но он же заложил в историографию черты образа историка, подчеркнув исключительно непривлекательные стороны его личности⁴. С.М. Соловьев отмечал, что в основе лекций М.П. Погодина лежал не авторский текст; они имели реферативный характер, будучи переложением исследований Шафарика, Карамзина и собственных уже изданных диссертаций. Признавая эрудицию Погодина, умение видеть не разработанные темы, Соловьев отказывал ему в способности научить молодых историков, «как это делать», то есть, методам исследовательской работы. Отмечал он и сложные отношения с коллегами, особенно с представителями молодой профессуры, многие из которых прошли научную стажировку за границей⁵. Неблагоприятная для Погодина обстановка, очевидно, стала одной из причин его ухода из университета (1844). Вместе с тем, даже сквозь субъективизм мемуаров С.М. Соловьева просматривается стремление Погодина к поискам дарований среди

¹ См.: Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига. Послесловие. - С. 231-239.

² Там же. - С. 234, 239.

³ См.: Московский университет в воспоминаниях современников. 1755-1917. - М., 1989.

⁴ См.: Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. - М., 1983. - С. 263-270 и др.

⁵ Там же. - С. 265-267.

студентов. Один из них – сам С.М. Соловьев – был замечен именно Погодиным, он же рекомендовал его для подготовки к профессорскому званию¹.

Более теплые отношения к Погодину просматриваются со стороны студентов, специализировавшихся в области юриспруденции и филологии. Среди них выделяются воспоминания К.С. Аксакова, который отмечал «выгодное и сильное впечатление», полученное им от вступительной лекции историка по всеобщей истории. Знал Аксаков и слушателей, «правдивых и умных», сохранивших благодарность Погодину «за лекции по русской истории». Он, правда, отмечал бытовавшее «враждебное» отношение к Погодину, но считал, что «нападения на него часто были несправедливы». Причина сложных отношений Погодина с окружающими виделась им в «неумении обращаться с людьми»². А.А. Фет представил образ историка, в котором привлекательные черты были связаны с добросердечным отношением к тем, кто обращался к нему за помощью при подготовке по сложным темам. Оказывая, в частности, поддержку А.А. Фету, учившемуся на юридическом отделении, он показал стихи будущего поэта Н.В. Гоголю, жившему в его доме. Погодин вернул Фету тетрадь со стихами, передавая мнение знаменитого писателя: «...это несомненное дарование»³. Интерес к лекциям Погодина мимоходом отметил Я.П. Полонский в следующем контексте: «Вошедшего ко мне студента я видел уже на публичной лекции Погодина стоящим у двери, так как все места были заняты публикой...»⁴.

Имеются веские основания считать, что М.П. Погодин стремился к созданию вокруг себя круга учеников. Показательно в этом отношении его открытое письмо «О трудах гг. Беляева, Бычкова, Калачова, Попова, Кавелина и Соловьева по части русской истории», опубликованное в 1847 г. в «Москвитянине». Оно было написано в жанре беседы учителя с учениками и содержало советы наставника в научной деятельности молодым ученым. Перечень персон в названии можно рассматривать как предполагаемое автором пространство его школы. Однако советы учителя «как писать историю» вызвали у учеников критическую реакцию.⁵ Завязалась полемика, которая продемонстрировала отсутствие единства научной идеологии между автором письма и его корреспондентами. Очевидно, схолярные амбиции М.П. Погодина не имели достаточного основания.

При сравнительно меньшем в историографии внимании к фигуре Н.Г. Устрялова, осталось больше свидетельств позитивного характера о деятельности его на ниве преподавания. В определенной мере это произошло благодаря воспоминаниям, написанным в 1880-е гг. его сыном – Ф.Н. Устряловым. Он свидетельствовал, что лекции Н.Г. Устрялова «привлекали к себе огромное число слушателей.... Его рассказ, отличавшийся живостью и обстоятельностью изложения,...заклучал в себе...интерес новизны». Его отец, по общему мнению, был всегда справедлив к студентам, хорошо понимая их волнение во время сдачи экзаменов. Историк при исполнении своих преподавательских функций всегда «стоял на стороне студентов, хотя несколько не старался выказывать это нарочно, и студенты очень хорошо понимали его»⁶. Исследователи жизни и деятельности Н.Г. Устрялова приводят свидетельства признания и даже восхищения его лекциями современников. В.В. Григорьев, известный ориенталист, будучи студентом, выделил Устрялова из всей когорты петербургских профессоров: историк впервые на памяти студенчества начал знакомить аудиторию с первоисточниками исторической информации, предлагая студентам

¹ Там же. - С. 269-270.

² Аксаков К.С. Воспоминание студенства. 1832-1835 гг. // Московский университет в воспоминаниях. - С. 191-192.

³ Фет А.А. Воспоминания // Там же. - . 230-233, 234.

⁴ Полонский Я.П. Мои студенческие воспоминания // Там же. - С. 243.

⁵ См. детальнее: Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. Кн. 2. Журналистика и историографическая традиция в России 30-70-х гг. XIX в. - М., 1999. - С. 298-304.

⁶ Цит.: Баданов В.Г. Указ соч. - С. 9.

не заучивать учебный материал (как того требовало большинство преподавателей), а пытаться анализировать первооснову исторических знаний. «...Когда Устрялов открыл свой курс русской истории подробным перечислением и оценкою источников ее, мы себя не помнили от восторга, радовались, как Колумб, открытию совершенно незнакомого нам мира», – передавал свои ощущения мемуарист. Н.А. Добролюбов, слушавший лекции историка, говорил о «величии» Устрялова как ученого, причисляя его к наиболее уважаемым профессорам¹.

Со стороны Н.Г. Устрялова, при всем к нему уважении со стороны молодого поколения, не заметны были специальные усилия по созданию научной школы. Однако, по мнению историографов, схолярная эстафета была им передана следующему поколению историков. «Своеобразным преемником Устрялова по линии «прагматической школы» был К.Н. Бестужев-Рюмин», – считают В.И. Дурновцев и А.Н. Бачинин².

Нельзя не отметить усилия М.П. Погодина и Н.Г. Устрялова на поприще школьного образования. Оба имели опыт преподавания истории России в школьной системе, что повлекло подготовку и издание учебников по истории для этой образовательной ступени. М.П. Погодин в 1837 г. опубликовал «Начертание русской истории для гимназий», а Н.Г. Устрялов, сохранив аналогичное название, свой учебник издал в 1839 г., адресуя его учащимся уездных училищ, средних учебных заведений и духовных семинарий³. Концептуально и структурно учебники того и другого историка имели явное сходство. Получившие официальное признание, учебники М.П. Погодина и Н.Г. Устрялова в течение 30-50-х гг. составляли основу учебно-воспитательного процесса в российской школе в духе консервативных ценностей. Особым признанием со стороны МНП пользовалось учебное руководство Н.Г. Устрялова: его «Начертание...» с 1839 по 1857 гг. переиздавалось 10 раз.

Маленькое заключение

В первой половине XIX в. интересовавшие нас историки заложили долговременную традицию консервативного направления в историографии. В этот период все они были заметными фигурами в науке и культурной жизни российского общества. Идеино близкие к концептуальному ядру «Истории...» Н.М. Карамзина, М.П. Погодин и Н.Г. Устрялов одними из первых осваивали профессиональное пространство исторической науки; своими источниковедческими интересами содействовали движению исторического знания в сферу методологических поисков. Они расширили проблематику исторических исследований, предложив монографический способ изучения прошлого. Тот и другой внесли свой посильный вклад в становление университетского образования и обучение юношества истории.

В изучаемое время «консервативное» восприятие прошлого преобладало в национальном сознании, поэтому труды историков этого направления пользовались спросом и имели успех в общественной среде. В первой половине XIX в. консервативное направление в историографии доминировало. Но, одновременно, по мере распространения и укрепления либеральных настроений в обществе, усиливалась свои позиции группировка профессиональных историков иной ориентации, настроенная оппозиционно к «консерваторам». Формировались условия для пересмотра с либеральных позиций старого (консервативного) взгляда на ход истории и методологию исторического знания.

¹ См.: Дурновцев В.И., Бачинин А.Н. Указ.соч. - С. 177, 178.

² Там же. - С. 177.

³ См.: Ромашина Е.Ю. Влияние школьного учебника на формирование массового исторического сознания // Россия в новое время: поиск формулы национальной истории. - М., 2001; Грицков Н.Н. Н.Г. Устрялов – автор школьных учебников по истории // Преподавание истории в школе. 2002. № 2; Володина Т.А. Учебники отечественной истории как предмет историографии: середина XVIII- середина XIX в. // История и историки: историографический вестник. 2004 / отв.ред. А.Н. Сахаров. - М., 2005. - С. 123-128.

ХРОНИКА

Хамидуллин Р.Р.
БФ БашГУ, г. Бирск

ПЕРВЫЙ ОТЧЕТ КАФЕДРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИИ ПО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ ЗА 2000 Г.¹

Отчет кафедры отечественной и зарубежной истории
о научно-исследовательской деятельности за 2000 г. (август-декабрь)

I. Общая характеристика состояния НИД за отчетный период.

а) Кафедра отечественной и зарубежной истории была создана приказом ректора БирГПИ в конце июля 2000 года. С 21 августа 2000г. ее возглавляет к.и.н., доц. Сергеев Ю.Н. На конец декабря 2000 года кафедра имеет 4 штатных единицы и 4 совместителей. Состав основных преподавателей: Габдулхаков Р.Б., к.и.н., доц. Сергеев Ю.Н., к.и.н., доц., Латыпов Р.А., к.и.н., доц., Гильванова Э.Р., ассистент; % специалистов с учеными степенями -75% среди основных преподавателей.

Совместители: Леванов Б.В., д.и.н., профессор; Обыденов М.Ф., д.и.н., профессор; Усманов Н.В., к.и.н., доцент, Габдулхакова Р.Т., ст. преподаватель; % специалистов с учеными степенями среди совместителей -75%.

Среди перечисленных нет аспирантов, соискателей ученых степеней.

б) Кафедра не имеет оборудования, помещения, библиотеки и лаборанта. Все, это планируется получить в течении 2001 учебного года.

II. Результаты выполнения НИД по кафедре.

Самой крупной публикацией, выпущенной членами кафедры является монография Латыпова Р.А. «Вождь номер два. Эволюция социально-политических взглядов Л.Д.Троцкого в 1920-1930-е гг.» Уфа, 2000 (10,7 печ. листов). Автор успешно выполняет НИД, за истекший период им было опубликовано 14 печ. листов научной продукции.

Преподавателей, сдавших кандидатские экзамены в истекшем году, не имеется.

Р.А. Латыпов 15 августа по 15 декабря 2000 г. находился в научной командировке в США (место командировки- Университет штата Огайо г. Коламбус, ист. факультет). Научный руководитель профессор Кэрл Финк.

III. Координированные связи кафедры.

Кафедра поддерживает научно-методические связи с кафедрами отечественной истории, источниковедения и историографии Башгосуниверситета, один из членов кафедры является совместителем кафедры источниковедения БашГУ. Помимо этого научные связи кафедра поддерживает с Московским Государственным институтом эл. оборудования, зав. кафедрой истории, профессор которой (Леванов Б.В.) является совместителем кафедры отечественной и зарубежной истории. Установлены связи с кафедрой археологии и древнего мира БашГУ, профессор которой (Обыденов М.Ф.) приглашен для руководства археологической практикой и чтение учебного курса «Археология».

IV. Международные связи.

Установлены благодаря стажировке ст. преподавателя Латыпова Р.А. с Университетом штата Огайо в г. Коламбус (США), с историческим факультетом указанного университета. Планируется приглашение преподавателей факультета для чтения спецкурсов в г.Бирске.

V. В настоящее время на кафедре начата работа над докторскими диссертациями доц. Габдул-

¹ Текущий архив кафедры отечественной и зарубежной истории. Отчет по науке за 2000 г. Лл. 1-10.

хаковым Р.Б. и ст. преподавателем Латыповым Р. А. Темы докторских диссертаций планируется утвердить на ученом совете БирГПИ в январе-феврале 2001 г.

Зав. кафедрой: Ю.Н. Сергеев

Приложение

Основные показатели НИД кафедры отечественной и зарубежной истории за 2000 год.

Опубликовано всего научных и научно-методических работ 15.

Общий объем в печ. л. 24.3

В том числе	На местном уровне	На республиканском уровне	На федеральном уровне	В центральной печати	На международном уровне	Объем работ в п. л.
Монографии		1				12
Учебники						
Учебн. пособия		1				6
Сб. статей		1				
Статьи		4				1,5
Тезисы доклад.		7				1
Материал конф.						
Методические рекоменд.	1					
Прочие жанры		1				

Научно-педагогические кадры кафедры

Всего лиц профессорско-преподавательского состава	Из них участвовало в НИР	В том числе	
		Профессоров, докторов наук	Доцентов, кандидатов наук
8	5	2	2

Участие преподавателей кафедры в работе межвузовских научных конференций (в том числе на базе БирГПИ)

Название конференции	Уровень	Место проведения	Количество преподавателей, участвовавших в конференции
1. Ежегодная конференция Американской ассоциации по Развитию славянских исследований	международный	США, Денвер, Колорадо 9-12 ноября 2000г.	1
2. Научная практическая Конференция «Зарубежный опыт в развитии общества в России»	международный	г. Омск, 23-24 июня 2000г.	2
3. Второй всероссийский конгресс политологов	всероссийский	г. Москва, МГИМО	1
4. Республиканская научная конференция «2000 лет христианства»	республиканская	г. Уфа, 16 мая 2000г.	1

5. Научно-практическая конференция социально-гуманитарной науки на рубеже XX века	Всероссийский	г. Бирск, 24-25 июня 2000 г.	5
6. Научно-практическая конференция «Источники по истории Башкортостана»	республиканский	г. Уфа, 21 декабря 2000 г.	2

Сведения о повышении квалификации (ИПК, ФПК, курсы, стажировка) преподавателей кафедры отечественной и зарубежной истории.

Ф.И.О. преподавателей, прошедших повышение квалификации	Должность	Место повышения квалификации	Вид повышения квалификации	Возраст преподавателя (до 30 лет, старше 30 лет)	Продолжительность повышения квалификации (сколько месяцев, недель)
Латыпов Р. А.	ст. преподаватель	Университет штата Огайо	стажировка	старше 30 лет	15 августа- 25 декабря

Перечень научных и научно-методических работ, изданных преподавателями кафедры отечественной и зарубежной истории в 2000 г.

№ п/п	Ф.И.О. автора	Название работы	Жанр работы (учебник, монография, статья и т.д.)	Уровень публикаций	Издательские данные	Количество п.л.	Тираж
1.	Латыпов Р.А.	Вождь номер два. Эволюция социально - политических взглядов Л. Д. Троцкого 20- 30 годы XX века.	монография	республиканский	г. Уфа, 2000.	12	300
2.	Сергеев Ю.Н.	Уфимская епархия в 1943-1964 годах.	учебное пособие	республиканский	г. Уфа, БашГУ, 2000.	6	150
3.	Латыпов Р.А.	Владеющий информацией владеет миром	статья. Ватандаш, №1, 6 2000.	республиканский	г. Уфа	0.5	1000
4.	Латыпов Р.А.	Опыт авторитарных демократий и постсоветское Россия	статья	федеральный	г. Москва, ж. Полис, №4, 2000.	0,5	5000
5.	Латыпов Р.А.	Троцкий, Кейнс и «Новый курс Рузвельта»	статья	федеральный	г. Москва, прилож. к газете «1-ое сентября». 2000. №40 октябрь	0,5	5000

6.	Сергеев Ю.Н.	Государство и церковь в Башкирии в XX веке	статья	республиканский	г. Уфа, сборник «Река времени», 2000г.	0,5	300
7.	Габдулхаков Р.Б.	Становление и развитие многопартийности в России в XX веке	статья	международный	г. Омск, сборник «Политические партии, организации, движения в конце XX века», 2000.	0,5	200
8.		«Социально-гуманитарные науки в высшей школе на рубеже XX-XXI веков»	сборник материалов конференции (4 тезисов)	всероссийский	г. Бирск, 2000.	1	300
9.	Габдулхаков Р.Б.	Абитуриенту БирГПИ	Метод. реком.	местный	БирГПИ	3,8	100

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Алеврас Н.Н.** Д.и.н., профессор кафедры отечественной истории ЧелГУ, г. Челябинск
- Абдулов Н.Т.** К.и.н., научный сотрудник Стерлитамакского филиала БашГУ, г. Стерлитамак
- Александров А.П.** К.и.н., старший преподаватель кафедры отечественной истории и документоведения БФ БашГУ, г. Бирск
- Ахмадуллин В.К.** Преподаватель Нефтекамского филиала БашГУ, г. Нефтекамск
- Габдулхаков Р. Б.** Д.и.н., профессор, декан Социально-гуманитарного факультета БФ БашГУ, г. Бирск
- Динисламов Т.Г.** Аспирант кафедры источниковедения и историографии БашГУ, г. Уфа
- Ергин М.Ю.** Научный сотрудник БашГУ, г. Уфа
- Зявгарова Г. Н.** начальник архивного отдела г. Бирска с 2009 г., г. Бирск
- Кирюшин С. В.** Студент Социально-гуманитарного факультета БФ БашГУ, г. Бирск
- Масалимов Р. Н.** К.и.н., доцент кафедры отечественной истории и документоведения БФ БашГУ, г. Бирск
- Назмутдинова О. Р.** К.и.н., ассистент кафедры отечественной истории и документоведения БФ БашГУ, г. Бирск
- Попкова Л. П.** заведующая архивным отделом г. Бирска с 1980 по 2004 годы, г. Бирск
- Самситдинов И.З.** К.и.н., старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин УГАТУ, г. Уфа
- Свице Я. С.** Инженер НИСа УГНТУ, г. Уфа
- Сергеев Ю. Н.** К.и.н., доцент кафедры отечественной истории и документоведения БФ БашГУ, г. Бирск
- Хамидуллин Р. Р.** К.и.н., доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и методики обучения истории БФ БашГУ, г. Бирск
- Хамидуллина И. Н.** учитель МБОУ СОШ № 10 г. Бирска
- Чухланцева А. И.** К.фил. н., старший преподаватель кафедрой всеобщей истории и методики обучения истории БФ БашГУ, г. Бирск
- Ямурзина Л. И.** докторант кафедры этнологии Университета г. Тарту, Эстония

БИРСКАЯ СТАРИНА

Историко - краеведческий альманах

Выпуск 4-5

Малые города Урала: материалы Региональной научно-практической
конференции, посвященной 350-летию г. Бирска
27-28 мая 2013 г.

За достоверность сведений в статьях несут ответственность авторы

Компьютерная верстка и оригинал - макет *Р.Р.Хамидуллин*